

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

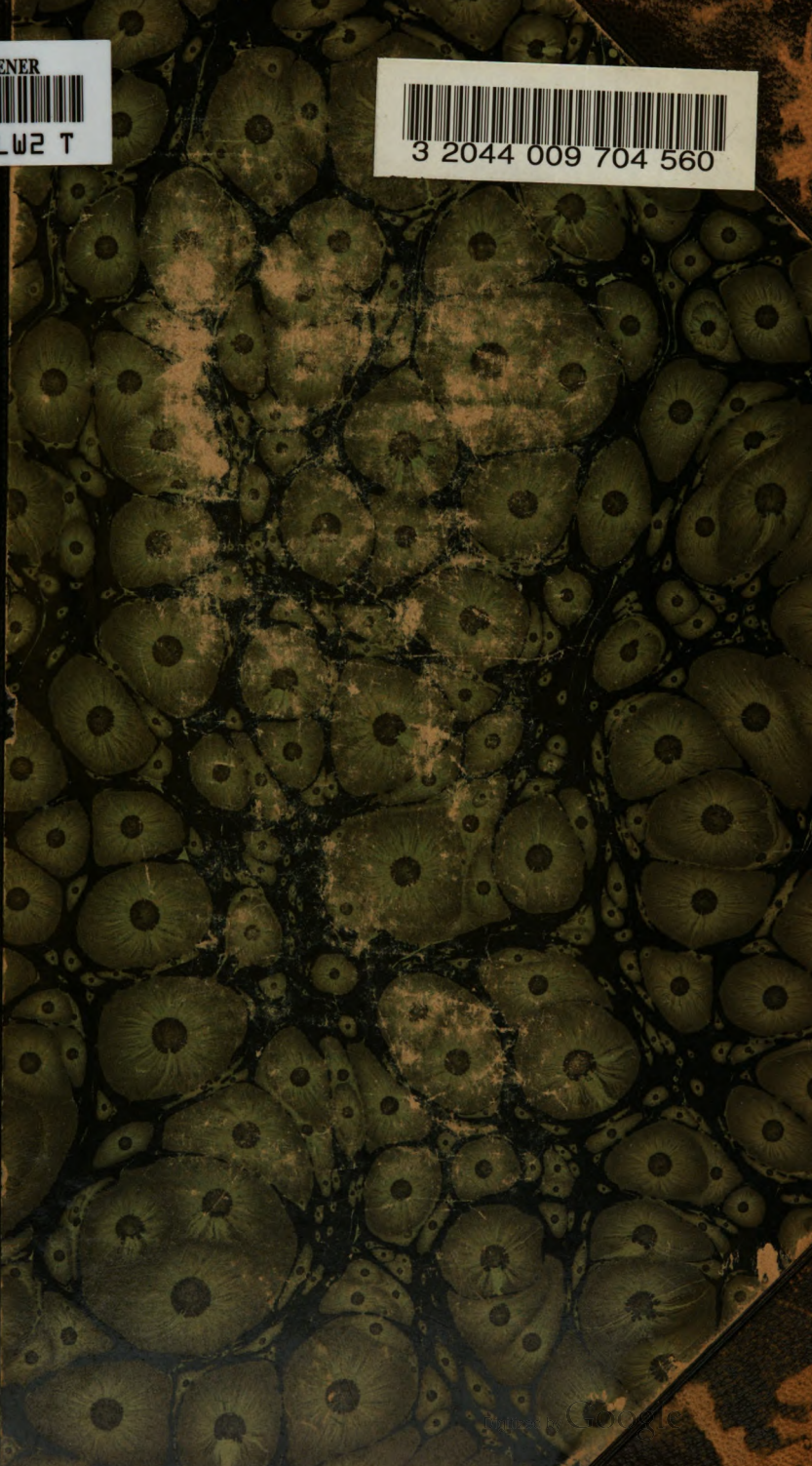
WIDENER

HN KLW2 T

3 2044 009 704 560

3282.59

Harvard College Library

FROM THE

SUBSCRIPTION FUND,

BEGUN IN 1858.

11 Feb. 1896.

О

ВЛИЯНИЕ

ХРИСТИАНСТВА

НА СЛВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

ВЛІЯНІЯ
ХРИСТІАНСТВА
НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.
ОПЫТЪ ИСТОРІИ ЯЗЫКА

ПО ОСТРОМИРОВУ ЕВАНГЕЛІЮ;

написанный

НА СТЕПЕНЬ МАГІСТРА

Кандидатомъ О. Буслевымъ.

Fedor (Ivanovitch) Buslaev.

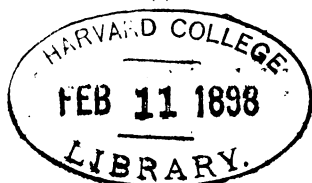

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ,

1848.

3282.59

Subscription fund.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію Совета Московскаго Университета, Марта
31 дня 1848 года.

Секретарь Совета В. Спекторскій.

Ограниченное только древнѣйшимъ текстомъ славянскаго Евангелія, предлагаемое публикѣ сочиненіе, не имѣетъ притязанія на окончательное рѣшеніе самаго важнаго въ исторіи славянскаго языка вопроса.

Палеографическая и собственно грамматическая части Остромирова текста должны были остаться внѣ предѣловъ сочиненія, по самой сущности его предмета, определяемаго исключительно корнесловомъ и изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ приставокъ и образующихъ окончаній. Вліяніе греческаго словосочиненія на славянское есть уже не прямое вліяніе Христіанства на языкъ, и можетъ быть определено только сличеніемъ Остромирова текста со всеми древнѣйшими переводами и сочиненіями оригинальными.

Въ самомъ лексикологическомъ запасѣ славянскаго Евангелія многое остается не рѣшеннымъ до тѣхъ

поръ , пока не приведется въ ясность корнесловъ прочихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета.

Избравъ древнѣйшій текстъ славянскаго перевода Св. Писанія, авторъ имѣлъ въ виду первоначальный способъ начертанія словъ, дающій историческому изслѣдованію твердую опору.

Для того, чтобы опредѣлить степень вліянія Христіанства на славянскій языкъ слѣдовало сначала разсмотрѣть оный внѣ Христіанства, показавъ въ немъ слѣды язычества, и потомъ уже обозначить, что внесено въ него Христіанствомъ. Такимъ образомъ древнѣйшая исторія языка раздѣлилась на два періода: мифологическій и Христіанскій.

Ограниченный объемъ матеріала не позволялъ дать изслѣдованію надлежащей системы, недостатокъ которой старался авторъ восполнить единствомъ взгляда.

I.

ПЕРІОДЪ

ЭТНОЛОГИЧЕСКІЙ.

По мѣрѣ развитія образованности и сближенія съ чуждыми народами, тердается сознательное употребленіе роднаго языка. Лѣтописцы, составители грамотъ и другіе старинные писатели были чувствительнѣе насъ къ значенію словъ, освободѣе ими пользовались и были смѣлѣе въ словопроизводствѣ. Мы даемъ слову свое собственное значеніе, соответственное степени нашего умственнаго образованія: наши предки, еще не утративъ въ своемъ сознаніи первоначальнаго впечатлѣнія, словомъ выражаемаго, не могли на слово налагать чуждое ему значеніе, и примѣняли свою мысль къ основному корню слова, естественно развивая такимъ образомъ его смыслъ. Привычка обращаться только къ извѣстнымъ, литературою усвоеннымъ выраженіямъ, заключаетъ насъ со всѣмъ богатствомъ современнаго мышленія въ

тѣсномъ кругу, изъ котораго иногда извлекаеть только высокое дарованіе писателя, воспитаннаго возрѣніями и смысломъ роднаго языка: ибо языкъ пока живеть въ народѣ, никогда не утратитъ своей животворной силы; и всякое замѣчательное въ литературѣ явленіе есть какъ бы новая попытка творчества въ языкъ, есть возрожденіе той же самой силы, которая первоначально двинула языкъ къ образованію. Потому-то писатели классическіе бываютъ создателями новыхъ словъ и оборотовъ, которые однако всѣмъ понятны: они намъ нравятся не потому, что они новы, а потому что мы ради найти въ насъ самихъ, въ родномъ языкѣ, столь для насъ извѣстномъ — незамѣченное нами. Такимъ образомъ всякое гениальное нововведеніе въ языкъ скорѣе можно назвать находкою утраченнаго, нежели приобрѣтеніемъ новаго: и наша радость въ этомъ случаѣ объясняется временнымъ пробужденіемъ въ насъ сознанія къ творческой силѣ нашего собственнаго слова.

Напрасно стали бы мы въ исторіи языка искать того древнѣйшаго періода, когда человекъ вполне сознавалъ свое слово: въ старину онъ только менѣе отдѣлялъ отъ него свою мысль. Потому слово, какъ вѣрное выраженіе преданій и обрядовъ, событій и предметовъ, понималось въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что выражаетъ: названіемъ запечатлѣвалось вѣрованіе или событіе, и изъ названія вновь возникали сказаніе или мифъ; изобразительнымъ воз-

зрѣніемъ слово живописало страсти и духовныя способности челоуѣка, и своею изобразительностью пораждало въру въ вещественное явленіе духовнаго. Затерянное въ отдаленныхъ вѣкахъ вѣрованіе удерживало свое бытіе въ сохранившемся названіи, намекавшемъ на утраченное. Простосердечное мышленіе не понимало въ языкѣ суетной прикрасы, и изобразительность языка, въ древнѣйшемъ его періодѣ, казалась естественнымъ, прямымъ выраженіемъ мысли: ибо мысль не могла еще во всей отвлеченности отрѣшиться отъ тѣхъ жизненныхъ образовъ, отъ тѣхъ вѣрованій и наивныхъ убѣжденій, которыя собственно выражались словомъ. Этотъ древнѣйшій періодъ языка, по внутреннему значенію, можно назвать миеологическимъ, по способу же воззрѣнія — эпическимъ. Не смотря на свободу, съ какой въ старину пользовались языкомъ, нельзя не замѣтить эпической обрядности въ повтореніи извѣстныхъ обычныхъ выраженій: сказанное однажды о какомъ либо предметѣ казалось столь удачнымъ, что уже не нужно было видоизмѣнять оное. Это свойство древнѣйшаго языка было существеннымъ основаніемъ, почему языкъ становился вѣрнымъ орудіемъ преданія. Каждое слово, возбуждая живое впечатленіе, имъ выражаемое, останавливало на себѣ вниманіе; точно такъ, какъ эпическій поэтъ до малѣйшей подробности любитъ описывать каждый встрѣчающійся ему предметъ: и какъ свободная мысль эпическаго поэта какъ бы невольно увлекается созерцаніемъ разнообразія видимой природы; такъ и

языкъ сновывалъ развитіе мысли, поглощая ея отвлеченность изобразительнымъ впечатлѣніемъ, выражаемымъ въ словѣ.

Богатыя уюдобленія и блестящія картины, столь свойственныя эпическому воодушевленію, живутъ той же творческой силой и въ древнѣйшемъ языкѣ, въ отдѣльныхъ реченіяхъ: и неудивляютъ говорящаго своею мѣткой изобразительностью, подобно тому какъ все истинно прекрасное въ природѣ чуждо изысканности, и плѣняетъ другихъ, въ своей простотѣ не разумѣя само, какъ оно прекрасно. Наконецъ языкъ, въ древнѣйшемъ періодѣ своего образованія, уже и потому является неразлучнымъ спутникомъ народной эпической поэзіи, что вмѣстѣ съ ней является сокровищницею вѣрованій и преданій, имъ запечатлѣнныхъ въ памяти народа.

Въ эпическихъ формахъ, даже и досель удержанныхъ народною рѣчью, открываются слѣды глубокой древности. Слово, какъ звукъ, выражающій движенія потрясенной души, тронутой впечатлѣніемъ вѣшнимъ въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, означаетъ предметы по тѣмъ свойствамъ, какія ярче бросаются въ глаза и затрогиваютъ воображеніе. Ежедневное употребленіе въ послѣдствіи возводитъ впечатлѣніе до общаго понятія: но сила начальнаго впечатлѣнія возникаетъ вновь и остается на память народу въ постоянномъ эпитетѣ, который какъ бы подновляетъ употребленіемъ сглаженную съ сюза

краску, придавая ему свѣжесть перваго впечатлѣнія, Родство происхожденія постоянного эпитета и названія предмета убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ послѣдствіи изъ первоначальнаго впечатлѣнія и постоянного эпитета развивается цѣлое повѣріе. Для исторіи языка весьма важно обратить вниманіе на такой переходъ слова отъ значенія просто нагляднаго къ мнѣологическому, глубоко коренящемуся въ нравахъ и обычаяхъ народа. Впечатлѣніе, производимое цвѣтомъ предмета, есть самое естественное; и эпитеты, означающіе сіянье, блескъ, стоятъ въ ближайшей связи съ поклоненіемъ огню и свѣту небесному. Преимущественно замѣчательны въ исторіи языка эпитеты сербской народной поэзіи, столь обильной эпическимъ воодушевленіемъ; начнемъ ими. Такъ золото называется сухое, серебро бѣлое: од суха злата, од сухога злата, од биѣла сребра: говорится также и: чисто сребро, какъ у насъ.

Сухое золото. Сначала объяснимъ значеніе слова золото, въ О. Е. злато. Нашъ звукъ з соответствуетъ въ Санскритѣ звуку г, который, какъ и у Славянъ, переходитъ въ знд. з: скр. агам, знд. азѣм, азъ; скр. вагати, знд. вазанти, везеть; скр. гима, знд. зіао, зима; скр. гѣм (гѣ), знд. зѣо, зѣм, винит. занм, земля. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ г, измѣненный какъ у насъ, такъ и въ знд. въ з.—Касательно втораго звука, именно л, тоже должно замѣтить, что ему соответствуетъ р, и притомъ слово съ звукомъ р первобытъ: такъ знд.

гара (гор-ла) ближе къ основному корню, нежели скр. гала, ибо происходитъ отъ скр. grū (гл-отать), хотя есть и другой глаголъ гал (тоже глотать), но уже образованный смягченіемъ перваго: у насъ и горло, жерло и глотка: равно какъ и въ лат. gula и gurges. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ р. вм. л. — Въ энд. зара ближайшая форма къ нашему злато, и какъ образуется это слово у насъ съ суф.-то, такъ въ энд. съ суф.-ня: зара-ня: слич. скр. гира-ня: а оба эти суфф. равнозначительны, что видно изъ словъ: выши-на и высо-та, глуби-на, и глубо-та, скр. джѣви-та живо-ть и джѣв-ана, чеш. živ-епа. Можетъ быть злато въ его энд. формѣ зара, въ славянскомъ языкѣ сроднилось съ словами: заря свѣтъ и зрѣти не только видѣть, но и свѣтить, откуда срб. зрак, зрака солнечный: лучь. Но въ отношеніи къ аналогіи съ другими языками весьма важно указать на древнѣйшую скр. форму: гаура flavus, съ звукомъ г, соответствующимъ нашему з: и какъ въ нѣм. нарѣчіяхъ мы замѣчаемъ слѣдующій переходъ понятій: gelb, срд. нѣм. gilwe (flavor), galle (bilis), гот. gulþ, скан. gull золото: такъ и скр. гаура, лит. geltas, geltonas (flavus) переходитъ въ жолчь, въ О. Е. зльчь, зльчь (слѣд. желтый, чеш. žlutý = золотой) и въ злато: сродство понятій о цвѣтѣ и золотѣ еще не утратилось во времена Нестора, сохранившись въ обычномъ эпическомъ выраженіи языческой клятвы: „да будемъ золоти яко золото“ Лавр. 31. Теперь обратимся къ срб. эпитету: сухо злато. Нынѣшнее зна-

ченіе словъ: сухой, сушить, никоимъ образомъ не объясняетъ этого эпитета. Золото по своему значенію предполагаетъ при себѣ эпитеты: свѣтлый, горящій, красный, желтый. Такъ въ нѣм. нарѣчіяхъ эпитетъ золоту: красное: въ *Эддѣ gull gaut*, въ *Nibelung. geben rotez golt*, въ нашей народной поэзіи также: красно золото. Даже въ Санскритѣ корень *суш* значить только *agescere, zissagi*: но, утраченное въ глаголъ, первобытное, мифологическое значеніе сохранилось намъ въ скр. производномъ: *сушма* (-ма суф., корень *суш*) въ смыслѣ *sol, ignis, lumen, splendor, vis, vigor*. Слѣд. сухой, въ его мифологическомъ, древнѣйшемъ значеніи силы огня и солнца, какъ нельзя лучше могло быть эпитетомъ злату: чему соответствуетъ другой эпитетъ въ сръб. пѣсняхъ: чистим серебромъ и *жеженим* златомъ, Вук. 2. 217. Если это былъ исконный эпитетъ злату у Славянъ, то онъ былъ и у насъ: и вѣроятно этимъ эпитетомъ объясняется клятва: да будемъ золоти, т. е. изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня.

Бѣлое серебро. Въ Санскритѣ и этотъ эпитетъ и самый предметъ выражаются однимъ словомъ: *раджата*, откуда лат. *argentum*, гр. *ἀργυρος*, подобно Санскриту раздѣляющее свое значеніе и для предмета, и для эпитета: *ἀργός* свѣтлый, ясный, бѣлый. Славяне выразили свое сознаніе о первоначальномъ воззрѣніи эпитетомъ: бѣлый. Какъ быстрый, у Сербовъ: *бистар* значить *klar, limpidus*, и *бистрана* *klarheit, limpidus*, такъ и у Гомера *χρῆς ἀργοί* не только бѣлыя

еобаки, но быстрыя: ибо съ понятіемъ о свѣтѣ соединяется представленіе о быстромъ впечатлѣніи, мгновенно поражающемъ зрѣніе. *) — Касательно производства слова серебро; въ О. Е. серебро; лит. sidábras; лтн. zsudgrabs; др. ир. sírablan (въ косв. пад.), гот. silubr — мнѣнія различны: Юнгманъ; слѣдующаго Потту, сближаетъ его съ скр. сѹбра splendidus; albus; отъ сѹб splendere; Миклошичъ; слѣдующаго Бенфею; разлагаетъ его на два слова: скр. свѣта бѣлый и абрас золото. Оба мнѣнія сходятся по крайней мѣрѣ въ томъ; что понятіе о близости заключается въ смыслѣ слова серебро. Производство Потта менѣе натянуто. **)

Понятіе о свѣтѣ заключается въ древнѣйшемъ славянскомъ наименованіи драгоценнаго камня: въ О. Е. бисерьъ μαργαρίτης. Добровский замѣчаетъ объ этомъ словѣ только: peregrina vox est. ***) Но самостоятельное употребленіе его въ языкѣ Св. Писанія свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ его существованіи у Славянъ: у Ул. ему соответствуетъ грецизмъ: μαργεῖτις. Наше бисерьъ употреблялось въ Санкритѣ въ формѣ прилагательнаго б́асура lucidus, splendidus, б́асвара luminosus, отъ глаг. б́ас, или съ краткимъ а:

*) Другое объясненіе см. въ Zeitscht. f. d. Wissensch. d. Sprach. herausg. v. Höfer, 1847, 1, 99.

**) Etym. Forsch. 2, 414.

***) inst. l. sl. 295.

бас *lucere, splendere*; слѣд. скр. эпитетъ сохранился у насъ въ названіи предмета. Потому-то понятіе о свѣтѣ и сіяніи постоянно соединяютъ наши старинные писатели съ словомъ бисеръ: „въ невѣрныхъ чело-
вѣцѣхъ *свѣтъ* сякае аки бисеръ *) въ калѣ“, говоритъ Несторъ объ Ольгѣ, Лавр. 29. — Въ одной миеологической сербской пѣснѣ (Вук. Ст. Кар. I, № 226) Вила строить: „једна врата сва од злата, друга врата од бисера.“ Въ Словарѣ 1282 бисеръ причтенъ къ словамъ жидовскимъ, т. е. иностраннымъ, съ объясненіемъ: камень чѣстнъ, Кал. I. Е. Б. 194.

Въ названіяхъ миеологическихъ эпитетъ достигаетъ высшаго значенія. Понятіе о свѣтѣ глубоко лежитъ въ названіи Русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа. Хотя онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ начальною ихъ стихіею. Рѣчное названіе Руса, откуда Русалка черезъ форму рус-ло, ведетъ свое происхожденіе отъ слова: русый, распространившагося не только на сѣверъ, гдѣ находимъ фин. *rus* **) краснѣй, рыжій, но и на югъ, такъ что у сербовъ руса постоянный эпитетъ головы: „и русу му оснѣже главу.“

*) Рейвъ, не взявъ въ расчетъ древняго и слѣдовательно настоящаго значенія слова бисеръ, объясняетъ его по теперешнему значенію арабскія: *bousser, boussa*—grain de verre.

**) Бутковъ ограничиваетъ названіе Русы финскимъ происхожденіемъ, см. о Финск. слов. въ V части Труд. Рос. Ак. 1842.

Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: на *potoku Rusawě*, но и въ келт. *rus, ros* озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка санскритскаго, именно въ языкѣ Ведъ, находимъ русат *gūtilans*, глаголь же русъ остался и въ послѣдствіи, но только въ значеніи *ferre, oxidere*, съ перемѣною же небнаго с въ ч, перешель въ руч *lucere, splendere*.—Сначала покажемъ связь огня съ водою въ языкѣ, и потомъ въ повѣрїяхъ.

а) По скр. *pāt'a* вода, *pāt'is* море, (гр. *πόταμος, πόντος*;) и вмѣстѣ огонь, солнце: первое значеніе обыкновенно производять отъ *pā* пить, а второе отъ *pā servare, sustentare*. Въ др. нѣм. названія источниковъ также стоятъ въ связи съ огнемъ: *grunno* отъ *grunpan ardere, sôt* отъ *siodan fervere*; точно такъ, какъ др. нѣм. *velle fluxus* относится къ *vallan fervere*, и *sual subfrigidus* къ *suēlan ardere*: такъ и скр. *vāri* вода къ нашимъ варъ (вообще жаръ), варити, врѣти; и чух. *wagi aestas*: такъ что время точно также происходитъ отъ врѣти, и означаетъ сначала жаркое время года и потомъ вообще время, какъ лат. *tempus* отъ скр. *tap*, откуда наше топ-ить, лат. *ter-co*. У Индійцевъ время происходитъ отъ дождя: скр. *варша* дождь и *абда* дающій дождь (т. е. облако), собственно дождливое время года, а потомъ и время или годъ вообще. У Нѣмцевъ время и годъ происходятъ отъ холода: изъ слѣдующихъ сличеній увидимъ, что Нѣмцы жили въ климатѣ болѣе холодномъ, нежели Славяне. Зима въ О. Е. не только *χαλιών*, но и *ψύχος*, Иоанъ 16, 18 яко

зима бѣ ὄτι ψύχος ἦν, у Ул. kalds, т. е. холодъ. Ясные слѣды находимъ мы, что зима значить у насъ не только холодъ, но даже и сѣверъ, на пр. въ Юрид. Акт. а у сосны верхъ кривъ взиму, 168, или еще яснѣе: Къргоозерце полуенная сторона къ Липнику, а зимная сторона къ Шубачу, 163. По-литовски žjemys — сѣверный вѣтеръ; въ чшс. нарѣчїи зима также значить холодъ, что видно изъ Чеш. отр. X в: zima bese, въ томъ же выше-означенномъ мѣстѣ Евангелїя. Для χειμών же Ул. употребляетъ собственно vintrus, которое значить у него и вообще годъ, въ исчисленїи времени, ἔτος; точно также и въ скн. языкѣ годы считаются зимами, уже въ Эддѣ: þau bioggo siau vetr, они жили семь зимъ, т. е. годовъ. *) Напротивъ того въ О. Е. годы считаются уже лѣтами: двѣнадцате лѣтъ имаци, у Ул. же vintruns duatgaggaudei, Mat. 9. 20.

б) Преданїя и вѣрованїя, подобно языку, сближаютъ воду съ огнемъ. По нѣмецкому вѣрованїю Ostara, Еástre была божествомъ свѣтлаго утра и восхода солнечнаго, а со введенїемъ Христіанства перешла въ значенїе Пасхи (хотя у Ул. еще только раска); ибо, по преданїю, въ первый день Пасхи по утру солнце скачетъ въ три прыжка, и играетъ и пляшетъ. Это преданїе было и у Славянъ, что видно изъ эпическихъ формъ Крамевд. ркпци: slunce postúpi wterým krokem „i krokem třetiem nad wršiny lesné“ (Čestm. a Wlasl.); у Лужичанъ это преданїе о

*) Grimm, Lied. d. alt. Edda. 2.

солнцѣ осталось и досель. На рунич. надписяхъ *) находимъ форму *austg*, сходную съ скн. *austg*—поднимающаяся вверхъ вода, на пр. на корабль, отъ глагола *ausa* поднимать, *ösa* въ томъ же значеніи, но преимущественно о водѣ. Для сближенія этого слова съ обрядомъ любопытно скн. языческое выраженіе: *at ausa valni*, т. е. облить водою, ксему соответствуетъ Христіанское: *at skíga* — очистить: по языческому скн. обряду поворожденныхъ дѣтей орошали и освящали водою. У Лужичанъ и досель спрыскиваютъ и поливаютъ скотину на Пасху. Проповѣдники Слова Божьяго, примѣняясь къ древнимъ обычаямъ, крестили около Пасхи; а вода воскресенская, по нѣмецкому и славянскому (у Лужичанъ) суевѣрію, молодить и красить лицо, такъ какъ у насъ вода съ перваго вешняго грома. Согласно съ этимъ повѣрьемъ находимъ въ Густ. лѣт. XVII в. не только: „поливанія водою на великъ день“, но и подробное описаніе языческаго обряда на Пасху: „отъ сихъ единому нѣкому богу на жертву людей топяху, ему же и доньнѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творять: въ день пресвѣтлаго Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметають челоуѣка въ воду.... по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою обливаютъ, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяють.“ Ипат. въ прибавл. 257. Нѣмецкую Остару Лужичане осмыслили себѣ словомъ,

*) Dieterich, Runen-Wörterb. Stockholm, 1844, стр. 229.

намекающимъ на утро, для означенія Пасхи, а именно: jutry, witry, jatry, jatschy, watschy и даже jastry, что всего ближе къ нѣмецкому. Конечно *утренняя пляска* солища могла бы какъ не лъзя лучше согласоваться съ понятіемъ объ утрѣ, но jutro, утро во множ. jutra, а не jutry. Самое множественное число въ луж. названіи Пасхи согласуется съ множ. нѣм. ôstarun; вышедшее изъ употребленія нижн. луж. названіе мѣсяца Апрѣля jatschman есть др. нѣм. и др. сакс. ôstar-mânôth, eáster-mônadh, получившее происхожденіе отъ Остары *), о чемъ свидѣтельствуесть и Беда (de temp. ratione 13) слѣдующими словами: „eostur-mônâth, qui nunc paschalis mensis interpretatur, quondam a dea illorum, quae Eostra vocabatur et cui in illo festa celebrabant, nomen habuit, a cujus nomine nunc paschale tempus cognominant, consueto antiquae observationis vocabulo gaudia novae solemnitalis vocantes.“ Подобное же поклоненіе свѣту и огню, соединенное съ поклоненіемъ водѣ, находимъ и въ обрядѣ Весталь: что особенно важно потому, что нѣкоторые сличаютъ нѣмецкую Остару съ лат. Вестою **). Служеніе Весталь состояло между прочимъ въ почерпаніи очистительной воды въ священные сосуды; и anclare почерпать есть вѣроятно сокращенная форма глагола anculare ***), отъ коего Фестъ производитъ

*) v. d. Hagen, Neues Jahrb. d. Berlin. Gesellsch. f. deutsch. Spr. u. Alterth. 1846, стр. 132.

**) Id. 1844, стр. 244—250.

***) Pfund, Altitalische Rechtsalterth. 1847, 2.

слово ancilla: „ancillae— sic appellantur quod antiqui ancillare dicebant pro ministrare.“ Отъ глагола ancillare произошло ancillaris, такъ объясняемое Фестомъ: „ancillaris ea (т. е. mensa), quæ in sacrificando diis ancillatur, quod est hauritur ministraturque.“ Здѣсь кстати замѣтимъ, что лат. ancillaris соответствуетъ нашему точно, коимъ въ словарь 1282 г. объясняется алтарь, Кал. I. Е. Б. 194; въ О. Е. оно употребляется только въ смыслѣ ὑπολήμιον, Мат. 21, 33. Ул. своимъ переводомъ этого слова, Мр. 12, 1, объясняетъ связь того и другаго значенія нашего точно; именно: dal ul mesa, слово въ слово: углубленіе, яма въ столѣ или доскѣ.

Итакъ ни языкъ, ни повѣрїя не препятствуютъ признать въ нашей русалкѣ значеніе не только существа, живущаго въ водѣ, но и свѣтлаго, яснаго: не одна *быстрога* (и въ смыслѣ сербск. нарѣчїя) воды допускала такое сближеніе, но и самое поклоненіе этой стихїи. Даже, судя по Санскриту, можно допустить, что понятіе о свѣтѣ было первоначальнымъ.

Соответственное Русалкѣ божество, Вѣла сопровождается постояннымъ эпитетомъ, означающимъ свѣтъ, красоту, бѣлизну: бѣла вѣла, въ Серб. пѣси; ибо бѣлый значить первоначально и прекрасный, ясный, свѣтлый: у Славянъ и доселѣ сохранилось это значеніе. Какъ важенъ при имени этой богини эпитетъ, свидѣлствуютъ Словаки, которые ее называютъ только по эпитету: bjele ranj. Слич. крн. wēl bēl, wēlina, wēlūst—бѣлизна.—Въ старину взролт-

но дальше было распространено между славянскими племенами върваніе въ Вилѣ. Въ одной болгарской сказкѣ, ркпсь XIV в., греческія богини названы: вилы пророчица, Вост. Оп. Рум. Муз. 387. Онѣ были и у насъ, чему свидѣтельствомъ служить Слово нѣкоего Христолюбца 1525 г.: «върующе—въ вилы ихже чісломъ тридевятъ сестрениць», *ibid* 228. — Какъ Русалка, живя въ водѣ, любитъ выходить и на сушу, и, сидя на деревѣ, расчесываетъ свои длинныя косы: такъ и Вилы, хотя живутъ на горахъ, но около воды. Какъ Русалки, такъ и Вилы почитаются душами усопшихъ младенцевъ: это върваніе роднитъ Вилу съ лит. *wélės* души умершихъ, и съ латыш. *wels* первоначально богъ усопшихъ, а въ послѣдствіи чортъ, равно какъ и лит. *wélnas*. Сличая вилу съ лит. и латыш. формами, мы должны остановиться во первыхъ на измѣненіи *и* въ *е*, и вовторыхъ на приставномъ звукѣ *с*. Уже Шафарикъ *), сблизивъ вилу съ скн. *vōla*, допускаетъ измѣненіе звука *і* въ *ō*: а надобно замѣтить, что скн. *vōla* колдунья, въ отношеніи гласной предполагаетъ древнѣйшую форму *vala*, которая дѣйствительно и употребляется, и въ томъ же значеніи **); слич. у Славянъ: *vilenik* чернокнижникъ, колдунъ, *vilenisctuo*—чернокнижіе, *vilensztvo*—колдовство; въ отношеніи же окончанія замѣчательна болѣе полная форма: скн. *vōlva* тоже колдунья, но

*) Slow. Staroz. 51.

**) Fr. Dietrich, *altnord. Leseb.* 282.

первоначально мифологическое существо, о коемъ говорится одна изъ древнѣйшихъ пѣсень Эдды, именно *Völuspá*. Слѣдовательно изъ сличенія нашей вилы съ лит. и нѣм. формами выводится древнѣйшій видъ этого слова: валес, валс, велс, валв, вель. Конечные звуки *с, в*, утративъ значеніе, становятся придыханіями, равно какъ *х, г*: потому ски. *völvä* колдунья есть женская форма фин-го *völho*, *velho* колдунъ: и какъ ски. *völvä* ходить и въ сжатой формѣ: *völa*, такъ и фин. *völho* измѣняется въ *völlo*. По свойству славянскаго языка гласный звукъ передъ плавнымъ переходитъ по другую сторону плавнаго, напр. *helm* шлемъ: потому *völvä*, *völho* является въ О. Е. въ древ. слав. формѣ влѣхвъ, т. е. влѣхвъ или влѣхвъ, влѣхвъ; а русскій языкъ ставитъ гласный звукъ и передъ плавнымъ и послѣ, напр. шеломъ: слѣдовательно волхвъ или волховъ *), и особенно у Нестора: волъсви, Лавр. 16, собственно русская форма. Въ отношеніи окончанія

*) Бутковъ Волховъ производитъ отъ финскаго *wuollas* стремительный потокъ, о Фин. слов. Но это слово есть общее достояніе европейскихъ народовъ: уже въ древнихъ агс. законахъ *vullas*—ручьи причисляются къ предметамъ языческаго поклоненія. Вообще производство слав. словъ изъ фин. языка требуетъ большой осторожности: Бутковъ наше древн. серень производитъ отъ фин. *siegaun, siegeun*—земля, покрытая зимою твердою корою. Но въ Ипат. стр. 185 читаемъ: «падшу снѣгу и серену». Какимъ же образомъ можетъ падать съ неба мерзлая земля? Еще Памва Берында толкуетъ: «Слава: *серень*—роса змерзлая, слотá. слань: слотá.»

это слово весьма важно для исторіи славянскихъ звуковъ : ибо не только производныя слова , на пр. въ Вологодской губерніи волхатъ—колдунъ, въ Малороссіи волштити хитрить , но и въ народныхъ пѣсняхъ извѣстное собственное имя Волхъ—показываютъ, что конечнымъ звукомъ *в* замѣняется утраченный гласный заключительный звукъ : следовательно древнѣйшая форма могла быть: вльху, вльхо, вльхѣ: что будетъ совершенно согласно съ формами: *völho*, *völvā*. — Какъ жрецъ, жертва, пол. *żarzyzna* произошли отъ поклоненія огню , будучи произведены отъ жрѣти, горѣти, лит. *gargas* дымъ: такъ и волхвъ, вльхъ, *völho*, согласно съ вѣрованіемъ въ высшую свѣтлующую силу солнца, является въ первоначальной формѣ въ скр. глаголь: *валг* свѣтить, блистать. Следовательно волхвъ есть не только синонимъ жрецу но и его древнѣйшее индоевропейское именованіе, жрецъ же есть уже позднѣйшая, въ языкѣ славянскомъ созданная форма; волхвъ носить въ себѣ память о поклоненіи свѣту , жрецъ прямо указываетъ на жертву и огонь. Следовательно въ древнѣйшемъ образованіи слова волхвъ заключается причина тому, что это слово въ послѣдствіи потеряло свой опредѣленный смыслъ, смѣшавъ понятіе о жрець съ понятіемъ о божествѣ и существѣ сверхъестественномъ, что видно изъ скн. *völvā* и нашего Волха Всеславича. Такъ какъ въ племени чудскомъ сохранилось въ болѣе чистой формѣ это слово , то въ немъ же нужно указать и оправданіе нашему производству : у Мадьяровъ или Уральской Чуди дѣйствительно на-

ходимъ скр. глаголь валг въ существительныхъ : világ сiяніе, свѣтъ, и villám молнія.—Кромъ понятія о свѣтъ, скр. валг, по закону являющееся въ формахъ : балг и барг, значить ferire, occidere, точно такъ какъ и русъ означаетъ и то, и другое. Следовательно въ самомъ Санскритѣ находимъ оправданіе родству Вилъ и Русалокъ: и сербская Вила, согласно съ своимъ производствомъ, обыкновенно *стрѣляетъ* по врагамъ своимъ въ руку, въ ногу, или въ сердце. Эпическое представленіе оружія также сближаетъ понятія о пораженіи съ понятіемъ о свѣтъ, какъ въ нѣм. преданіяхъ, такъ и нашихъ. У Славянъ стрѣла значить и sagitta и лучъ, что видно изъ glos. Mat. verb: strel se vrsene (стрѣль же верженіе) radiorum autem ictus; равно какъ и у Нѣмцевъ strâl radius, муж. род., а др. нѣм. strâla жен. рода—наша стрѣла, впрочемъ въ агс. stroel хотя и муж. род., но въ значеніи стрѣлы. Согласно съ представленіями въ языкѣ, преданія говорятъ о свѣтъ, выступающемъ на концѣ оружія : въ пѣсняхъ Эдды находимъ эпическое выраженіе: *на копьяхъ лучи стоятъ* *); въ другихъ мѣстахъ говорится яснѣе: „это зовется огонь, но онъ долго (lengi, высоко?) трепещетъ на острѣѣ копья“; или : „смертное пламя (hraelog) горитъ на копьяхъ“. Оддо такъ ослѣпилъ Норвежцевъ въ одномъ сраженіи, что въ суетвѣрїи видѣли, какъ пламя стремится изъ мечей вражескихъ. Слич. Tacit. ann. XV,

*) Brüd. Grimm, Lieder d. alt. Edda, 1815, стр. 64—66.

7 pila militum arsere, XII, 64 signa militum arsere. Вѣроятно тоже представленіе лежитъ въ основаніи темнаго въ Сл. о П. И. выраженія: „смагу мычючи въ пламянь розъ.“ Не стоитъ ли въ связи съ словомъ рогъ—рожанецъ?—въ Ипат. 186 читаемъ: „срѣлцемъ же обаполь идущимъ, и держащимъ въ рукахъ рожанци своѣ, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ.“

Примѣч. Для полноты сближенія эпическихъ представлений нѣмецкихъ съ нашими, укажемъ на другое свойство оружія: оно поетъ. Въ древней ски. клятвѣ говорится: да не кусаетъ мечъ, тобою обнаженный, хотя бы и пльзъ онъ у твоей головы, Völsunga. Скандинавская поэзія богата подобными выраженіями: мечъ кусаетъ и звенить о ихъ черепы, saga Hrolfs konungs Kraķa; топоръ высоко запльзъ, отрубивъ ему голову, saga Ketils Naengs *). Этими эпическими формами объясняется темное мѣсто въ Сл. о П. И. „копіа поють на Дунаи.“ Подобно оружію, и знамена одарены тою же человѣческой способностью: въ Сл. о П. И: „стязи глаголютъ,“ Вольфрамъ въ Парц. говоритъ: ein Trühendingaer pfanne mit krapfen selten dâ erschrei, слич. также Helmbrecht 1398: sô schriet mir mîn pfanne.“ Вообще взгляды нѣмца и славянина на оружіе и воинскіе доспѣхи во многомъ сходятся: такъ въ Сл. о П. И. щиты червленныя, въ нѣмецкихъ памятникахъ эпитетъ ши-

*) Philologus, изд. Schneidewin. 1846, № 2, стр. 340—343.

ту: красный *). Выраженіе въ С. о П. И. „конецъ копія въскрѣмлени“ — согласуется съ представленіемъ въ Эддѣ: „копьями кормилъ гадовъ змѣиныхъ“, т. е. трупами падшихъ отъ копій. Заимствованія одного народа отъ другаго здѣсь никакъ не мѣзя предположить: воображеніе и одинаковый взглядъ на вещи — источникъ этимъ представленіямъ. Какъ естественно, на пр., преданіе о слѣпомъ Вермундѣ, отличающемъ свой мечъ по звуку. Уже у Гомера, какъ и въ нашихъ пѣсняхъ, поетъ тетива, спѣла тетивка, Од. 21, 411:

δεξιτερῆ δ' ἄρα χειρὶ λαβῶν περὶ ῥαχτο νευρῆς.
ἢ δ' ὑπὸ κλάδον ἄεισε, χελιδόνι εἰκέλη αὐδῆν.

Согласіе эпическихъ представлений въ языкѣ съ эпическими формами народной поэзіи опредѣляетъ древнѣйшую эпоху образованія и исторіи языка.

Дальнѣйшее развитіе того же воззрѣнія, которое лежитъ въ основѣ вѣрованій въ Русалку и Вилу, находимъ въ нѣмецкихъ преданіяхъ объ Эльфахъ и Валькиріяхъ. Вотъ главнѣйшія черты, опредѣляющія родство славянскихъ повѣрій съ нѣмецкими:

а) Какъ Вилы и Русалки почитаются душами некрещенныхъ младенцевъ, такъ и Эльфы **) не только души умершихъ — потому-то они и пляшутъ на кладбищахъ и празднуютъ смерть человека —, но и падшіе съ неба ангелы, однако не погибшіе въ аду, а въ печали и мукѣ жи-

*) Grimm. D. R. A. 35, 74.

**) Jrische Elfenmärch., von d. Brüd. Grimm, 1826.

дающіе рѣшенія своей участи : подобно тому , какъ страдаетъ душа некрещенаго младенца , по нашимъ преданіямъ , и летаетъ безпріютная , прося крещенія . Самая внѣшность Эльфа согласуется съ нашимъ преданіемъ о младенцахъ : въ настоящемъ своемъ видѣ онъ является прекраснымъ дитятею . Какъ съ одной стороны существа водныя олицетворяють души некрещеныхъ младенцевъ , такъ съ другой стороны огонь , а именно блудящій , есть тоже душа умершаго безъ крещенія младенца , на пр. у Лужичанъ .

- б) Эдда различаетъ два рода Эльфовъ : *бѣлые* Эльфы , или Эльфы свѣта , и *черные* , или Эльфы тьмы . Не только эпитетъ Вилы , но и самое названіе ея , равно какъ и Русалки , указываютъ на то , что наши мифологическія существа относятся къ первому разряду , какъ древнѣйшему : ибо низверженіе божества во тьму относится уже къ тому времени , когда Христіанство оказало вліяніе на древнѣйшія народныя вѣрованія : потому - то бѣсъ , первоначально существо свѣтлое , отъ скрѣас свѣтитъ , въ вѣрованія Христіанскомъ перешель въ духа тьмы . *) Точно такъ и Дивъ первоначально божество , что видно изъ слѣдующей

*) Согласно съ представленіемъ въ языкѣ , Христіанскіе живописцы , по древнему преданію , изображали змія прельстителя съ прекраснымъ лицомъ .

приниски въ переводъ Григор. Богосл., ркис., XI в., по Кеппену (Библ. лист. 1825, № 7): „*Овъ дню жьреть , а друогын дивии*“ — происходитъ отъ скр. див splendere, и собственно божество небесное, ибо скр. див, дива небо. Въ послѣдствіи, въ серб. поэзи Дивы имѣють своего старшину, и являются существами враждебными, см. Вук. Ст. Серб. пѣсн. 2, № 8. Въ Сл. о П. Иг.: „дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемъ“. Гриммъ *) приводитъ подобное же мѣсто изъ одного др. нѣм. произведенія, гдѣ является бѣда, какъ бы нѣкій демонъ, сидящій на деревѣ. Подобное вышеупомянутому дѣленію въ Эддѣ, мы находимъ и у насъ, такъ въ Лавр. 77 читаемъ: „то каци суть бози ваши, кдѣ живутъ? онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходятъ же и подѣ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людій, то възносимъ естъ на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну“. — Это сказаніе отличается отъ преданій нѣмецкихъ только тѣмъ, что приписываетъ бѣсамъ (и ангеламъ?) крылья, тогда какъ Эльфы безъ крыльевъ, подобно Виламъ и Русалкамъ. Хотя представленіе о крылатомъ духѣ могло образоваться отъ вліянія Христіанства: однако замѣчательно въ древнѣй-

*) D. M. 66.

шихъ славянскихъ памятникахъ употребленіе крылатца вмѣсто ангела: такъ въ Фрейзинг. ркнс. *uizem crilatcem bosiem*, всѣмъ крылатцемъ божиемъ, т. е. ангеламъ; и потомъ удержаніе этого представленія въ народной поэзіи: такъ въ сербскихъ пѣсняхъ: Реля крилатица; а въ Сл. о П. Иг. „вси три Мстиславици, не худа гвѣзда шестокрильци“; у Сербовъ употребляется въ Христіанскомъ значеніи: свети шестокрили Арандіеле!

- в) Согласно съ дѣленіемъ на бѣлыхъ и черныхъ, Эльфы раздѣлили себѣ день и ночь. Одни являются только днемъ, и именно въ полдень, въ образъ прекрасныхъ бѣлыхъ дѣвъ; и особенно замѣчательно для насъ явленіе такой дѣвы въ Мейссенѣ, предъ городомъ на *Piel — Berg* *), т. е. на бѣлой горѣ. Этому преданію соотвѣтствуютъ наши полудницы, о коихъ говоритъ уже Вацерадъ: *poludnice dryades, deae silvarum*. У насъ много преданій о явленіи сверхъестественныхъ существъ въ полдень. Особенно отличается чертами древности полудница у Лужичанъ, *pręzrołnica, pręrołnica*: ровно въ полдень является она на поляхъ съ серпомъ въ рукахъ — почему называется также *ssegrpyschuja* — передъ тѣми, кто замѣщкался въ полдень идти

*) Deutsche Sagen, von d. Brüd. Grimm. N° 11.

домой съ поля; въ подробности начинаетъ распрашивать ихъ о томъ, какъ обрабатывать и прядь ленъ, и кто не устоитъ противъ ея распросовъ, тому срубають голову серпомъ. Согласно съ этимъ преданіемъ, и на Руси искони почиталось вредно въ полдень работать: „Спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птицы и человѣци“—говоритъ Владимиръ Мономахъ, оправдывая набожнымъ убѣжденіемъ народный обычай, Лавр. 103. Пристрастіемъ къ пряденью льна лужицкая рѣзроуіса напоминаетъ Валькирій.—Ночные же Эльфы избѣгаютъ солнца, которое потому называется въ Эддѣ *заботою Эльфовъ*. Если оно ихъ застигнетъ, то они превращаются отъ его лучей въ камень. Подобное повѣствуется у Сербовъ о миѳическомъ царѣ Троянѣ, который выѣзжалъ только по ночамъ, боясь солнца, которое наконецъ его застигло и растопило.

- г) Какъ Русалки любятъ расчесывать свои длинныя косы, такъ и Эльфы. И тѣ и другіе отличаются этимъ украшеніемъ. Одна колдунья, по нѣмецкому преданію *), засадила дѣвицу въ теремъ, въ которомъ не было выхода, и лазила къ ней въ окно по ея прекрасной косѣ, которую спускала заключенная изъ окна на двѣнадцать локтей. Въ Бретани нѣмецкій Эльфъ вѣстенъ подъ именемъ Когг, а женская форма:

*) Kind. u. hausermärch v. d. Brüd. Grimm, 1843, 1. 76.

Korrigan, т. е. наша Русалка: подобно сей послѣдней, она сидитъ при источникѣ, расчесывая свои косы; кто ее застигнетъ, долженъ на ней жениться, или черезъ три дня умереть *). Прекрасная коса есть всеобщее индоевропейское достояніе мифологическихъ существъ. Наша коса ведетъ свое происхожденіе отъ скр. *keṣa* — *coma*, *caesaries*: отсюда *ке́са* грива льва, и потомъ *ке́сарин* гривистый, т. е. левъ. И какъ Греки думали видѣть въ прическѣ Зевса подобіе львиной гривѣ, такъ въ Санскритѣ Кришна прозывается *Ке́сава*, т. е. имѣющій большую и красивую косу. Такимъ образомъ пластическое представленіе, основанное на эпической формѣ, ведетъ свое начало отъ языка. — Такъ какъ многіе народные ботаническіе термины имѣютъ свое происхожденіе въ періодъ мифологическомъ: то любопытно обратить вниманіе на серб. *вилаина коса*, *cuscuta europa*.

- д) Въ Эддѣ Валькирія ѣздитъ на сѣромъ конѣ, а грива труситъ холодную росу по глубокой долинь — т. е. она летаетъ по воздуху, гоня облака, *fra Helga oc Svavu*; о самой героинѣ этой пѣсни Эдда говоритъ: „она называлась Свава, была Валькирія, и летала по воздуху и черезъ море“; отсюда эпическая форма для моря въ агс. поэзи: *svanrâd*, т. е. лебединый путь. Чехи лег-

*) Villemarqué, 1, 17. Grim. D. M. 416.

кія облака называють *babku*. О Вилахъ въ сербскихъ пѣсняхъ читаемъ, Вук. 1, № 226.

Град градила б'јела вила
ни на небо ни на землю,
но на грану од облака.

Любопытно соотношеніе воздушнаго коня Валькириі съ быстрыми конями сербскихъ пѣсень. Конь Кралевитя Марка Шарац *видовит*, и потому можетъ видѣть Вилу, высоко прыгнуть и достигъ ее, Вук. 2, № 38 :

Вила лети по врѣу планине,
Шарац језди по среди планине,
ни где виле чути ни видети.
Кад је Шарац сагледао вилу,
по стріи копя у висину скаче,
по с четири добре у напредак,
брзо Шарац достигао вилу.

Потому-то конь называется вилован: на дјогату коню виловноме.

- е) Кромъ воздуха и облаковъ, вода есть стхія этихъ сверхъестественныхъ существъ, и у Нѣмцевъ, и у насъ. Такъ какъ вода прозрачна и свѣтла, то Эльфы, обитающіе въ водѣ, причисляются къ свѣтлымъ. Чтобы скрыть свои ноги, они одѣваются, по нѣмецкому преданію, въ длинныя одѣянія: одинъ любопытный, желая узнать, какія у нихъ ноги, насыпалъ золы, и на ней обозначились гусиныя лапы. Къ дополненію олице-

творенія, нѣмецкое преданіе, какъ Эльфамъ, такъ и Валькиріямъ приписываетъ лебединныя сорочки: „рано по утру, говоритъ Эдда: увидѣли они на берегу морскомъ трехъ женщинъ, онѣ пряли ленъ, при нихъ были лебединныя сорочки, это были Валькиріи, fra Völundi. Одна изъ нихъ называлась Svanhvít, т. е. бѣлая, какъ лебедь, или бѣлая лебедь, и носила на себѣ лебединныя перья: var Svanhvít, svanfiapar dró, говоритъ пѣсня. Эти обычныя эпическія выраженія ясно указываютъ на самую тѣсную связь существа валькиріи съ лебедемъ. Если возьмемъ въ соображеніе, что эти божества по преимуществу вели жизнь воинственную, и вмѣстѣ съ собой приносили войну; то нѣтъ никакого препятствія видѣть подобное же существо въ слѣдующемъ мѣстѣ Сл. о П. И.: „встала обида въ силахъ Дажь-божа внука. вступилъ дѣвою на землю Трояню, въплескала лебединными крыльми на синьмъ море, у Дону плещучи.“ Въ одной болгарской пѣснѣ *) являются какія-то сверхъестественныя существа, соединяющія въ себѣ вилу, божество воздушное, съ водяною русалкою: „Ночью я всталъ, сонный, пасмурный, говоритъ эта пѣсня: и пыталъ мать мою мачеху: пѣли ли первые пѣтухи и вторые? Кричалъ ли Селимъ Ходжа на минаретъ? Не послушалъ я мать мою мачеху, и пошелъ въ свою темную

*) Сообщенной мнѣ покойнымъ Болгарцемъ Бусилинымъ.

конюшню, вывелъ своего береженаго коня, осѣдлалъ, обуздаль его (замѣчательны музыкальностью эти стихи: „Оседлах го, обуздах го аз него, „восседнах го, пропуснах го аз него“): прискакаль на студеный колодязь, и увидѣль трехъ взрослыхъ дѣвиць, и спрашиваль я ихъ: нельзя ли бродомъ перейти ту студеную воду, нельзя ли сломать этой красной калины? Отвѣтъ держали три взрослыхъ дѣвицы: не перейдешъ той воды студеной, не ломается красная калина“.

- ж) Пляска, пѣнье и музыка—любимая забава и Эльфовъ, и Виль, и Русалокъ. Эльфы всю ночь проводятъ въ пляскѣ, и только лучи солнца прогоняють ихъ: Русалки также грѣются и пляшутъ на лунномъ свѣтѣ. Кто увидить помятую кругами росистую траву, въ Шотландіи, Скандинавіи, въ сѣверной Германіи, обыкновенно говорить: здѣсь плясали Эльфы. Одна сербская пѣсня такъ описываетъ хороводъ Виль, Вук. 1, N 183 :

ој вишнію, вишнице!
 дигни горе гране,
 испод тебе виле
 дивно коло воде,
 пред нима Радиша
 бичем росу тресе,
 до две виле води,
 а третіюј беседи.

Празднества Эльфовъ всегда сопровождаются музыкой, столь необыкновенной, что она очаровы-

ваеть всѣхъ. Въ южной Швеціи есть преданіе объ одной пѣснѣ Эльфовъ, которую никто не можетъ слышать, что бы не плясать: даже тотъ, кто ее играетъ, до тѣхъ поръ не можетъ удержаться отъ пляски, пока не проиграетъ всю пѣсню наизворотъ, т. е. съ конца до начала. Впрочемъ Эльфы любятъ слушать и пѣсни людей, и щедро награждаютъ пѣвцовъ. — Сербская Вила также любитъ музыку, и въ пѣніи соревнуетъ людямъ. Вотъ замѣчательное въ этомъ отношеніи мѣсто, Вук. 2, N. 38 :

Одна Милош поче да попева,
а красну је песму започео
од сви наши болји и старји,
како ј' који држ'о кралевину
по честитој по Матіедонији,
вако себе има задужбину;
а Марку је песма омилила,
наслони се седлу на облучје,
Марко спава, Милош понијева;
зачула га вила Равијојла,
па Милошу поче да отпева,
Милош пева, вила му отпева,
лепше грло у Милоша царско,
јесте лепше него је у виле;
расрди се вила Равијојла,
пак одскочи у Мироч планину,
запе лука и две беле стреле,
једна уд'ри у грло Милоша,
друга уд'ри у срце јуначко.

Любятъ музыку и пляску и существа водныя, и русское преданіе волненіе моря и рѣкъ объясняетъ

пляскою водяныхъ божествъ. Святитель Николай говоритъ Садкѣ, явившись ему во снѣ (Др. р. ст. 341):

Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость!
 а рви ты свои струны золоты,
 и бросай ты гусли звончаты,
 расплясался у тебя царь морской:
 а сине море всколебалося,
 а и быстры рѣвки разливались,
 топать много бусы, корабли,
 топать души напрасныя
 того народу православнаго.

Также прекрасно измѣнено по Христіанскимъ идеямъ лужицкое преданіе о музыкальныхъ существахъ, совершенно соответствующихъ Эльфамъ: Лужицкіе ludki пропали съ тѣхъ поръ, какъ завелись колокола, звону которыхъ они не могутъ терпѣть.

- з) Эльфы знаютъ будущее и все, гдѣ что ни дѣлается: карликъ Alvis (всезнающій), въ Эддѣ, умѣетъ отвѣтить на всѣ вопросы бога Тора; онъ вездѣ бывалъ, все видывалъ и все знаетъ. Въ Нибелунгахъ водные Эльфы предсказали Бургундамъ ихъ судьбу. Вила предсказала Кралевитю Марку, что онъ скоро умретъ „од Бога, од старог крвника“, Вук. 2, 440. Валькирія Брингильдръ сообщила Сигурдру: „всѣ руны, какія только человекъ желаетъ знать, и говорить на всякомъ человѣческомъ языкѣ, и исцѣлять мазиями“, Grípis spá. Замѣтимъ кстати,

что темныя изобразительныя выраженія въ Эддѣ называются *рунами*: Сигрунъ говорить Гельги: „ты рассказываешь о битвѣ воинскими рунами (val-gúnom)“: такая руна, на пр.: кормить орловъ копыями, вм. поражать. Сл. о П. И. предлагаетъ много выраженій, подобныхъ ски. рунамъ. Особенно любопытно обратить вниманіе на одинъ эпическій мотивъ: существа сверхъестественныя, какъ все знающія, любятъ предлагать смертнымъ загадки, которыя безъ сомнѣнія тѣ же руны. Въ одной малорусской пѣснѣ Русалка загадываетъ одной дѣвицѣ слѣдующія загадки (Макс. Мал. Пѣсн. 162):

Ой що росте безъ кореня,
а що бѣжить безъ пѣвода,
а що цвѣте безъ всякого цвѣту?
Камень росте безъ кореня,
вода бѣжить да безъ пѣвода,
папороть цвѣте безъ всякого цвѣту.

Разрѣшеніе вышнихъ вопросовъ также представляется существамъ сверхъестественнымъ, какимъ является въ одной сербской пѣснѣ рыба, не только соответствующая водянымъ Русалкамъ, но и напоминающая божественную рыбу въ индійскомъ эпизодѣ о потопѣ, Вук. I, N 285:

Дјевојка сједи крај мора,
пак сама себи говори:
„ах, мили Боже и драги!
има л’што шире од мора?“

има л'што дуже од поля?
 има л'што брже од коня?
 има л'што сладје од меда?
 има л'што драже од брата?"

Говори риба из воде :
 „дјевојко, луда будало!
 шире је небо од мора,
 дуже је море од поля,
 брже су очи од коня,
 сладји је шетјер од меда,
 дражи је драги од брата.“

Въ шотландскихъ и древне-английскихъ балладахъ любовь выражается подобными же загадками, на пр.: „что длиннѣе дороги, глубже глубокаго моря, громче громкаго рога, вострѣе востраго терну, зеленѣй зеленой травы?—Любовь длиннѣе дороги, адъ глубже глубокаго моря, громъ громче громкаго рога, голодъ вострѣе востраго терна, зелье зеленѣе зеленой травы“, и проч. *). Смысливость въ разрѣшеніи трудныхъ загадокъ, приписываемая преданіями Эльфамъ, Виламъ, Валькириямъ и Русалкамъ, становится вообще достояніемъ эпической поэзии, которая любитъ опредѣлять мудрость рѣшеніемъ загадокъ. Вотъ нѣсколько подобныхъ мотивовъ изъ одной древне-датской пѣсни о герояхъ Вонведъ: „что круглѣе колеса? гдѣ всего веселье пьютъ на

*) Talvj, Versuch einer geschichtl. Charakt. d. Volkslied. germ. Nation. 1840, стр. 136.

святки? гдѣ садится солнце, и гдѣ покоятся ноги мертвеца? чѣмъ наполняются всѣ долины? что всего лучше украшаетъ царскій чертогъ? кто громче журавля и бѣлѣе лебедя? у кого борода на затылкѣ? что чернѣе засова? *) и что быстрѣе серны? гдѣ самый широкій мостъ? что всего противнѣе глазамъ человѣка? куда всѣхъ выше дорога? и гдѣ пьютъ самое холодное пойло?—Солице круглѣ колеса, на небѣ всего веселѣе святки, къ западу садится солнце, и къ востоку ложатся ноги мертвеца. Снѣгъ наполняетъ всѣ долины. Человѣкъ самое благородное украшеніе царскаго чертога, громъ громче журавля, и Ангелъ бѣлѣе лебедя. У пиголицы борода на затылкѣ, грѣхъ чернѣе засова, и мысль быстрѣе серны. По льду самый широкій мостъ, жаба всего противнѣе глазамъ человѣка, въ рай самая высокая дорога, и въ преисподней пьютъ самое холодное пойло“. **) Любопытно обратить вниманіе на то, какъ мифологическіе намеки скрываются за Христіанскія идеи и перемѣшиваются съ наивными воззрѣніями на окружающую природу.

*) Для уразумѣнія этого страннаго выраженія надобно припомнить средне-вѣковое представленіе дьявола не только подъ символомъ молота, но и запора, дубины, засова. Grim. D. M. стр. 951, 952.

**) Altdänische Heldenlieder, v. W. Grimm, 1811, стр. 234—235.

- и) Въ нѣмецкихъ преданіяхъ лебедь—предвѣщающая птица; остаткомъ этого вѣрованія въ языкѣ сохраняется глаголъ: es schwant mir—предчувствуется. Слѣдовательно лебяжій образъ Валькирій имѣетъ символическій смыслъ. Въ одной украинской пѣснѣ (Макс. Укр. нар. пѣсн. 1834, 116) бѣлая лебедка рассказываетъ сизоперому орлу *всю щирю правдоньку* о битвѣ при Кистринѣ. Между древними русскими стихотвореніями мы имѣемъ драгоценную пѣсню, подъ названіемъ: Потокъ Михайло Ивановичъ, служащую доказательствомъ, что преданіе, выразившееся въ Эддѣ въ образѣ лебединыхъ Валькирій, было туземнымъ и на Руси, и притомъ въ русской пѣснѣ оно сохранилось первобытнѣе, нежели въ нѣмецкомъ сказаніи, которое можно признать порчею и подновленіемъ древнѣйшаго мифа, сохранившагося у насъ. Потокъ Михайло Ивановичъ на синемъ морѣ увидѣлъ бѣлую лебедушку, она черезъ перо была вся золотая, а голова у ней увита краснымъ золотомъ и скатнымъ жемчугомъ усажена. Онъ прицѣливается въ нее, и поэтъ входитъ въ малѣйшія подробности стрѣльбы, какъ Гомеръ *) въ опи-

*) С. П. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ о рус. сл. обратилъ вниманіе на это мѣсто въ доказательство сходства эпической настроенности Гомера съ представленіями славянскихъ пѣвцовъ. Выпускъ 1, стр. 104.

санн стрѣльбы Пандара (Ил. 4, 105 и слѣд.):
 мѣсто, въ высшей степени проникнутое эпическимъ воодушевленіемъ, свидѣтельствующее о самородности всей басни. Чуть было спустить Потоку каленую стрѣлу, провѣщится бѣлая лебедь чловѣчьимъ голосомъ, выходила на крутой берегъ, обернулась красной дѣвицей, Авдотьей Лиховидьевной. Тутъ была у нихъ и помолвка. Авдотья Лиховидьева предложила условіе: кто изъ нихъ прежде умретъ, другому за нимъ живому въ гробъ идти. Потокъ повхалъ въ Кіевъ, а невѣста его прежде него успѣла прилетѣть туда: тамъ они и вѣнчались. Молодая искала мудрости надъ мужемъ своимъ, и черезъ полтора года скончалась. Въмѣстѣ съ покойницей посадили въ глубокую могилу и Потока Михайла Ивановича, съ конемъ и со всею збуею ратною. Въ могилу собирались гады змѣиные, а потомъ пришолъ и большой змѣй, жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. Потокъ ссыкаетъ ему голову и мажетъ ей свою жену, отъ чего она и воскресаетъ; и оба выходятъ на бѣлый свѣтъ. Жена-еретница должна была поплатиться за свои мудрости тѣмъ, что пошла живая въ могилу вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, когда уже онъ состарѣлся и переставился. — Нѣмецкая сказка *) сверхъестествен-

*) Brüd. Grimm, Kind. u. Hausmärch., 1843, 1, N 16.

ную женщину-оборотня низвела до обыкновенной, хитрой и невѣрной царевны, на тѣхъ же условіяхъ, какъ и русская еретница, выходящей замужъ за храбраго воина. Когда она умираетъ, мужъ ея также вмѣстѣ съ ней опускается въ могилу, но уже не съ конемъ, а со столомъ, на которомъ было четыре короваго хлѣба и бутылка вина. Явившаяся въ могилѣ змѣя уже не жжетъ ни палить, а только ползетъ къ мертвому тѣлу; онъ ея разсѣкаетъ на три части, но только тогда воскрешаетъ свою жену, когда другая змѣя, приложивъ какіе то три листика къ суставамъ мертвой змѣи, воскресила ея. И уже оставшимися отъ змѣи листиками воскрешаетъ онъ свою жену. Въ смерти ея не было никакой съ ея стороны мудрости: и потому, чтобы удержать къ концу нравоученіе древнѣйшаго сказанія, нужно было по воскресеніи представить ея порочною: именно тутъ то какъ нарочно она становится невѣрна мужу, ищетъ его погибели; но правда торжествуетъ, и она погибаетъ съ своимъ любовникомъ: а мужъ остается въ живыхъ. Следовательно условіе: быть погребеннымъ вмѣстѣ, не состоялось; и именно потому, что оно въ нѣмецкомъ сказаніи является уже случайностью, а не существеннымъ обрядомъ, какъ у насъ. Нѣмецкая царица оправдываетъ это условіе нѣжностью: если онъ меня любитъ, что ему за жизнь безъ меня! Потокъ Михайло Ивановичъ

безъ всякаго принужденія пошелъ къ мертвой женѣ въ могилу, ибо признавалъ законность условія: мужа нѣмецкой царевны принудили къ тому, одѣпивъ всѣ ворота стражею. Мы видимъ, что нѣмецкое преданіе идетъ по слѣдамъ русскаго шагъ за шагомъ, но постоянно подновляетъ его и почти сглаживаетъ слѣды мифологическіе. Можно сказать, что эта русская пѣсня служить какъ бы переходомъ отъ преданія о Валькиріяхъ въ Эддѣ къ нѣмецкому сказанію. Въ Авдотѣ Лиховидьевнѣ видно еще существо сверхъестественное, являющееся въ образъ лебедя, а палящій змѣй, воскрешающій своей головой, восходитъ до глубокой древности. Полнота эпического представленія согласуется въ этой пѣснѣ съ древнѣйшимъ мифологическимъ содержаніемъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ вѣрованій и преданій, столь общихъ у Славянъ съ Нѣмцами, лежитъ единство воззрѣнія и тѣхъ и другихъ на природу, слѣды котораго открываются въ языкѣ. Эльфъ проходитъ слѣдующія діалектическія измѣненія: др. и средн. нѣм. *alp, elb*; арг. *älf*, скн. *álfr*, по свойству гот. языка предполагается гот. форма: *albs*. Такъ какъ Эльфы, по темному преданію, имѣютъ символическую связь съ образомъ лебедя: потому въ языкѣ мы находимъ сродство между тѣмъ и другимъ названіемъ: лебедь по др. и средн. нѣм. *albiz, alpiz, elbiz, elbez*; арг. *elfet, ylfet*; скн. *álft*: суффиксъ въ образованіи этого слова, проходящій

по всемъ нѣмецкимъ нарѣчіямъ: *z*, *t*, указываетъ на коренную форму, заключающуюся въ имени Эльфовъ. Горы и воды, какъ жилище этихъ сверхъестественныхъ существъ, и по названію имъ соответствующее: покрытыя снѣгомъ, высокія горы называются *alpes*, а прозрачная рѣка—*albis*, *elbe*, такъ что по-скн. *elf* есть нарицательное имя для всякой рѣки, точно также, какъ шв. *elf*, дат. *elv*. Какое же начальное впечатлѣніе зародило въ народной фантазіи такую связь между этими предметами, породивъ ихъ между собою и въ языкъ, и въ преданіяхъ? Языки древніе, удерживая коренной звукъ *a*, являютъ намъ такой же, соответственно нѣмецкимъ нарѣчіямъ, переходъ согласныхъ губныхъ, т. е. *b*, *p*, *f*; а именно: лат. *albus*, сабинск., по Фесту, *alpus*, и греч. *ἀλφός* (*vitiligo*), *ἀλφῆ*. Слѣдовательно впечатлѣніе свѣта и блеска сопровождало вѣру въ Эльфовъ, какъ и въ нашихъ Вилъ и Русалокъ; то же впечатлѣніе породило и названія водъ и снѣжныхъ далекихъ горъ, и наконецъ названіе баснословной птицы, живущей на водахъ. Славяне начинаютъ слово плавнымъ звукомъ, проводя его звукомъ *a*, который въ другихъ языкахъ выступаетъ впередъ: и потому *alba* или *elba* живетъ у Славянъ въ формахъ: лаба, лабе, означающей не только Ельбу,—въ Сербіи Лаб, Лаба въ Книгъ, глаг. больш. черт.: а въ рѣку Кубу пала рѣка Лаба изъ горъ, *)—но и вообще всякую рѣку, какъ имя нарицательное. И какъ у Нѣмцевъ является язычный суффиксъ: *z*, *t*,

*) Изд. Спасскимъ, 1846, стр. 57.

такъ и у насъ: д, т, ц: срб. лабуд., рус. лебедь, чеш. labuť, пол. łabędź, łabęć. Согласно съ первоначальнымъ впечатлѣніемъ, лебедь получилъ у насъ эпитетъ: бѣлая: бѣлая лебедь; а согласно съ женскими божествами, Русалкою и Вилою, какъ эпическая форма, лебедь употребляется въ женскомъ родѣ, какъ постоянный эпитетъ женщины; въ др. и ср. нѣм. albiz, elbez родъ еще колеблется между мужскимъ и женскимъ, какъ наше лебедь; но, что весьма замѣчательно, въ скн. âlft, âlpt пересиливаетъ уже форма женская, вполне согласуясь съ тѣмъ божествомъ, для котораго служить символомъ. Въ этомъ отношеніи грамматическій женскій родъ этого слова и въ нѣм. эпическихъ формахъ болѣе соответствуетъ нашимъ женскимъ божествамъ, нежели Эльфамъ того и другаго рода. У насъ Лыбедь не только рѣка, но и названіе женщины, какъ древнѣйшее, можетъ быть, олицетвореніе лебедя, намекающее на существо миеологическое.

И такъ не только преданія, и нѣмецкія и славянскія, но и самыя названія въ языкѣ развились самостоятельно. Ибо нѣтъ ни какой возможности предположить вліяніе нѣмецкой формы на образованіе нашихъ: лаба, лабуд, удержавшихъ первобытные звуки а, б; такъ что затерянная готеская форма alba является исторически только въ нашемъ лаб.

Теперь обратимся къ исторіи эпитета: бѣлый. Сначала замѣтимъ, что собственное значеніе этого слова тоже, что слова красный: т. е. прекрасный, свѣтлый; и ограниченіе того и другаго слова названіемъ из-

вѣснаго цвѣта есть позднѣйшее. Въ мифологическомъ имени божества : Бѣль - богъ , хотя и видно первоначальное значеніе и древность этого прилагательнаго : однако это имя могло быть только частнымъ , не распространившимся между всѣми Славянами : между богами языческой Руси его не находимъ. Бѣль - богъ , какъ и Черно - богъ сохранились у Славянъ въ названіяхъ урочищъ , на пр. двухъ горъ въ Лужицахъ около Будешина : но преданіе о значеніи ихъ почти изгладилось. Наше бѣл , билъ находимъ въ двухъ древнѣйшихъ формахъ : 1) въ кельтскихъ нарѣчіяхъ : beul, beil, beal, beli и древне-кельт. belenus, belinus (у Авзонія , Тертуллиана и на многихъ надписяхъ) , означаетъ бога свѣта и огня. И доселѣ еще въ первыхъ числахъ Мая совершаются въ кельтскихъ племенахъ обряды въ честь этому божеству, зажигаютъ огни и черезъ нихъ прыгаютъ, какъ у насъ на Ивана Купалу. Этотъ день называется la bealtine, beiltine, beltein : lá значитъ день, teine, tine —огонь, а beal, beil, bel —богъ belenus. 2) у Литовцевъ и Латышей въ формѣ baltas, balts, и именно въ собственномъ , т. е. обширномъ значеніи нашего прилагательнаго бѣль. Что Литовцы были старожителями на Балтійскомъ морѣ, между прочимъ, свидѣтельствуеетъ латышское названіе янтаря : sihtars, sihters, означающее также и вообще кристалль : это имя было извѣстно и древнимъ, какъ скинское : sactrium или satrium ; *) слѣдственно mare balticum ,

*) Slow. Staroź. Шафарика, стр. 365.

insula baltia, еще задолго до Р. Х. известныя древнимъ писателямъ, безо всякаго сомнѣнiя могутъ быть произведены отъ лит. *baltas*, *balts*, и слѣдовательно море балтiйское значить: море бѣлое. Бѣлый, *baltas*, какъ названiе для воды, есть синонимъ словамъ: бiстрый, русый, лаб.

Какъ наша, или кельтская форма, такъ и литовская, означая только впечатлѣнiе, производимое свѣтомъ, не только естественнымъ, но и божественнымъ, являются въ болѣе опредѣленномъ образѣ въ мифологiи нѣмецкой *), какъ божество *Phol*, *Paltar*, а въ древнѣйшемъ видѣ въ Эддѣ: *Baldr*. Чистое и невинное божество Бальдръ, по сказанiю Эдды, побѣжденный слѣпымъ Гѣдромъ, нисходитъ въ адъ, всѣми оплакиваемый, ничто не можетъ отгуда его извлечь, и вѣрная супруга его Нанна слѣдуетъ за нимъ. По агс. сказанiю *Bäldäg*, какъ нашъ Бѣль-богъ, есть богъ свѣта: потому-то его сынъ называется *Brond*, о комъ Эдда умалчиваетъ; а *brond*, *brand*, скн. *brandr* значить *jubar*, *fax*, *titio*.

Еще у Готтовъ эти мифологическiя представленiя низошли уже до названiя обыкновенныхъ понятiй: и скн. *baldr* является въ гот. формѣ: *balps* храбрый, смѣлый: *ordinant super se regem Alaricum, cui erat ex Baltharum genere origo mirifica, qui dudum ob*

*) D. M. стр. 201 и слѣд.

audaciam virtutis, *baltha*; id est audax, nomen inter suos acceperat, Jornand. Hist. Goth. — Отсюда агс. bealdor, baldor господинъ, князь.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ вѣрованія въ свѣтъ, воду и огонь, въ связи съ народными преданіями и эпическими формами, и показавъ прямое отношеніе преданія и вѣрованія къ языку, обратимся къ основному, древнѣйшему представленію божества свѣта и огня, для того, чтобы опредѣлить исторически предѣлы славянскимъ повѣрьямъ и мифологическимъ формамъ языка.

Шафарикъ *) сравниваетъ скр. сварга *soelum Jp-dri, aeter*, съ слав. Сварогъ, неоднократно встрѣчающимся въ Ипат. сп., на пр., на стр. 5: „Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажь-Богъ.“ Следовательно солнце, или Дажь-Богъ есть сынъ Сварога, т. е. Сварожичъ, а Сварожичемъ въ одной рус. ркси 1523 г. называется огонь: „огневи молятся зовутъ его Сварожичемъ,“ Вост. Опис. Рум. Муз. 228. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ словѣ, именно свидѣтельство Дитмара (+ 1018) не опредѣляетъ на-

*) О Сварогъ, въ Чтен. Общ. истор. и древн. рос. Прохожу молчаніемъ другое божество свѣта, известное подъ именемъ Хорса, отсылая читателя къ прекрасному изслѣдованію О. М. Бодянского: О тожествѣ славянскихъ божествъ, Хорса и Дажьбога, напечатанному въ 2 № Чтеній Общ. истор. и древн. 1846 года.

стоящаго его смысла: говоря о богахъ Славянъ Сѣверной Германіи, онъ прибавляетъ: *quorum primus Zuarasici dicitur et prae ceteris a sanctis gentilibus honoratur et colitur*. Отсюда скорѣе можно заключить, что Сварожиць есть солнце, или Дажь-Богъ: ибо это божество по преимуществу было уважаемо Славянами, что видно изъ Сл. о П. Иг., гдѣ Русь названа внукомъ Дажь-Бога: слѣдовательно Дажь-Богъ былъ дѣдомъ Руси, что совершенно согласуется съ слѣдующимъ объясненіемъ въ словарѣ Памвы Берынды: „Дѣдъ: старецъ. умалительнъ же, дядко. старчикъ, а не дѣдко. *сиче бо нгыци обыкоша діавола именовати*“. Изъ смичевія Ипат. списка, въ коемъ говорится о Сварогѣ, съ двумя другими свидѣтельствами о Сварожицѣ, непременно должны мы вывести слѣдующіе результаты: славянская мифологія отдѣляетъ Сварога отъ Сварожица: Сварогъ не только *ἄφροτος*, но и отецъ огню и солнцу, индійское небо Индры, Сварга; Сварожиць есть дитя неба, рожденный отъ неба: слѣдовательно и огонь и солнце—оба Сварожици: согласно съ этимъ производствомъ, въ сербскихъ пѣсняхъ солнце—чадо бога, а въ Малороссіи богачъ—огонь, сынъ бога *). Слѣдовательно языкъ славянскій отдѣляетъ въ вѣрованіи въ Сварога два періода: древнѣйшій, индоевропейскій, представителемъ коего былъ Сварогъ, и позднѣйшій, собственно славянскій, когда уже это

*) Срезневскаго Святилища и обряды азмч. Слав. 1846. 27.

слово осмыслилось у Славянъ отечною формою -иць, -ичь. Теперь обратимся къ самому слову сварга, и покажемъ слѣды его составныхъ частей въ формахъ славянскаго языка. Сначала разберемъ индійское *сварга*: оно сложено изъ двухъ элементовъ: изъ *свар*—небо, свѣтъ, и изъ окончанія *-га*, означающаго хожденіе; слѣдовательно *сварга* имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ, или хожденія по небу, т. е. жилища бога. Скр. *свар* является въ древнечешскомъ *zuog*, *svog*, которое объясняется въ *Mat. verb.* : *zodiacus*. Но этого мало; можно найти еще болѣе глубокіе слѣды этого слова въ языкѣ славянскомъ, и именно, разобравши происхожденіе скр-го *свар*: оно происходитъ отъ глагола *сур* свѣтитъ, откуда *сура* богъ: отъ этого глагола производятъ скр. *сурис*, лат. *sol*, гр. *σῆριος*, гот. *sauil*, наше солнце. Что же касается до суффикса *-га* въ скр. *сварга* и въ сл. *сварогъ*, то онъ въ первобытномъ индоевропейскомъ значеніи остался у насъ и доселѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, равно какъ и образовалъ изъ себя слова и въ другихъ родственныхъ нашему языкахъ.

1) пра-гъ, поро-гъ образуется изъ скр. *пѣра* онъ поль, та сторона, съ приставкою *-га*, скр. *пѣра-га* значитъ переходящій, переступающій: у насъ порогъ ведетъ смыслъ отъ глагола не въ дѣйствительномъ залогѣ, а въ страдательномъ: такое перенесеніе значенія не должно казаться страннымъ, ибо оно свойственно нашему языку, напр. въ др. р. ст. „а стань ты подѣ башню *проъзжую*“ 267; „а нахаль Дунай *бродучій* слѣдъ“, 93. Впрочемъ, порогъ на рѣкѣ не столько

препятствіе теченію; сколько быстрѣйшій переливъ, и по значенію приближается къ скр. *pâra-ga*. Можетъ быть къ этому же скр. *pâra-ga* слѣдуетъ отпести и названіе города: Прага. Древнѣйшее преданіе такъ объясняетъ происхожденіе имени этого города: Любуша велѣла построить замокъ, и по отвѣту работника, что онъ работаетъ на порогъ, дала ему имя: Прага *). — Юнгманъ объясняетъ это слово порогами, т. е. водопадами на рѣкѣ Влтавѣ и горныхъ потокахъ **). Чтобы подкрѣпить производство нашего слова поро-гъ, обращаю вниманіе на другое наше слово, стоящее въ родствѣ съ скр. *pâra*—другой берегъ, та сторона: отъ винительнаго надежа скр. *pâram* производятъ гр. *πέρα* ***); отъ скр. глагола *pâr*—переходить, сроднаго съ *pâra*, причастіе *pâram*—переходящій: этимъ окончаніемъ -м, флексією скр. слова, объясняется суффиксъ или образующее окончаніе нашего слова паро-мъ, чеш. *prám*, пол. *próm*, *pram*, *prim*, даже нѣм. *prahm*: по Юнгману это слово происходитъ отъ прямой, въ отличіе отъ ладьи, чешск. *prímú*: но переходъ звуковъ не допускаетъ такого производства:

2) доро-га или дра-га, имѣющее смыслъ не только *via*, но и толпа, собирающаяся куда нибудь, множество, свита, за кѣмъ-либо слѣдующая, на пр. въ

*) Palacky, *Gesch. v. Böhmen*. 1, стр. 88.

**) *Slown. Česco-něin*.

***) *Burnouf, comment. sur le Yaçna*.

чешск: откуда наше подражать: Юнгманъ это послѣднее значеніе дороги отдѣляетъ отъ перваго, производя его отъ дорогой: но единство того и другаго, и согласіе въ значеніи открываются въ ихъ происхожденіи отъ скр. дру—бѣжать, откуда и гр. *δρομος* не только бѣгъ, но и самое мѣсто для бѣга, ристалище; къ соображенію при объясненіи этого слова припомнимъ гот. *ga-rvō* улица, отъ га—идти; только у насъ скр. га осталось суффиксомъ, у Готеовъ же оно корень. Что скр. дру, потерявшее свое значеніе въ словѣ доро-га, было извѣстно Славянамъ, свидѣтельствуется имя рѣки: Драва, по-скр. драва, отъ дру, значить бѣгущій, текущій.

3) колыма-га. Павскій *) производитъ это слово отъ скн. *hvēl* колесо и *vagn* возъ. Гораздо своеземнѣе и проще объясняется колымага приставкою -га и колыма, твор. множ. отъ коло, какъ сербск. *ономъ-дне*, вмѣсто оными дни, откуда наше намедни; слѣдовательно колымага значить: идущая, двигающаяся колесами или на колесахъ: это слово сравнительно объясняется латинскимъ *navigare*, которое Боппъ **) остроумно производитъ отъ га—идти и существительнаго *navis*.—Шафарикъ ***) производитъ колымага отъ

*) Филолог. наблюд. 2, ст. 61.

**) *Vergl. Gram.*

**) Статья о горган. звук. *Časop. Česk., Mus.* 1847, N 1, стр. 43.

коло и мага , латыш. mahja—domus, tabernaculum;
мал. рус. маза (currus opertus).

4) другое древнѣйшее названіе для повозки поль-
зуется тѣмъ же суффиксомъ: крѣк-ы-га. Миклошичъ *)
производитъ это слово отъ сред. лат. sarcage (onus
vehere). Но у Славянъ есть и свой ему корень: крок
шагъ, крочить шагать, идти шагомъ ; слѣдовательно
крѣкы-га—идущая шагомъ.

5) съ тѣмъ же суффиксомъ и третье подобозна-
чащее слово: тель-га; уже въ Сл. о П. И. „Кричать
тѣлеги полунощы“. Что же значить теле или тель?
Это слово въ исторіи славянскаго языка весьма
важно для опредѣленія давности діалектическихъ
измѣненій въ звукахъ: отъ Финновъ до Полабцевъ
мы видимъ въ этомъ словѣ измѣненіе къ вѣ т, и на-
ше коло является и въ фин. tela цилиндрической
железный катокъ, по объясненію Буткова, и въ полаб.
tgela коло, колесница, возъ; слич. tiesa коза, и у насъ
квѣтъ, твять. Слѣдовательно тель-га есть тоже сло-
во, что и колыма-га , т. е. идущая колесами , или
на колесахъ: есть діалектическое измѣненіе колыма-
ги. Тельга есть и у другихъ Славянъ , на пр. у
Иллирійцевъ талига, въ чичевск. нарѣчій **) taljuga;
мадьяр. talige не имѣетъ себѣ корня въ мадьяр-

*) Radic. lingu. Slov.

**) Коллара Cestopis, 1843, стр. 47.

скомъ языкѣ, и потому производится изъ славянскаго *).

б) для исторіи суффикса -га весьма любопытно слово лежя-га, встрѣчающееся въ переводѣ Дамакина Іоанномъ Екс. Болг., какъ вставка въ слѣдующемъ мѣстѣ: „изведе животы великы и малы, киты, смокы, лежягы морьскыя, рыбы въ водахъ“; ибо этого слова нѣтъ ни въ подлинникѣ: ἐξήγαγε δὲ ζῶα μίχρα τε καὶ μεγάλα, κήτη, δράκοντας, ἰχθύας ἐν τοῖς ὕδασι, — ни въ текстѣ Епифанія, ни Амвросія, см. Калайд. Іоан. Екс. Бол. 44—45. По смыслу видно, что лежя-га означаетъ гада, и какъ глосса, или же какъ прибавка, скорѣе можетъ относиться къ предъидущему, т. е. къ смокы, нежели къ послѣдующему, т. е. рыбы. Смокъ, чешск. zmek первоначально крылатый змій, также духъ въ видѣ мокрой птицы: лежяга, какъ показываетъ первая часть слова—лежя—отъ лежать, не летаетъ. Змій по-скр. называется урага отъ ура грудь и га идущій, слѣдовательно собственно: идущій, или ползующій на груди, грудью; лежя, кромѣ того, стоитъ въ связи съ ложесна μῦτρα, uterus, отъ глагола лежать: слѣдовательно лежя-га значить: чревомъ идущій, или въ лежачемъ положеніи двигающійся: въ этихъ двухъ описательныхъ эпитетическихъ формахъ—урага и лежяга, Индійцы и Славяне раздѣлили между собою въ сво-

*) Dankovsaky, Magyaricae linguae lexicon, стр. 871, 938.

ихъ языкахъ первобытное еврейское преданіе о проклятіи змія: „проклять ты отъ всѣхъ скотовъ, и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ: *на перстьхъ твоихъ и чревь ходити будеши*“, Быт. 3, 14.—Въ подтвержденіе этого производства, для сравненія, приведемъ два скр. слова: джалосая рыба, отъ джала холодъ, вода, и сая лежащій, спящій;—и джигма-га змій отъ джигма кривой, извивающійся, и га идущій: наше змій, въ О. Е. змлии, вѣроятно, отъ этого скр. прилагательнаго джигма, очевидно образовавшагося редупликаціею.

Примѣч. Если вѣрно, производство *) словъ праха и прахъ отъ скр. пата-га и пара-га, то ха и хъ будутъ уже искаженіемъ суф. га — идущій: ибо пата-га производятъ отъ пата полеть, а парага отъ пара назадъ, назадъ; хъ въ словъ прахъ измѣняется въ с въ словъ персть.

Вѣрованіе въ огонь и небесный свѣтъ являетъ замѣчательное видоизмѣненіе въ преданіяхъ о пламенномъ зміѣ и молніи: и тотъ и другая предполагаютъ между собою нѣкоторую доисторическую, въ отдаленныхъ вѣкахъ затерянную связь, открываемую только въ языкѣ и немногихъ темныхъ преданіяхъ. Древнѣйшее славянское сказаніе о зміѣ находимъ въ судѣ Любуши (IX в.): „ot gor creconosi „ide se trut pogubi san lutu“ — отъ горъ крьконоши,

*) Максимов. Ист. др. Рус. слов. 1, стр. 135, 136.

идеже туть погуби сань люту. Отсюда видимъ, что горы были жилищемъ змию въ баснословномъ преданіи чешскомъ. Въ др. рус. ст. змій называется горынчище, т. е. горынничъ, или сынъ горы. Не одно только мѣсто жительства могло быть причиною такому наименованію: надобно предполагать какое либо внутреннее соотношеніе, основанное на вѣрованіи. Готскій языкъ даетъ поводъ заключить, что въ IV в. у Славянъ горы олицетворялись наименованіями мифологическихъ существъ: Ульфила гр. *ѳрос*, гора переводитъ *faiguni*, т. е. перунъ или лит. *perkunas* (гот. *f* соответствуетъ нашему *p*); средній родъ этого гот. слова олицетворяется мужескимъ и женскимъ въ божествахъ Эдды: *fǫrgunn* отецъ Фригги, жены Одина, и *fǫrgun* мать Тора, богиня земли *). Въ отдаленныя среднія времена Sanct Bernhard назывался *mons jovis*, вѣроятно, по понятіямъ народовъ сѣверныхъ, ибо у классическихъ писателей такого названія этой горы не находимъ. Grimmъ приводитъ нѣсколько названій горъ, получившихъ оныя отъ *Donner* и *Thor* **). Остатками этого древнѣйшаго обоготворенія горъ можно назвать: *buskahm* (бужь-камъ, божій камень), скалу у Горенскаго мыса, близъ Руяны; горы *Cognu*

*) Вонпъ въ своемъ скр. Глосс. предлагаетъ другое объясненіе, нѣсколько усиленное, сближая гот. *faiguni* съ сербск. брдо и скр. парвата гора, отъ парв *implere*.

***) D. M. 154—155.

bôh и bjeŭ bôh близъ Будешина, и др. Следовательно если горы первоначально посвящались Перуну, то весьма естественно огненному змию быть сыномъ горы, или горынничемъ. Эдда предлагаетъ много поэтическихъ образовъ окаменѣлыхъ вѣдьмъ: въ видѣ огромныхъ скалъ ложатся онѣ въ устьѣ рѣки, и, запружая ее, производятъ наводненія. — По славянскимъ преданіямъ, змій весь вооруженъ и одѣтъ огнемъ, потому Лужичане называютъ его рѣо: такъ что можно сказать, что эпическая форма сербскихъ пѣсень: *живи огань*—какъ бы олицетворяется въ образѣ огненного змیا, и нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ мифологическаго представленія лежитъ наглядное впечатлѣніе, производимое силою огня: какъ естественно, напр., слѣдующее описаніе огня въ одной нѣмецкой народной сказкѣ: „огонь сталъ уже *лизать* ихъ платья *своими красными языками*“. *) Золото, какъ блестящій металлъ, лежитъ во владѣніи огненного змیا, и составляетъ какъ бы частицу его собственнаго существа: потому -то въ одной русской пѣснѣ оно названо: *змьиное крылице*; по-серб. змајеве отрессине значитъ блестякъ, и составляетъ предметъ суевѣріямъ. Змій лежитъ на золотѣ и хранитъ его: потому-то въ нѣм. поэзіи вмѣсто золота употребляется эпическое выраженіе: *змьиное ложе*. — Добрыня Никитѣвичъ

Нашелъ въ пещерахъ блококаменныхъ
 у лютаго змѣища Горынчища,
 нашелъ онъ много злата, серебра.

*) Grimm, Kind. u. haustmârch. 1, стр. 61.

Связь преданій о золотѣ съ преданіями объ Эльфахъ выражается скн-мъ *álfröðull*—золото, собственно же оолнце Эльфовъ.

Исторія слова молнія, въ О. Е. мльнія, восходитъ къ IV в. Молнія по-гот. *lauhtunī*, *lauhtonī*, слово сложное изъ *liuhan* свѣтитъ, блистать, и *tunī*, т. е. наше молнія: ибо въ гот. языкѣ нашему л соотвѣтствуетъ у, напр. *diups* глубока, по-серб. дубок; въ серб. нарѣчьи нашъ л также замѣняется гласнымъ у, потому гот. *tunī* совершенно созвучно сербскому муня. Здѣсь почитаю нужнымъ упомянуть о другомъ производствѣ гот. *lauhtunī*, принадлежащемъ Боппу *). Онъ производитъ это слово отъ глагола *liuhan* посредствомъ формы причастія: скр. - *mānas*, гр. - *μενος*, лат. - *minus*; какъ напр. отъ скр. кри дв-латъ кар - ман дѣло; лат. *se - men*, скр. *nā - man*, наши св-ма, и - ма, т. е. св - мен, и - мен. Дѣйствительно это начало плодovито примѣняется во многихъ случаяхъ, напр. въ лат. языкѣ: такъ *amini* есть нечто иное, какъ причастіе страдат. муж. рода именит. множ. числа, вмѣсто: *amini estis*, какъ гр. *τετοιμενοι εις*; отъ причастія же образовались: *alumnus*, *vertumnus*, утративъ *i*; такъ *fe - mina* отъ *fē*, откуда *fetus*, *fetura*, *fecundus*, съ этой же формою причастія *ge - mini*; *terminus* отъ скр. три, таъ переходитъ, сохранившагося въ лат. *in - tra - re*, *repe -*

*) *Vocalismus*, стр. 131—132.

ta-re. Но едва ли это производство можетъ быть допущено въ гот. lauhmunī: кромѣ этого слова въ гот. языкѣ есть еще глаголь, въ коемъ также является munī, муня, и значить тоже свѣтить, блистать, именно: glitmunjan, состоитъ изъ glit, скн. glita, и munjan отъ munī. Странно предположить, что-бы форма причастія страдательнаго цѣликомъ вошла въ образование дѣйствительной формы глагола. И почему же именно только *молнія* и *блистать* удерживаютъ въ гот. языкѣ суффиксъ munī? Если бы это было не наше муня, то этотъ звукъ, какъ суффиксъ, образовалъ бы и многія другія слова. Самый родъ готскаго lauhmunī совпадаетъ съ женскаго формаго молнія.

Допустивъ въ гот. lauhmunī (ags leoma, скн. liomi) наше муня, надобно предположить, что въ начальномъ впечатлѣннн, выражаемомъ словомъ молнія, нѣтъ намека на свѣтъ, или блескъ: въ противномъ случаѣ не нужно бы прибавлять lauh-, glit-: а lauhmunī значить собственно блистающая молнія. И дѣйствительно наше молнія, мльннн, въ glos. mat. verb: miln—fulgur, quod conditur, si cadat de coelo, у Лужичанъ milina сѣверное снннн, — первоначально сходится съ значеннмъ молота, и вмѣстѣ съ этимъ словомъ происходитъ отъ мльти, молоть, скн. mala, гот. malan; и является олицетвореннымъ въ скн. miölnir, означающемъ вмѣстѣ и молнню, и млатъ, и стоящемъ съ обоими въ родствѣ по происхожденню. Богъ Торъ держитъ въ рукахъ чудесный молоть miölnir, и бросаетъ имъ въ великановъ: этотъ miölnir имѣетъ та

свойство, что самъ собою возвращается въ руки богу. Miölnir имѣлъ форму креста, точно также какъ и громовая стрѣла, которую держитъ Индійскій Индра *). У Нѣмцевъ млатъ былъ священнымъ орудіемъ, имъ освящали невѣсту, мертвеца; бросаніемъ молота узаконивалось и освящалось право на владѣніе землею. У Литовцевъ былъ святой молотъ, коимъ нѣкоторый исполинъ освободилъ солнце изъ заточенія **). Вѣрованія согласуются не только съ воззрѣніями народа на природу, но и коренятся въ обычаяхъ, даже иногда и въ домашней утвари, или какомъ либо орудіи; такъ съ вѣрованіемъ въ молнію, miölnir, согласуется древнѣйшее употребленіе молота вмѣсто всякаго оружія: въ Краледв. ркпси герои дерутся молотами. Въ Чешскомъ Музѣ сохраняется одинъ такой старобытнѣйшій каменный молотъ. Такимъ образомъ находимъ новое свидѣтельство о связи оружія съ огнемъ и свѣтомъ.

Старобытнѣйшій эпитетъ молніи: *синяя*, какъ у насъ, такъ и у Нѣмцевъ: у Сербовъ даже громъ называется синимъ: „луче као сини громъ“; въ сл. о П. Иг.: „трепещуть синіи мльни.“ Въ одной прусской народной сказкѣ гроза „гонитъ дьявола синимъ бичемъ.“ Синимъ пламенемъ клянутся.

Изъ всѣхъ Славянъ преимущественно у Сербовъ сохранилось во всемъ величій представленіе о силѣ

*) Höfer, Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr. 1847, 1, 176—177.

**) Нарбут. Dajeje staros. narod. litewsk. 1, 472.

и власти божественной молнии : она господствуетъ
надо всѣмъ въ міръ, ею все устроено и приведено въ
порядокъ. Такъ одна сербская пѣсня говоритъ, Вук.
1, N 230:

Стаде муња даре дијелити:
даде Богу небесне висине,
свѣтом Петру петровске врутине,
а Јовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији муње и стријеле.

Самыя существенныя и важнѣйшія явленія нравственной жизни и природы внѣшней народъ возводилъ до предметовъ своего поклоненія, увлекаясь врожденнымъ стремленіемъ къ сознанію существа безконечнаго. Наименованія предметовъ священныхъ были дороги для народа, и онъ охотно любилъ припоминать ихъ, называя ими и горы, и урочища, и другіе предметы, съ которыми стоялъ въ близкомъ соотношеніи. Все непонятное въ природѣ казалось ему чудомъ, и переходило въ область вѣрованія. Самая жизнь и смерть, какъ предметы величайшей важности для человѣка, стояли въ ближайшей связи съ Мнѳологією. Отъ скр. джив живу, джѣва живой образуются два слова, одно съ суффиксомъ т: джѣвита, наше животь; а другое съ суффиксомъ н: джѣвана, жизнь: слогъ -ана собственно имѣетъ смыслъ Лат-го -ficus, что видно изъ скр. прилагательнаго джѣв-ана vivificus; слѣдовательно чешск. živ-ena Ceres,

краткая форма котораго есть жива, объясняемая Ваккеромъ въ *glos. mat. verb* (1202) по-латинь: *dea frumenti, ceres*,—значить *дающая жизнь*; на краинскомъ нарѣчїи планета Венера называется жива. Съ тѣмъ же суффиксомъ -ана отъ скр. мри умираю образуется скр. мар-ана, смерть, а въ краледвор. рук. дѣйстви-тельно попадаетъ имя божества: морана—т. е. *дающая смерть*, въ слѣдующемъ выраженїи: *z Wesny po Mogaпи*, т. е. въ продолженїи всѣй жизни. Весна, съ тѣмъ же суффиксомъ н, имѣетъ корнемъ скр. вас свѣтитъ, скр. васанта—весна, и соотвѣтствуетъ богинѣ живѣ, или живенѣ, которой, какъ извѣстно изъ старинныхъ преданїй, Славяне праздновали въ первыхъ числахъ Мая, т. е. весною. Еще до настоящаго времени Славяне, на пр. въ Чехахъ, имѣютъ обычай встрѣчать лѣто съ соломенной чучелой, которая называется *маѣпа*: еѣ сожигаютъ, припѣвая привѣтствїя веснѣ и лѣту. Такимъ образомъ времена года, теп-лое и холодное — соединяются въ наивномъ чувствѣ народа съ представленїями о жизни и смерти. Съ помощью того же суффикса н, отъ скр. див блистать, играть, образуется див-ан, день, *подающій*, или *дѣлающій свѣтъ*, сокращенно: дина, откуда наше день; лат. *Ju-no*, по мнѣнїю филологовъ, отъ *Djov-ino*, стоитъ въ родствѣ съ *Diana* (дающая свѣтъ), и содержитъ въ себѣ тотъ же суффиксъ н, которымъ образовалось наше день: даже согласно съ родомъ женскихъ божествъ по-лит. день *diēna* женск. рода.—

Есть какая-то особая движущая сила въ языкѣ, со-ответствующая силѣ суевѣрїя, посредствомъ которой

слово древнѣйшее, имѣющее смыслъ обыкновенный, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію по разнымъ странамъ и народамъ, теряетъ свое обыкновенное, простое значеніе и принимаетъ мѣологическое, соединяясь съ повѣрьемъ. Таково др. рус. *navie*. Скр. насъ умирать перешло въ гот. *paus* (мн. *paveis*) мертвецъ, *navis* мертвый, образовавшія отъ себя рядъ словъ общаго съ мертвымъ тѣломъ значенія, каковы: *navistr* могила, *ganavistron* погребать. Даже въ Испанію зашло это слово, вѣроятно съ сѣвера, и именно въ языкъ мошениковъ, конечно не безъ основанія носящій имя *germanía*: на этомъ языкѣ мертвое тѣло называется *navio*. Такъ какъ это слово было общимъ достояніемъ сѣверныхъ народовъ индоевропейской отрасли, то его находимъ и въ древ. сканд. *pá* мертвое тѣло; и въ латыш. *pahve* смерть, *pahwigs* смертельный, ядовитый; *pahweht* убивать. И такъ во всехъ языкахъ это слово имѣетъ простое понятіе о смерти: въ древнерусскомъ же языкѣ, это слово, будучи древнѣйшаго происхожденія, какъ остатокъ періода временъ темныхъ, исполненнаго преданій и сказаній, получило смыслъ только мертвеца, являющагося между людьми, какъ привидѣніе. Это доказывається двумя мѣстами изъ летописи по Лавр. списку: когда Янка, дочь Всеволода, привела изъ Грекъ Митрополита Іоанна Скопчина, объ немъ говорили: „се навье пришелъ;“ — „отъ года бо до года пребывъ, умре“ — замѣчаетъ летописецъ, стр. 89. — Въ другомъ мѣстѣ, когда Полочане умирали отъ какого-то демонскаго рыска бѣсовъ, народъ го-

вориль: „яко навье быють Полочань“, стр. 92. Надобно обратить вниманіе на странную организацію слова навье: оно хотя означаетъ мертвеца, имѣющаго сверхъестественную способность ходить между людьми; однако употребляется какъ сущ. собирательное, средн. рода: такимъ противорѣчїемъ значенія грамматической формъ опредѣляется необходимость предположить древнѣйшій періодъ этому слову, указанный нами въ языкахъ отрасли индоевропейской. Полное олицетвореніе навїа находимъ въ скн. имени карлика: *nâr*, *nâinn*, т. е. мертвецъ. У Чеховъ въ XIV в. еще употреблялось *naw* въ смыслъ могилы, на пр. у Далемила: *potom krok jide do nawu*; въ отрывкѣ Александр. *ustlaw jinym w nawi bydlo*. У Славянъ сохранилось даже нав мертвецъ и навити убивать. Прослѣдивъ такимъ образомъ исторію этого слова, увидимъ односторонность слѣдующаго мнѣнія Г. Касторскаго *): „наконецъ что мы наши вѣрованія заимствовали отъ Литовцевъ, неоспоримымъ доказательствомъ служить суевѣрный слухъ, распространившійся при Всеволодѣ I во всей Руси, будто при семъ Великомъ Князѣ, въ Полоцкѣ, бѣси на коняхъ скакали по улицамъ и убивали гражданъ; такихъ оборотней народъ называль, по сказанію Нестора, навье. *Nahwe* значитъ у Леттовъ смерть.“ Авторъ опустилъ изъ виду то важное обстоятельство, что это слово и у Славянъ, и у другихъ род-

*) Начерт. Слав. Мив. стр. 66.

ственныхъ имъ народовъ употреблялось въ томъ же смыслѣ.

Безсознательная, первобытная жизнь народа, выражаемая въ языкѣ, по преимуществу отличается наивнымъ согласіемъ природы духовной чловѣка съ силами природы физической. Свою собственную душу чловѣкъ понимаетъ первоначально иначе, какъ въ связи съ явленіями міра внѣшняго: онъ догадывается о ней, какъ о силѣ, только по тѣмъ проявленіямъ творческой силы, какія замѣчаетъ въ окружающемъ его воздухѣ, въ водѣ и въ другихъ вещественныхъ элементахъ. Не по риторическому тропу составляетъ языкъ метафорическія выраженія, заимствованныя изъ воззрѣній на природу внѣшнюю, для означенія душевныхъ качествъ и способностей: а по глубоко коренящемуся въ народѣ вѣрованію, что повсюду въ природѣ распространена одна высшая сила, вездѣ дѣйствующая съ одинаковыми правами, и что тѣ душевныя движенія, которыя чловѣкъ сознаетъ въ себѣ, присутствуютъ и въ окружающей природѣ, но до времени остаются нѣмы, выжидая своего чудеснаго явленія въ какомъ либо сверхъестественномъ существѣ. Божество, нѣкогда, воочію представлявшееся смертнымъ, скрывается за явленіями природы, которыя потому и казались способными заключать въ себѣ такую же нравственную жизнь, какова и въ чловѣкѣ. Самая Мифологія есть не иное что, какъ народное сознание природы и духа, выразившееся въ определен-

ныхъ образахъ : потому - то она такъ глубоко входитъ въ образованіе языка , какъ первоначальнаго проявленія сознанія народнаго. Слово понимается каждымъ согласно съ его образомъ мыслей : а народъ , образуя языкъ , находится въ періодъ безсознательнаго обоготворенія силъ природы : следовательно весь языкъ , прошедши этотъ періодъ , удерживаетъ на себѣ слѣды первоначальнаго мышленія. Изобразительность въ наименованіи духовныхъ способностей произошла не отъ недостатка въ словахъ и не отъ ограниченности самосознанія : но отъ свѣжести возрѣній на природу и отъ вѣры въ тайное съ нею общеніе человѣческой души. Въ слогъ украшенномъ есть тропы только потому , что источникъ ихъ глубоко проникаетъ въ образованіе самаго языка : и только то украшеніе въ слогъ хорошо , которое согласно съ первобытною , безыскусственною красотою формъ языка. Когда яснѣе сознавалось представленіе , выражаемое словомъ ; тогда поэтическое украшеніе не только ближе подходило къ возрѣніямъ языка , но даже какъ бы развилось изъ нихъ : потому - то древнѣйшая эпическая форма стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ образованіемъ слова.

Переводомъ Св. Писанія установилось болѣе определенное нравственное понятіе словъ , означающихъ способности душевныя. Такъ въ О. Е. ψυχή переводится : душа , а πνεῦμα духъ ; но это уже позднѣйшее , литературное примѣненіе этихъ словъ , собственное же ихъ значеніе открывается въ томъ возрѣніи ,

какое съ ними соединяли первоначально, и въ тѣхъ преданіяхъ, съ какими эти понятія стояли въ связи. Вѣроятно наши предки ясно сознавали значеніе этихъ понятій, когда такъ мѣтко умѣли ихъ употреблять, на пр. въ Ипат. 220: „позна въ себѣ *духъ* изнемогающъ ко исходу *души*.“

Словами *душа*, *духъ* человекъ роднилъ себя со всею окружающею себя природою, какъ бы для того, чтобы повсюду въ природѣ чувствовать свое присутствіе, и быть въ ея недрахъ, какъ въ родной своей семьѣ. Вотъ главнѣйшіе образы, въ коихъ представляли себѣ душу и духъ языки индоевропейскіе *):

1. вѣтръ, дуновеніе. Какъ наше душа отъ ду-ть, черезъ ду-хъ, такъ лат. *animus*, *anima*, черезъ греч. *ἄνεμος*, происходитъ отъ глагола ан, затеряннаго въ лат. и греч., но сохранившагося въ скр. ан дуть, откуда анила вѣтеръ, и въ гот. *ana*, удержавшемся въ сложной формѣ *uz-ana exspigo*, какъ наше издыхаю; отъ гот. *ana* происходитъ др. нѣм. *unst procella*. Слѣдовательно не только легкое дуновеніе и воздухъ, но и вѣтръ, и даже гроза и вьюга, по языку родясь съ душею, выражаютъ какъ бы различныя степени напряженности душевныхъ силъ: по-

*) W. Humboldt, über Bhagavad-Gita, въ *Gesam. Werke*, 1, стр. 158.

добно тому какъ скп. *ôdr* означаетъ и духъ, умъ, и ярость, гнѣвъ.

2. дымъ, парь. Отъ скр. *dū agitare, commovere, concutere*, образуется существ. *dūmas*, въ лит. и у насъ безъ придыханія: *dūmai*, дымъ; въ лат. же только съ измѣненнымъ придыхательнымъ, но безъ твердаго согласнаго звука: *fumus*, вмѣсто *humus*: *h* измѣнилось въ *f* по свойству сабинск. нарѣчія, въ которомъ *fedus* вмѣсто *hædus*, *ficus*—*hircus*, *traferere*—*trahere*, *veferere*—*vehere* *); въ греч. же совершенно согласная съ Санскритомъ форма, но только въ значеніи нравственномъ: *φῦμός*. Этимъ воззрѣніемъ въ языкъ объясняется слѣдующее изобразительное выраженіе въ Соф. вр. 2, 333, о смерти В. К. Василья Иоанновича: „и видѣ Шигона духъ его отшедше аки дымець малъ.“

3. огонь. Въ преданіи о блудящихъ огняхъ, какъ душахъ некрещеныхъ младенцевъ, видна связь души съ огнемъ: но подъ огнемъ болѣе разумѣется жизнь, которая впрочемъ принималась за синонимъ духа и души. Старинное уподобленіе жизни зажженной свѣчѣ получаетъ въ народныхъ преданіяхъ необыкновенную свѣжесть повѣрія: такъ въ одномъ нѣмецкомъ сказаніи **), отличающемся чертами древ-

*) De lingua Sabina, scr. Henop, 1837, стр. 53, 54.

**) Grimm, Kind. u. haasmärch. 1, 258.

ности, смерть ведетъ своего любимца врача въ подземный адъ: „и горѣли тамъ тысячи свѣтильниковъ, видимо не видимо, были и большіе, и средніе, и малые. Не проходило ни минуты, чтобы одни не погасали, и другіе не вспыхивали вновь, такъ что пламя безпрестанно трепетало. „Смотри, говорила смерть: „это свѣтильники человѣческой жизни: большіе у дѣтей, средніе у взрослыхъ, а малые у стариковъ. Но бываютъ и у дѣтей, и у взрослыхъ малые.“ Согласно съ этимъ сказаніемъ нашъ глаголь воскресать, въ О. Е. въскръснати, ἀναστῆναι, не грецизмъ, но происходитъ отъ крес, не только огонь, но и день Ивана Купала; кресати, кресити, откуда кресник июнь, т. е. мѣсяцъ огня, какъ кельт. mī-pa-bealtine май.

4. вода, кровь. Не только огонь и воздухъ, но и вещества текучія являются образомъ души человѣческой. Согласно съ вѣрованіемъ въ воды гот. sái-vala душа, агс. sâvl, скн. sâl, др. нѣм. zêola, родственно съ гот. saívs море, вода: слѣдовательно душа, по этому представленію, имѣетъ силу переливаться и волноваться, струиться: потому она и можетъ изливаться вмѣстѣ съ кровію, какъ, напр., видимъ въ слѣдующемъ выраженіи Ипат. 193: „и летящу ему до земли изыде душа его съ кровью во адъ.“

5. сила. Душа, какъ внутренняя сила, въ языкѣ эпическомъ приписывается и предметамъ неодуше-

вѣнчѣмъ , или означаетъ силу физическую: такъ у Гомера находимъ: μένος χερῶν, Ил. 5,506, πύρρος κρατερὸν μένος, Од. 11,220 : въ этомъ смыслѣ гомерическому μένος соответствуетъ въ Эддѣ аугр обиліе , богатство : аугр fuga vis pingum *). Съ гр. μένος , лат. mens родственна Minerva, по-сабинск. Menerva **), откуда въ пѣсняхъ салич. глаголь променervat вмѣсто монет ***): точно такъ и въ санскритѣ одного и того же происхожденія и манас animus, mens, и Ману богъ, т. е. возведенный до обоготворенія разумъ: отъ глагола ман cogitare, putare, credere, откуда лат. meminî, moneo, наши мню , па-мать, лит. menù вспоминаю, grî-manuís разумный, въ ближайшей формѣ къ санскриту; столь же первобытно и гот. man думаю, ga-man вспоминаю: отсюда др. нѣм. minna любовь, minnôn любить, вспоминать любезное; въ ски. же глаголь minna только въ значеніи воспоминанія. Замѣчательно , что питье въ память умершихъ по ски. называлось minni, совершенно согласно съ нашимъ обрядомъ по усопшихъ, называемымъ: поминки , словомъ , родственнымъ ски-у minni. Производство Боппа нѣм-го minna и нашего милъ , лит. myliu, miélas отъ скр. мид, мидд pinguem, adiposum, unctum esse, чрезъ ассимиляцію изъ minda въ minna, и чрезъ измѣненіе д въ л, въ мил, —кажется усиленнымъ.

*) Lieder d. alt. Edda, изд. Grimm. стр. 8.

**) De lingua Sabin. стр. 12.

***) Hartung, die Relig. d. Römer. 2, 78.

И такъ въ языкѣ народъ созналъ душу, согласно съ своими преданіями, въ тѣхъ элементахъ и силахъ, которыми поклонялся, олицетворяя ихъ въ образѣ божества. Конечно божество должно было имѣть душу, духъ или жизнь, и потому не было ничего естественнѣе сознать духовную силу въ обоготворенномъ веществѣ. Человѣкъ раздѣлялъ свою духовную природу на двѣ области: частію возводилъ ее до обоготворенія, частію низводилъ до вещественной природы: и такимъ образомъ безсознательно чувствовалъ въ себѣ два противоположныя начала — вѣчное и тѣльное, осязательно совокупивъ ихъ въ образѣ своего божества.

Переселеніе душъ, столь всеобщее признаемое древними, было необходимымъ убѣжденіемъ народной вѣры. вмѣстѣ съ вѣрою съ чудеса природы, мы потеряли къ ней и ту искреннюю любовь, какую питали создатели нашего языка. Заодно съ языкомъ европейскіе народы наслѣдовали вѣру въ исхождение души изъ человѣка въ предметы окружающей природы. Обычны мифологическія выраженія древней эпической поэзіи, напр. въ Крам. ркпс. (jelen):

Wyrazi z junosě dušu, dušicu,
sie wyletě pěkným tahlým hrdlem,
z hrdla krásným rtoma.

aj tu lezie!

teplà krév za dušicù teče, za ošetlú,
sygà země wrelú krew pije.

Душу, по древнему выраженію, можно выпронить изъ тѣла, какъ нѣчто вещественное: „единъ же

изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чресь злато ожерелье“, Сл. о П. И. Эпическія выраженія: *жемчужная душа*, и *выронить душу*, какъ *жемчужнику*, совершенно согласуются съ древнеиндійскимъ представленіемъ душъ въ видѣ жемчужинъ: всѣ души, отдѣляясь каждая другъ отъ дружки своимъ тѣломъ, какъбы нанизаны на одной ниткѣ, ибо подлежатъ общему имъ всѣмъ вліянію *). Хотя тоже въ духѣ древности, но свободнѣе и своеземнѣе слѣдующее эпическое выраженіе въ Сл. о П. И.: „вѣютъ душу отъ тѣла.“

Согласно съ воздушнымъ образомъ души, суевѣрія эпическія изображаютъ ее летающею вмѣстѣ съ птицами, на пр. въ Крал. ркпс. Забой и Славой:

tamo i wële duš tĕkà sĕmo tamo po dřewech,
jich bojie sĕ ptactwo i plachŭ swĕř,
jedno sowy nebojã sĕ.

Онѣ летаютъ по деревьямъ до тѣхъ поръ, пока не сожгутся тѣла, имъ принадлежавшія. Финны и Литовцы млечный путь называютъ *дорогою птицъ*, т. е. душъ. На древнѣйшихъ надгробныхъ камняхъ обыкновенно изображался голубь, въ знакъ отлѣтѣвшей души. Душа усопшаго, подобно сѣмени, коренится въ землѣ, и всходитъ деревомъ на могилѣ, на которой обыкновенно воркуетъ голубь:

*) Bohlen, das alte Indien, 1, 176.

na tei mogile wyrósł ci dąbeczek,
na niej bieluchny siada gołąbeczek,

говорить одна подольская пѣсня. (Войциц. pisp. lud. 1, 73). На могиль убитаго брата, по русскому сказанію, выросъ тростникъ: пастухъ срѣзалъ тростинку, сдѣлалъ изъ нея дудку, и она человѣческимъ голосомъ пропѣла, какъ и кто убилъ несчастнаго: душа, переселившаяся въ растеніе, даетъ знать о себѣ печальною пѣснею. Этотъ мотивъ является уже подновленнымъ въ народномъ нѣмецкомъ сказаніи о поющихъ костяхъ: пастухъ поднялъ кость убитаго, приставилъ ее къ своему рогу, и она запѣла *): это уже не такъ складно, и нѣсколько натянуто.

Представленіе о переселеніи душъ глубоко проникло въ языки индоевропейскіе: индійское правосудіе опредѣляло миѣческую казнь переселенія душъ за воровство; виновный переселялся въ такое животное, которое по своему названію могло напоминать украденный предметъ: такъ по закону Ману укравшій корову—*го*, переселялся въ ящерицу *год'а'*, похитившій огонь—*навака*—въ птицу *вака* **). Большая часть метаморфозъ классическихъ основывается также на языкѣ: это заставляетъ думать, что въ періодъ образованія языка многія слова должны бы-

*) Grimm, kind. u. hausmärch. 1, 175.

**) Deutsch. Rechtsalterth. Grimm. 1828, XIV.

ли составиться по убъжденію въ переселеніе душъ. Остаткомъ этого древнѣйшаго періода языка надобно почестъ наше областное названіе бабочки: *душичка*, напр. въ Яросл. губ. На другомъ концѣ Европы, именно въ языкѣ баскск., находимъ подобное же представленіе, но опредѣлительнѣе: бабочка по-баскск. *astoaŕen agima*, собственно *ослиная душа*, отъ *astoa* осель и *agima* душа *). Это старобытное представленіе души въ видѣ бабочки— можетъ быть, первоначально основанное на такомъ же поэтическомъ воззрѣніи, по которому и теперь поэты сравниваютъ душу съ бабочкою—осталось досель въ сербскомъ преданіи о колдуньѣ **): вјештица одаржима злымъ духомъ, излетающимъ изъ нея во время ея сна въ видѣ бабочки: потому по-слов. *vesha* называется и колдунья, и бабочка, и даже блудящій огонь, въ который также любитъ переселяться душа.

И такъ коренящееся въ языкѣ преданіе о переселеніи душъ переходитъ въ вѣрованіе въ оборотней: „се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ“—Калайд. Иоан. Екс. Бол. 211. Народная по-

*) W. Humboldt, über die cantabr. oder baskisch. spr. 1817, въ прибавленіи ко 2-й части Аделунгова Митридата.

**) Вук. Српски рјечник, 1818, стр. 74.

эзія являеть намъ постепенность въ сохраненіи преданія объ оборотняхъ: она или изображаетъ своихъ героевъ дѣйствительными оборотнями, какъ напр. въ др. рус. ст. 47:

втапоры поучилса Волхъ ко премудростямъ :
 а и первой мудрости училса
 обертываться яснымъ сокомомъ ,
 ко другой-то мудрости училса онъ Волхъ
 обертываться сѣрымъ волкомъ ,
 ко третей-то мудрости училса Волхъ
 обертываться гнѣдымъ туромъ —золотые рога—

или же употребляетъ эпическія формы, уподобленія, творительный сравненія, эпитеты, въ основѣ коихъ лежитъ повѣріе, какъ напр. въ Сл. о П. Иг. (Боянъ растѣкашется) „сѣрымъ вълкомъ цо земли, шизымъ орломъ подь облакы“; онъ называется соловьемъ стараго времени, а соловей, славій происходитъ отъ *слово, слава*, соответственно средн. лат. *bardaea, bardala*, которое наоборотъ, означая жаворонка (по Дюканжу), происходитъ отъ названія поэта: кельт. *bard*, уже у Феста: *bardus gallice cantor*. Далѣе въ Сл. о П. Иг. особенно замѣчательно описаніе подвиговъ Всеслава, все проникнутое представленіемъ объ оборотнѣ: „скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града—скочи вълкомъ до Немиги—самъ въ ночь вълкомъ рыскаше—великому Хрѣсови вълкомъ путь прерыскаше“: потому-то поэтъ, совершенно согласуясь съ преданіями южныхъ Славянъ о вѣщицахъ, называетъ его душу *вѣщею*: „аще и вѣща душа въ

друзь тѣлъ, нѣ часто бѣды страдаше“. Слѣдующія эпическія выраженія: (Князь Игорь) „врѣжеса на брѣзь комонь, и скочи съ него босымъ вѣлкомъ, и потече къ лугу Донца, и полеть соколомъ подь мьглами избивая гуси и лебеди, завроку и обѣду и ужинь“ — совершенно соотвѣтствуютъ чудесамъ Волха :

Дружина спить, такъ Волхъ не спить :
онъ обернетъся яснымъ соколомъ,
 полетѣлъ онъ далече на сине море,
а бѣтъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей ,
 а и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ ;
 а поилъ, кормилъ дружинишку хорабрую

Пѣсня Ярославны, столь глубоко проникнутая мифологическими представленіями, начинается эпической формою, основанной на метаморфозѣ: „полечю, рече, зегзицею по Дунаевѣ“. Не нужно упоминать о всеобщности славянскихъ преданій о превращеніи несчастныхъ женщинъ въ кукушку: замѣтимъ только, что у Нѣмцевъ съ этой птицей соединяется память о древнѣйшемъ возмездіи за воровство: по нѣмецкому преданію, въ кукушку превратился хлѣбникъ, воровавшій у бѣдныхъ тѣсто.

Древнѣйшее понятіе объ отношеніи челоѣка къ природѣ во всей ясности выразилось въ народныхъ преданіяхъ о сотвореніи міра. Или изъ частей челоѣческаго тѣла преданіе творить весь міръ, или наоборотъ, важнѣйшія и существенныя составныя ча-

сти природы входятъ въ составъ чело́вѣка. Уже индѣйскій миѣъ смѣшиваетъ и то , и другое начало : небо произошло отъ черепа Брамьы , и наоборотъ глаза чело́вѣка отъ солнца , волосы отъ растенія , кости отъ камня , кровь отъ воды. Нѣмецкія преданія примѣняютъ микрокосмосъ къ макрокосмосу , и Эдда всю природу создаетъ изъ трупа убитаго Имира : отъ крови его моря и воды , отъ тѣла земля , отъ костей горы , отъ зубовъ и разможженныхъ костей утесы и скалы , изъ черепа небо , отъ мозга облака , и изъ бровей его мидгардъ или вселенная. Для полноты преданія слѣдуетъ присоединить сюда слѣдующую латинскую приписку съ арг. переводомъ *) , вставленную переписчикомъ въ рукопись X вѣка : *acto pondera de quibus factus est Adam. pondus limi, inde factus (sic) est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhe-la frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.* Наконецъ къ этому надобно прибавить еще древнѣйшія преданія о созданіи жилъ изъ корней , волосъ изъ травы , ума отъ облака и глазъ отъ солнца , въ нѣм. поэмѣ о Четвероевангеліи XII в.

von den wrsen gab er ime (Богъ чело́вѣку) di ådren
von dem grase gab er ime daz hår ,

*) *Rituale ecclesiae dunelmensis, London, 1839.*

von den wolchen daz müt,
 dü habet er ime begunnen
 der ougen von der sunnen.

Это разсыянное по нѣмецкимъ племенамъ сказаніе о сотвореніи міра глубоко проникло въ преданія русскія, и долго удерживалось въ народѣ, будучи освящено христіанскими понятіями, въ такъ называемомъ стихѣ *о Голубиной книгѣ* *). Оно такъ срослось съ убѣжденіемъ и кругомъ воззрѣнія народа русскаго, что могло быть заимствовано только изъ общаго индоевропейскаго источника. Сличеніе этого стиха съ нѣмецкими и другими сказаніями можетъ предложить, такъ сказать, варианты для воссозданія первобытнаго преданія.

Изъ стиха о Голубиной книгѣ :

- у насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа
 самого Христа, Царя небеснаго ;
 солнце красное отъ лица Божьяго
 самого Христа, Царя небеснаго ;
5. младъ свѣтель мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
 самого Христа, Царя небеснаго ;
 звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ,
 самого Христа, Царя небеснаго
 ночи темныя отъ думъ Господнихъ ,
10. самого Христа, Царя небеснаго ;
 зѣри утренни отъ очей Господнихъ ,

*) С. П. Шевырева Исторія Русской Словесности , 1846 ,
 выпускъ 1, стр. 237.

- самого Христа, Царя небеснаго ;
 у насъ умъ-разумъ самого Христа,
 сомого Христа, Царя небеснаго ;
15. наши помыслы отъ облакъ небесныхъ ;
 у насъ мѣръ-народъ отъ Адамія ,
 кости крѣпкія отъ каменї ,
 тѣлеса наши отъ сырой земли ,
 кровь-руда наша отъ черна моря .

Варианты изъ чужеземныхъ сказаній и объясненія:

И до сихъ поръ еще думаютъ видѣть въ солнцѣ образъ лица , что совершенно согласно съ древне-христіанскимъ представленіемъ этого свѣтила *). Но всего вѣроятнѣе предполагать , что первоначальный образъ солнца око, равно какъ и звѣзды и мѣсяцъ—очи Божія ; хотя нашъ стихъ и отдѣляетъ каждое изъ свѣтилъ для полнѣйшаго соотношенія природы съ представленіями древне-христіанскими. Скн. поэты называютъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды *очами неба* , а глазъ чловѣка—солнцемъ, черепъ мѣсяцемъ, брови звѣздами ; солнце по крайней мѣрѣ на десяти языкахъ восточнаго Архипелага называется *окомъ дня* **). Какъ великаны ; такъ и богъ Wuotan (т. е. небо) имѣютъ только одинъ глазъ , который вмѣстѣ есть и колесо, и щитъ. Замѣчательно, что у Сербовъ глубо-

*) Maszmann, der Egsterstein in Westfalen, 1846.

**) Talvj, Versuch einer geschichtl. Charakt. d. Volkslied. germ. Nat. 1840, 3.

чайшее мѣсто въ морѣ называется *око* *). Съ этимъ мѣтологическимъ представленіемъ вѣроятно стоитъ въ связи прекрасное, поэтическое выраженіе въ сербск. пѣсн.: *моје чарне очи*—два бистра кладенца, Вук. 1, 252. Восходъ солнца называется у Сербовъ окномъ Божиимъ :

од божиег прозора,
од сунчевог истока,

Вук. Серб. пѣсн. 1, 207. Какъ прозор происходитъ отъ зор—свѣтъ, и срб. зрак, зрака значить солнечный лучъ : что согласно съ стихомъ : зори утренни отъ очей господнихъ ; такъ окно происходитъ отъ око, чему аналогическимъ доказательствомъ можетъ служить гот. *auga-daugo*, окно, собственно *дверь оку*. Наблюдательный взглядъ на природу, выражающійся къ языкъ, и самому лицу даетъ значеніе отъ глазъ, и какъ бы изъ впечатлѣнія, производимаго глазами, развиваетъ для себя представленіе о цѣломъ лицѣ : такъ лице по-баск. *beguitartea*, собственно *между глазъ*, или, если позволено такъ выразиться, *междуглазіе* **), отъ *beguia*—глазъ. Такое художественное чувство, проникающее языкъ, встрѣчается съ пластическимъ воззрѣніемъ скульптуры греческой, возсоздавшей типъ Юноны, взявъ за основаніе глаза

*) Вук. Монтенегро, 62.

**) W. Humboldt, über d. cant. oder bask. Spr.

ея, по гомерическому эпитету: *βούλις* *). Блескъ и зеркальное отраженіе глазъ не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на составителей языка: любопытно слѣдующее толкованіе Памвы Берынды: „Звѣница, звѣнка, *чоловѣчокъ*, зреница.“

Представленіе груди въ мѣсяцъ являетъ весьма замѣчательное отклоненіе отъ преданій другихъ народовъ. Груды вѣроятно означаютъ пятна на лунѣ. Индійскій богъ луны, Чандрас, носитъ зайца, потому и лупа называется по-скр., отъ *саѣа* заяцъ: *саѣа-д'ара* носящій зайца, *саѣ-анка* имѣющій знакъ зайца, *саѣ-ни* зайчій. Ипат. сп. 188 стр., упоминаетъ о поклоненіи Литовцевъ „заеичему богу“, соединенномъ съ слѣдующимъ повѣріемъ: „егда выѣхаше на поле и выѣбгнаше заяцъ на поле, въ лѣсъ рощенія не вохожаше вну и не смѣяше ни розгы уломити.“ Это суевѣрїе, столь распространенное у насъ, есть и у Финновъ: такъ описываетъ финская поэмка **) поѣздъ жениха и невѣсты: „проѣхавъ немощко съ женихомъ своимъ, взглянула она на чистое поле, и говорила: кто это скочилъ поперекъ дороги? Ильмариненъ отвѣтъ держалъ: заяцъ скакалъ поперекъ дороги, зайчикъ перескакивалъ. Кабы знала вѣдала, говорила невѣста, лучше бы я прыгнула изъ саней, и сама топтала тропу заячью.“

*) C. A. Böttiger, *Ideen zur Kunst-Mythologie*, 1836, 2, стр. 311—312.

**) Höfer, *Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr.* 1845, 1, стр. 34.

Согласно съ индійскимъ мифомъ, у насъ до сихъ поръ объясняютъ колеблющееся отраженіе свѣта на стѣнѣ игрою зайчика. И можетъ быть, заступленіе дороги тьмою померкнувшаго свѣтила ведетъ свое начало оттуда же. — Скандинавское преданіе объясняетъ пятна на лунѣ двумя дѣтьми, которыхъ взялъ къ себѣ мѣсяць, когда они несли ведро воды на коромыслѣ : ихъ видятъ и теперъ. Согласно съ этимъ, наши предки въ лунныхъ пятнахъ видѣли также двѣ фигуры человѣческія, что явствуетъ изъ слѣдующаго описанія луннаго затменія : „въ то же время бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно : идяше бо луна черезо все небо отъ вѣстока до запада, измѣняючи образы своя : бысть первое и убываніе помалу, дондеже вся погибе , и бысть образъ ея яко скудно , черно (замѣчательный вариантъ въ Воскр. сп. 2, 59 : яко сукно черно), и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лица имущи, одно зелено , а другое желто , и посреде ея яко два ратная съкущеса мечема , и одному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старіи людіе „не благо есть сяково знаменіе , се прообразуетъ княжю смерть“ — еже бысть.“ Ипат. 90.

Происхожденіе помысловъ отъ *облакъ небесныхъ* является въ Эддѣ въ изобразительномъ представленіи сотворенія облаковъ изъ мозга Имира. Латинскій писецъ X в. мысль нашего стиха выражаетъ такъ : „*pondus nubis, inde est instabilitas mentium*“, а нѣм. поэтъ XII в. говоритъ :

von den wolchen daz müt.

Происхожденіе крѣпкихъ костей отъ камня согласно съ индійскимъ преданіемъ о созданіи костей чело-вѣка изъ камня, выразившемся въ скн. миеѡ о со-зданіи горъ и скалъ изъ костей и зубовъ Имира. Др. нѣм. поэтъ XII в. говоритъ:

von dem steine gab er ime daz pein.

Сотвореніе тѣла изъ земли есть общее всемъ на-родамъ преданіе, изобразительно выраженное въ Эддѣ въ представленіи тѣла убитаго Имира.

Уже Индійцы производили кровь отъ воды; въ скн. преданіяхъ не только всѣ воды отъ крови Ими-ра, но и самый потопъ произошелъ отъ того же: и въ крови Имира потонули всѣ великаны. Съ нашимъ стихомъ согласуется др. нѣм. поэтъ XII в.:

von dem mere gab er ime daz plut;

но писецъ X в. предлагаетъ замѣчательное разнорѣ-чіе: „*pondus ignis, inde rubens est sanguis est cali-
dus.*“ Можетъ быть это представленіе вышло изъ вѣрованія въ огонь, какъ источникъ жизни, и въ исхожденіи души вмѣстѣ съ кровію.

И такъ космогоническое преданіе о сотвореніи чело-вѣка не только своеземно у насъ, но и являетъ за-мѣчательное дополненіе къ преданіямъ прочихъ на-родовъ. Мало того. Оно такъ вкоренилось въ народ-

ныя вѣрованія, что еще и досель живетъ въ русскихъ суевѣрїяхъ, и именно такъ догмать въ раскольѣ Духоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи челоуѣка: челоуѣкъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ имѣлъ тѣло лучшаго, совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ мирномъ тѣлѣ. Они говорятъ, что тѣло въ челоуѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ кореня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака.—Это замѣчательное суевѣрїе особенно важно потому, что служитъ дополненіемъ къ стиху о голубинѣй книгѣ, и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями. Нѣм. поэтъ XII в. также производитъ жилы отъ корня:

von den wrcen gab er ime di âdren.

Этимъ объясняется эпическій колоритъ слѣдующаго мѣста у Данила Заточника: „тѣло основается жилами, и дубъ крѣпится множествомъ коренія.“ Какъ корень есть источникъ жизни растенія, такъ и жила сознается въ языкѣ орудіемъ жизни, будучи произведена отъ жи-ти, точно такъ, какъ отъ скр. бала жить, бала кровь и келт fuil — кровь. Въ суевѣрїи Духоборцевъ о происхожденіи волосъ отъ травы сохраняется преданіе индїйское, удержанное и нѣмецкимъ поэтомъ:

von dem grase gab er ime daz hâr.

Какъ эпическая форма, это преданіе и досель осталось въ народной поэзиі, на пр. въ Серб. пѣсн., Вук. 1, 252:

Моја ситна коса зелена ливада.

Происхожденіе мысли отъ вѣтра и благодати отъ облака напоминаетъ лат. приписку X в: „*pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhela frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.*“

Самое названіе: голубиная книга, кромѣ Христіанскаго значенія, могло согласоваться съ древнѣйшими преданіями, которыя, встрѣтаясь съ Христіанскими символами, голубямъ приписали твореніе міра. Это замѣчательное преданіе, какъ отрывокъ того же великаго эпоса о сотвореніи міра, сохранилось въ одной колыдкѣ Карпатскихъ Руссовъ *). Чтобъ видѣть, какъ отдаленное преданіе сохраняется въ памяти народа, хотя и въ неясныхъ, неопредѣленныхъ намекахъ, сообщаемъ ее сполна:

Колись то було зъ початку свѣта,
Подуй же, подуй Господи, зъ Духомъ Святимъ по
земль!

втоды не було неба на землі,
неба ни землі, нимъ сине море,

*) Касомарова, Объ историч. значеніи русск. народн. поэзиі. 1843. стр. 66—67.

а середь моря та два дубойкі:
 съли-упали два глубойці,
 два голубойці на два дубойки,
 почали собь раду радити,
 раду радити и гуркотати:
 жкъ мы маемо свѣтъ основати?
 спустиме мы ся на дно до моря:
 вынемe си дрібногo піску,
 дрібногo піску, синёго каменьце,
 дрібный пісочокъ постемe мы,
 синій камінець подунемe мы.
 Зъ дрібногo піску—чорна земляца,
 студена водица, зелена травица;
 зъ синего каминьця—синьее небо,
 синьее небо, свѣтле сонейко,
 свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ,
 ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки.

Сотвореніе земли и неба отъ птицы находимъ также въ финскомъ эпосѣ *) : орелъ свиваетъ гнѣздо на колѣнѣ Вѣйнэмѣйна, и кладетъ въ него яйца: Вѣйнэмейненъ, почувствовавъ на себѣ теплоту, хватается за колѣно: яйца падаютъ въ море, и онъ творитъ изъ нихъ землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды. По финскому эпосу, вначалѣ ничего не было, кромѣ моря. Касательно двухъ дубовъ, упоминаемыхъ въ карпатской колядкѣ, должно замѣтить, что дубъ дерево священное, принадлежавшее по преимуще-

*) Über d. finnische epos, статья Я. Гримма, въ Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr. 1845 N 1., стр. 27.

ству Перуну, а у Римлянъ Юпитеру, такъ что даже жолудь называется по-лат. *juglans*, т. е. *joviglans*, *jovis glans*. Въ ски. сказаніяхъ сохранилось преданіе о всемірномъ деревѣ, простирающемъ свои вѣтви по всему міру и пускающемъ корни не только въ землю, но и въ адъ, и простирающемся до небесъ.

Преданія мало по малу вытѣсняются Христіанствомъ и образованностью; сказанія, не поддерживаемыя общимъ интересомъ, предаются забвенію; вѣрованія, отдѣлившись отъ жизненныхъ вопросовъ, превращаются въ суевѣрія и искажаются. Что же остается намъ въ наследство отъ нравственныхъ убѣжденій и вообще отъ духовной жизни нашихъ предковъ? — Отжившихъ повѣрій не воскресить. Народныя сказанія и пѣсни и для тѣхъ, кто ихъ понимаетъ и цѣнитъ, не болѣе, какъ антикварная рѣдкость. Даже простой народъ, по мѣрѣ распространенія грамотности, легко разстается съ своими преданіями и повѣрьями. Мифологія народная видимо гибнетъ, и никакая нравственная сила не можетъ вдвинуть ее въ интересы житейскіе. Едва ли наука должна жалѣть о такой невозвратимой утратѣ, какъ бы ни была увлекательна возникающая изъ древнихъ сказаній первобытная фантазія простосердечнаго народа. Жизнь народа идетъ по своимъ нравственнымъ законамъ движенія, столь же строгимъ, какъ и законы небеснаго механизма, въ силу которыхъ невозможно обратное теченіе планеты вокругъ солнца.

Но сколько бы народъ ни отклонился отъ своего первобытнаго состоянія: пока онъ не утратитъ своего

языка, до тѣхъ поръ не погибнетъ въ немъ духовная жизнь его предковъ. Мысль, извнѣ привитая къ слову, никогда не осилитъ живаго образа, въ немъ впервые воссозданнаго. И если народъ силою своего умственнаго образованія разовьетъ самостоятельно строгую мыслительность въ предѣлахъ своего собственнаго языка; то это возможно не иначе, какъ только по глубокому и искреннему сочувствію, хотя и не всегда отчетливому, съ тѣми представленіями, какія лежатъ въ основѣ самаго языка. вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ мы нечувствительно впитываемъ въ себя всѣ воззрѣнія на жизнь, основанныя на вѣрованіяхъ и обычаяхъ, въ которыхъ языкъ образовался: и какъ преданія, донесшіяся до насъ изъ отдаленныхъ вѣковъ только въ звукѣ, мифологія народная долго будетъ жить въ языкѣ своей яркой изобразительностью и меткимъ взглядомъ на природу.

II.

ПЕРІОДЪ

ХРИСТИАНСКИЙ.

Оправданіе и предѣлъ всякому умственному развитію въ формахъ языка опредѣляются введеніемъ Христіанства и переводомъ Св. Писанія. Слово Божіе, оглашаясь на языкъ необразованномъ, выводитъ его изъ предѣловъ домашняго, односторонняго воззрѣнія на общечеловѣческое поприще отвлеченной, нравственной мысли. Живость начальнаго впечатлѣнія уступаетъ величію влагаемой въ слово идеи, и Христіанство сглаживаетъ съ языка его изобразительность, воспитанную язычествомъ, точно также, какъ ниспровергаетъ мраморныя изображенія видимыхъ божествъ. Слѣдовательно возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до общаго понятія, совершающееся въ языкъ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, получаетъ первое и рѣшительное направленіе отъ перевода Св. Писанія; а такъ какъ уясненіе вы-

сокаго ученія Христiянскаго есть окончательное стремленiе мысли ; то языкъ перевода Св. Писанiя , въ продолженiе всего литературнаго движенiя языка , не престаеъ оказывать влiянiе при каждой новой попыткѣ расширить значенiе слова , по мѣрѣ развитiя мыслительности. Какъ исторiя живописи опредѣляется непрестанной борьбой Христiянскаго воодушевленiя съ вещественностью формы и подражанiемъ природѣ : такъ и исторiя языка предлагаетъ непрестанное колебанiе отвлеченной мысли и живаго представленiя, другъ другу оказывающихъ обоюдное противодѣйствiе. Слѣдовательно существенный вопросъ въ исторiи языка во время персвода Св. Писанiя состоитъ въ томъ , чтобы показать , какъ языкъ отъ первоначальныхъ своихъ воззрѣнiй, глубоко проникнувшихъ и въ жизнь, и въ вѣрованiя, и въ преданiя народныя, мало по малу переходитъ къ ясному выраженiю Христiянскихъ понятiй.

1. ВОЗВЕДЕНIЕ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА КЪ IV ВѢКУ.

Разсматривая славянскiй переводъ Св. Писанiя съ точки зрѣнiя лингвистической , мы убѣждаемся въ той мысли, что переводчики старались передать слово Божiе и идеи Христiянскiя во всевозможной чистотѣ. Все что только напоминало обрядъ или обычай, противный Христiянству, всякое слово, имѣвшее смыслъ языческаго поклоненiя , они почитали недостойными чистоты Евангельской. Нѣтъ сомнѣнiя, что славянскiй языкъ уже задолго до Кирилла и Меодiя

служилъ органомъ Христіанскихъ понятій: въ противномъ случаѣ никакъ не возможно было бы избѣжать словъ и выраженій, намекающихъ на языческій бытъ, при первой попыткѣ переложить Священное Писаніе. Благочестивые переводчики, Греки по преданію, твердо и основательно знали славянскій языкъ; и слѣдовательно, какъ ревностные христіане, могли почерпнуть свое знаніе славянскаго языка только изъ источника Христіанскаго. Христіанъ между Славянами было уже много во время перевода Св. Писанія: *) по свидѣтельству летопис. IX в. Anast. Bibliothecar., Assemani, II, 190: еще въ V вѣкѣ по Р. Х., Болгары, завоевавъ Мизию, застали тамъ Славянъ - Христіанъ, у которыхъ были царградскіе священники. Въ VI в. значительныя должности свѣтскія и духовныя въ Царградѣ занимали Славяне: Доброгость, Всеградъ, Тетимиръ, Оногость. Но обратимся къ свидѣтельствамъ собственно лингвистическимъ. Здѣсь-то особенно важенъ для насъ языкъ готскій. Готы уже въ IV вѣкѣ получили переводъ Св. Писанія, а они по мѣсту жительства и по историческимъ своимъ судьбамъ, постоянно находились въ сношеніяхъ съ Славянами, въ концѣ IV вѣка у нихъ была даже своя особая церковь въ Царградѣ, и училище для

*) Мацеѣвскаго Истор. первобытн. Христ. Церкви у Славянъ, 20—36.

Шафар. Slov. Starož. 602.

Готеовъ, гдѣ учили по-готески. Даже въ X в. у Констант. Багрянородн. de caeremon. aulae byzant. 1, 83, упоминается такъ называемый *Готомконъ*, драматическое представленіе (παιγν το γοτθικόν). Слова припѣва варварскія, и готескимъ языкомъ объяснены быть не могутъ. Видно, что сами Греки подъ Готами разумѣли народъ не одного и того же языка, а смѣсь.

Вообще строгаго отдѣленія народностей, во время средневѣковаго движенія народовъ, быть не могло. Броженіе и столкновеніе племенъ отразились и въ языкъ. Хотя, по внутреннимъ законамъ своего организма, языкъ отдѣлялся отъ языка, какъ народъ отъ народа: однако, увлекаясь общею судьбою въ историческомъ движеніи, непрестанно сталкиваясь общими интересами, народы передавали другъ другу свою народность и языкъ: или лучше сказать, самая народность племенъ и нарѣчій, будучи общею между варварами, какъ бы кристаллизовалась отъ обоюднаго столкновенія и мѣны словъ и понятій. Преданія и вѣрованія, вмѣстѣ съ звуками ихъ выразившими, связывали между собою варваровъ, замѣняя имъ то общечеловѣческое братство, какимъ роднятся между собою народы образованные. Слово одного племени отзывается часто подобнымъ же словомъ у другаго: потерянное у Славянъ сохраняется въ нарѣчійхъ сѣверныхъ; иногда непонятная и бессознательно употребляемая форма у Нѣмцевъ живеть органически и сознательно въ устахъ Славянъ. Историческое движеніе словъ изъ

одного языка въ другой, изъ одного нарѣчія въ другое, свидѣтельствуешь намъ о той братственности народовъ, которая уже является намъ расторгнутою совершеннымъ разрывомъ въ періодъ историческій. Даже самая вражда служила для народовъ и языковъ не маловажнымъ средствомъ къ единенію мыслей, къ общенію духовному, служа проводникомъ словъ и понятій отъ одного народа къ другому. Стройное отдѣленіе одной народности отъ другой условливается порядкомъ общественнымъ, устройствомъ политическимъ: а въ глубокіе средніе вѣка этого между варварами быть не могло. Стремленіемъ сѣверныхъ народовъ къ югу, и распространеніемъ Христіанства между варварами отъ юга къ сѣверу, опредѣляется то направленіе, какимъ влеклись народы и какъ сталкивались въ своемъ броженіи. Христіанство, распространяясь между народами разныхъ языковъ и повѣрій, сглаживало слѣды ихъ отличій, и такимъ образомъ древнія вѣрованія и слова, ихъ выражавшія, — различныя по своей мѣстности, — примѣняясь къ понятіямъ Христіанскимъ, болѣе и болѣе теряли свой первобытный характеръ, и другъ съ другомъ сближались: Христіанство было тѣмъ центромъ, къ которому сходились всѣ разнообразныя вѣрованія и обычаи разнородныхъ племенъ.

Вотъ основанія, по которымъ мы можемъ признать важнѣйшимъ источникомъ для исторіи языка славянскаго переводъ Библии, сдѣланный Ульфилою. Показавъ отношеніе Христіанскихъ понятій къ языку перевода IV в.

и къ языку перевода Кирилла и Меѳодія IX в., мы опредѣлимъ для себя періодъ исторіи языка, отъ языческихъ преданій мало по малу переходящій къ чистотѣ Христіанскихъ идей.

Но сначала обратимъ вниманіе на историческую связь языка готскаго съ славянскимъ. Особенно любопытны для исторіи такія формы, которыя, будучи образованы средствами одного языка, получаютъ право гражданства въ другомъ. Таковы въ славянскихъ нарѣчіяхъ слова, коимъ въ готскомъ языкѣ соответствуютъ образующіяся приставкою *ga-* (нѣмецкое *ge-*): такъ что въ древнѣйшую эпоху эти слова были равно понятны и Готамъ и Славянамъ.

1. слово *goradzъ* встрѣчается уже собственнымъ именемъ одного изъ древнѣйшихъ учителей славянскихъ пресвитеровъ, именно Архіепископъ Гораздъ, ученикъ Св. Меѳодія. Не только въ народномъ русскомъ, но и въ языкѣ летописей это слово имѣетъ смыслъ хорошаго, смышленаго; въ этомъ же смыслѣ переписчикъ Остр. Е. употребляетъ это слово въ своей припискѣ: „да иже горазиѣ сего напише“. Даже въ названіяхъ славянскихъ урочищъ встрѣчается это слово, на пр. Гораждіе въ Босніи. Въ гот. языкѣ есть слово *gazda*, употребляемое Ульфилою въ смыслѣ языка, рѣчи: съ приставкою *ga-*, это слово и по звукамъ и по значенію будетъ наше *goradzъ*. Следовательно славянское *rada* проходитъ черезъ гот. форму *gazda* въ словъ *goradzъ*.

2. готовъ, коимъ въ О. Е. переводится, хотя и близкое по звукамъ, ἑτοιμος, есть и въ лит. gatawas: гот. gatawan приготовить, сдѣлать, образуется изъ taujan дѣлать, съ приставкою ga.

3. гоньзнати, гоньзати *gōnizda*, гонезити *gōneziv*, изъяс. наст. гонезу; употребляется и въ лѣтоп. на пр. Ипат. 193: „одиному же Ятвяжину гоньзнувшу изъ весць“ — но уже въ смыслъ тѣснѣйшемъ. Это слово является въ готскомъ *nisan* или *pasjan*, которое съ приставкою *ga*-образуетъ *ganisan*, откуда нѣм. *genesen*.

4. гобьзь (*uber*) откуда гобьзитиса, гобьзовати: готск. *ga-bigs* (богатый), производимое Боппомъ отъ скр. *b'aga* часть, счастье, следовательно *ga-bigs*, съ счастьемъ, какъ наше у-богій, безъ счастья. Впрочемъ у Славянъ былъ уже далеко распространенный въ старину корень гоб -, не только у насъ въ лѣтописяхъ попадающійся въ формѣ „гобино“, которая, какъ древнѣйшая, уже замѣняется болѣе понятнымъ вариантомъ „обилье“, Лавр. 75; но и въ иллир. гобино, и даже въ мадьяр. *gabona* съ тѣмъ же значеніемъ жита: следовательно прилаг. гобьзь вмѣстѣ съ гот. *gabigs* будетъ уже вторичной формациі.

5. говѣть имѣеть смыслъ не только поститься, но и почитать: Памва Беринда объясняетъ: „говѣинъ учтивый, честный, почтивый; говѣніе венерацию, реверенція: встыденье ся зъ почтивостью, чченье“. —

Отсюда благо-говѣть. Согласно съ „говѣинъ“ въ старину было говѣино вмѣсто говѣнье, на пр. въ Новг. лѣт. „въ заговѣино Петрово“, 139. По-гот. *ga-veihan*, εὐλογεῖν, съ приставкою *ga-* отъ *veih*с святой, ски. *ve*, *arg.* *wih* святилище, храмъ. — Слич. скр. *gy diis offere*, *sacrificare* ; гавья *quod offertur, offerendum diis*.

6. котора, слово, въ рус. лѣт. столь часто употребляемое, находимъ въ *Glag. Cloz.* въ глагольной формѣ: „вземла свѣтъ отъ распинающіихъ. по гѣбора ноштыжъ незаконныхъ *котераеть* дрзость незаконъ иудѣиска“, (солнце) *adimens lucem a crucifigentibus, pro Domino pugnans, nocte illegitima coarguit audaciam impietatis Judaicae*. Употребляется также и прил. которынъ. Соответственно нашему котора, находимъ гот. *gatauga*, *сѣисма*, отъ глагола *taigan*, сроднаго съ лат. *terere* и нашимъ торить (проторить, про-торы). Бутковъ, не обративъ вниманія на распространіе слова котора между Славянами, и на гот. форму *taigan*, родственную и намъ, ограничиваетъ котору финскимъ происхожденіемъ отъ *toça* *) раздоръ, распря.

7. съ такою же приставкою *ga-* является славянское слово въ готскомъ языкѣ, и именно *доба*, въ слѣдующей формѣ: *ga-dob ist*. Еф. 5, 3, Тим. 1, 2, 10; въ славянскомъ текстѣ: *подобаетъ*. Габел. и Лѣб. безъ основанія подводятъ это слово къ *daban* — *passen*.

*) Труд. Рос. Академ. 1842. ч. V.

Такииъ образомъ исторію многихъ нашихъ словъ, а видѣть съ ними и понятій, мы легко можемъ возвести къ періоду языка готскаго. Такъ чешск. *strawa* ѣда, иждивеніе; илл. ядъ, сохранившееся и въ лит. *strawa* ѣда, въ IV и V вѣкв имѣло значеніе языческаго праздноваія похоронъ; что явствуетъ изъ Иорнандова описанія погребенія Атилла (454 г.): *postquam lamentis est defletus Atilla stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant.* Это мѣсто почти слово въ слово объясняется повѣствованіемъ Нестора о тризнѣ на могилѣ Игоря: (Ольга) „*плакася по мужи своемъ, и повелъ людемъ своимъ ѣсоути могилу велику, яко сѣспоша, и повелъ тризну творити. Посемъ сѣдоша Деревляне пити*“, Лавр. 24. — Чтобы еще болѣе сблизить наши преданія о погребеніи съ бытомъ доисторическимъ, укажемъ на сродство готскихъ и славянскихъ словъ, означающихъ могилу и гробъ. Хотя въ О. Е. гробъ стоитъ на мѣстѣ гр. *τάφος*, однако сродно съ гот. *groba* *φωλεός*, (ложе, язина) напр. Мат. 8, 20: *fauhons grobos aigun*, въ О. Е. лисица ложа имать, а въ другомъ мѣстѣ: лисица язвины имать, Лук. 9, 58; въ испр. въ обоихъ мѣстахъ: язвины. У Памвы Беринды: „язвина: яма, або яскиня дикихъ звѣрять.“ Славянскому же гробъ у Ул. соответствують: *hlaiv*, *hlaivas* *na*, и *augahi* или *augahjo*. Какъ гробъ переходитъ въ значеніе ямы, звѣринаго логовища, такъ и *hlaiv*, др. нѣм. *hlewo* или *hleu* (род. *hléwes*)—*tumulus*, *acervus*, *agger*, *mausoleum*, соответствуетъ нашему *хлъвъ*, от-

куда хлѣвина *δωμάτιον*, *domicula*: гот. *ai*—нашему ѣ, такъ что *hlaiu* также созвучно нашему хлѣвъ, какъ *hlaiubs*—хлѣбъ. Производное *hlaiwasna* еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ сближеніи, ибо суф. - *asna* есть нашъ - изна, имѣющій смыслъ мѣста, напр. въ словѣ отчизна: а *hlaiwasna* именно и означаетъ мѣсто гробовъ, кладбище, пещеру: Лук. 8, 27: въ храмѣ не живѣаше. нѣ въ гробѣхъ, по О. Е., у Ул. *in garda ni gavas ak in hlaiwasvom*. Гот. *hlaiu* имѣетъ свой глаголь въ скн. *hlūa* укрѣплять, огораживать, и потому-то агс. *hlēov*, совершенно согласно съ значеніемъ нашего слова хлѣвъ, имѣетъ смыслъ покрыши, укрѣпленія, прибѣжища; а того же корня слово въ сокращенной формѣ: *hlaev*, *hlāv* значитъ не только могилу, т. е. насыпь, но и земляной валъ. Слѣдовательно *hlaiu*, *hlēov*, *hlaev*, хлѣвъ собственно значитъ окруженное валомъ городище, въ которомъ, какъ извѣстно, находятъ сожженные кости людей и животныхъ, доспѣхи и украшения погребенныхъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что у Славянъ и до сихъ перъ находимъ точно такое же отношеніе городища къ хлѣву, какъ гот. *hlaiu* къ агс. *hlēov*: именно хлѣвъ по-ниж. луж. называется *groźj*, откуда *groźischczo*. Крамевд. ркпсь ясно говоритъ о погребеніи мертвыхъ на горѣ, соединенномъ съ языческимъ обрядомъ приношенія покорма богамъ: „*tamo k wrechu pohřebat mrch*, „*i dat pokrm bogowóm*“ (*Zaboj a Slaw.*). Въ значеніе стравы вѣроятно входилъ и покормъ.— Касательно же слова *aurahi*, *aurahjo*, должно замѣтить, что оно совершенно сближается съ нашимъ *оврагъ*,

врагъ, еругъ, и стоитъ въ томъ же отношеніи къ славянскому, какъ наше гробъ къ готск. groba. Гот. произношеніе aigahi свидѣтельствуесть, что древнѣйшая, исторически известная намъ форма нашего оврагъ, еругъ была аурагъ: -гъ есть суффиксъ.—Потомъ мы видимъ, что ау сокращается: или въ у, ю; откуда мадьяр. ügeg пещера, яма, и üg дыра; или въ я и е: наше ярь, въ значеніи крутой скалы, или берега, а чешск. gar потокъ, ровъ, пол. iar, iargu-га долина, яма, ровъ; кроат. iagëk долина. *) Самое полное развитіе этого слова находимъ въ рус. формахъ: согласно съ готскимъ aigahi—оврагъ; согласно съ мадьяр. ügeg—врагъ и еругъ; потомъ: ярь, еракъ въ сложномъ бу - еракъ. Въ чеш. сохранилось въ этомъ словѣ понятіе о теченіи воды, равно какъ и наше оврагъ означаетъ ровъ, промытый водою, засохшее русло: слѣдовательно скр. ира вода съ суффиксомъ га идущій: ира-га—будетъ соответствовать нашему еру-гъ, т. е. теченіе воды, спускъ или ходъ для воды; для означенія же ямы, т. е. углубленія земли, языкъ образуетъ сложное бу-еракъ, бу-еругъ; а бу есть скр. б'у земля, сохранившееся какъ приставка и въ другомъ нашемъ словѣ, именно бу-дара-жить, т. е. поднимать вверхъ: скр. б'уда́ра значитъ гора, т. е.

*) Дифенбахъ также производитъ гот. aigahi отъ нашего оврагъ, но запутываетъ изслѣдованіе сличеніемъ съ латыш. gōku рою, и съ рака гробница, т. е. arka. Vergl. Wörterb. d. goth. Spr. часть 1, стр. 62 и часть 2, стр. 123.

несущій землю, отъ б'у и д'ара, означающаго *несущий*; Чехи скр. д'ара перевели *ноша* въ названіи горы: крькноноша; а д'арá по-скр. значить *земля*, какъ все несущая и приносящая плодъ: скр. д'арá сохранилось въ кельт. *daiar, duar, doar*, и въ нашихъ: доръ, дорище, напр. въ Юрид. актахъ: 1490 года: „на дорѣхъ покосы, — судьи велѣли между учинити дору по старой межѣ, куды коса съ косою сходилася — кто тѣ доры косятъ? укажите вы намъ тѣмъ дорищомъ между — которые, господине, дорища и покосы — кому то вѣдомо, что то дорищо роскоси нашихъ деревень.“ 1555: „сосна сухая на дору на заросломъ.“ Следственно доръ значить: земля съ покосомъ: измѣненіе скр-го *a* въ наше *o* и утрата скр-го предыханія при *d'* въ нашемъ *d* — суть явленія самыя обыкновенныя въ исторіи языка, чему доказательствомъ служатъ и кельт. формы. — Производство *) слова бу-горъ отъ па-горъ, па-горекъ, употребляемыхъ у Чеховъ и Поляковъ, вышеизложенному мнѣнію не противорѣчить: языкъ всегда любитъ осмысливать для себя понятнымъ древнѣйшее, вышедшее изъ употребленія. Отъ чего же по преимуществу слова, означающія гору, рытвину, пользуются приставкою *бу*?

Для дальнѣйшаго сличенія готескаго языка съ славянскимъ ограничимся указаніемъ на Шафарика, который привелъ цѣлый рядъ славянскихъ словъ, родственныхъ языку готескому, въ своихъ Славянскихъ

*) Шижкевича Корнесловъ, 1, стр. 48.

Старожитностями *). Въ своемъ мѣстѣ будемъ говорить подробно о многихъ изъ нихъ.

2. ОТВЛЕЧЕННОСТЬ ПОНЯТІЙ, ВЫРАЖЕННЫХЪ СЛАВЯНСКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ СВ. ПИСАНІЯ.

Теперь покажемъ, въ какомъ отношеніи и готскій и славянскій языки стоятъ къ Христіанству: участіе наше къ готскому переводу Библии должно непрестанно поддерживаться тою мыслію, что въ этотъ переводъ входили слова и понятія народа славянскаго.—Переводъ Ульфилы при первомъ взглядѣ поражаетъ яркостью жизни дѣйствительной, непрестанно выступающей разнообразными намеками, проглядывающими сквозь идеи Христіанскія: отвлеченность ученія Христіанскаго низводится до осязательныхъ образовъ, заимствованныхъ изъ дѣйствительности; чистота христіанскихъ идей омрачается намеками на язычество. Вездѣ очевидно, что Ульфила прямо изъ устъ язычника взялъ еще неочищенные молитвенныя слова и формы для выраженія ими Св. Писанія.

Обратимся къ фактамъ :

δαίμωνъ переводится въ славянскомъ текстѣ словомъ бѣсъ, болѣе въ отвлеченномъ смыслѣ злаго духа : у Ул. же находимъ еще самыя свѣжіе слѣды преданій языческихъ : нашему бѣсу у Ул. соотвѣтствуютъ два слова unhulpo и skohsl. Un-

*) Стр. 347.

hulfo отъ hilfan быть ласкову, оказывать пріязнь, есть какъ бы переводъ нашего стариннаго: *непріязнь*. Въ О.Е.: отъ непріязни, ἀπό τοῦ ποῦροῦ, Лук. 11, 4. Мат. 6, 13, вмѣсто нынѣшняго: отъ лукаваго; согласно съ Остромъ текстомъ находимъ также: *отъ непріязни* въ Евангеліяхъ 1144, 1270, 1307, 1358 годовъ. Впрочемъ издревле шла и другая редакція, замѣнившая это древнѣйшее выраженіе и нынѣ принятымъ: *отъ лукаваго*, именно въ Еванг. 1132, 1164, 1230 годовъ. Фрейз. ркпсъ свидѣтельствуетъ, что первое чтеніе первобытнѣе: текстъ Фрейз. ркпси: zavviziubui pergi-iazniui завистиѣ бы непріязниноѣ,—замѣняется позднѣйшимъ чтеніемъ XV в.: завистию діаволею. Glag. Sloz. стр. XXXVII, XLV. — Въ другомъ мѣстѣ Фрейз. ркп.: pergiiazniua iznepauvideasse a boziu izliubise—непріязнина въненавидѣша а божию вълюбиша. Особенно заслуживаетъ вниманія жен. родъ нашего непріязнь и гот. unhulfo: какъ у Ул., такъ и въ др. нѣм. языкъ, согласно съ древнѣйшимъ вѣрованіемъ въ злое божество женскаго пола, это слово женск. рода; и потомъ уже, по вліянію греческому, переходитъ въ Св. Писаніи въ родъ муж.: вотъ почему unhulfo у Ул. попадаетъ и въ томъ, и въ другомъ родъ: такимъ образомъ языковѣденіе одной только флексіей родовой можетъ вѣрно опредѣлить характеръ вѣрованія народнаго. Unhulfo образовалось, вѣроятно, черезъ отрицаніе отъ милостивой богини Holdâ, для означенія богини немилостивой. Замѣчательно, что Діанъ соответствовали въ нѣмецкой старинѣ и Holdâ и Unholdâ: въ смыслѣ язычес-

комъ она была милостива, въ понятіяхъ Христіанъ переходила въ злое, демоническое существо. — Другое гот. слово для бѣса: *skohsl* есть чисто славянское, сохранившееся въ чешск. *kauzlo*, колдовство: въ ниж. луж. *koſtlař* колдунъ; *koſt* переходить въ *кощ*, откуда наще кощей, въ значеніи міеологическомъ; слич. *костить*—ругать. Итакъ славянское языческое слово, отвергнутое нашимъ переводомъ Св. Писанія, удерживается въ готскомъ.

οἰκουμένη въ О. Е. вселенная, у Ул. *midjun-gards*, т. е. домъ или жилище въ срединѣ: это слово носить на себѣ колоритъ древности міеологической, ибо по преданіямъ Эдды *midgardr* созданъ для жилища людей изъ бровей Имира, и окруженъ змѣемъ, вѣроятно моремъ. Готск. слово живо отзывается повѣрьемъ и преданьемъ; славянское же—вселенная, какъ прилагательное, образованное для перевода греч. слова, носить на себѣ характеръ чисто отвлеченный; хотя и напоминаетъ обычныя наши выраженія: въ Юрид. акт. „а новые, господине, деревни, что волостели *сажали* по лѣсамъ“, 1498—1505. „а наши, господине, отцы *садились* на тѣхъ земляхъ“, 1534. У Нестора постоянно *сѣсти* въ значеніи населить.

тайна, *μυστήριον*, въ О. Е. имѣть отвлеченное понятіе о сокритіи, у Ул. же переводится словомъ *gupa*, означающимъ не только тайну, но и *βουλή*, *συμβούλιον*, коему въ О. Е. соответствуетъ также отвлеченное *свѣтъ*. По-скн. *gûp*, не только буква, но и тайна, загадка, и дружественный разговоръ; *gûpî* совѣтникъ, *gundr* колдунъ; а по-фински *gupo* пѣснь.

Понятія о пѣсни, вѣроужь, письмѣ и таинствѣ въ древнѣйшую эпоху совпадаютъ: что и указываетъ на мифологическій слѣдъ въ Ульф. переводѣ отвлеченныхъ понятій: тайны и совѣта.

знаменіе *σῆμαλον*, собственно понятіе отвлеченное, отъ знанъ, Ул. переводитъ словомъ, имѣющимъ смыслъ болѣе изобразительный, стоящимъ въ связи съ дѣйствительностью, а именно: *bandva*, отъ *bidan* вязать, стягивать, соответственно нашему старинному стягу, попадающемуся, на пр., въ Сл. о П. И.; гот. *bandva* было уже у Лонгобардовъ въ смыслѣ знамени: *ve-xillum, quod bandum appellant, Paul. Diacon. Histor. Longobard. 1,20.* Чувственный образъ для означенія понятія о знакъ, знаменіи, *σῆμαλον*, находимъ въ словѣ бѣльгъ, употребляющемся не только въ др. болг. и сербск. памятникахъ; но и въ теперешнемъ сrb. *bilyega nota, meta, scopus*, и даже въ мадьяр. *bélyeg, billyeg, belyeg, billeg, bilyog.*

Индивидуальность и частное понятіе всегда изобразительнѣе общаго; и синекдоха получаетъ собственное свое значеніе въ исторіи перехода частныхъ представленій къ общимъ понятіямъ. Эпическое воззрѣніе древнѣйшаго языка любитъ схватывать всякую общность въ осязательномъ, единичномъ образѣ: позднѣйшее умственное развитіе возводитъ частности къ общему. У Ул. болѣе изобразительныхъ вы-выраженій: пѣвица въ О. Е. означаетъ и *petavbu*, и *στρουδῆλον*, тогда какъ Ул. отличаетъ общее понятіе *fugls*, переводя имъ первое, и частное понятіе *spragva* (*sperling*), переводя имъ послѣднее. — гърлиц-

чищъ, труѣвъ, у Ул. переводится сложнымъ словомъ, имѣющимъ не только специальное значеніе, но и стоящимъ въ связи съ преданіемъ, именно: hgaiva-dubo, т. е. надгробный голубь, отъ hgaiv трущъ, скн. hgae; въ скн. есть и hraelundig надгробное дерево. Славянское преданіе о душахъ усопшихъ, летающихъ по священнымъ деревьямъ, подобно птичкамъ, вполнѣ согласуется съ готск. hgaiva-dubo и скн. hraelundig: преданіе о сѣтующихъ на могилъ голубяхъ есть общее и Славянамъ и Нѣмцамъ.

3. ДРЕВНѢЙШІЯ СЛАВЯНСКІЯ СЛОВА ЗНАЧЕНІЯ ЧИСТО ХРИСТІАНСКАГО.

Не одними общими, отвлеченными понятіями, славянскіе переводчики передавали Христіанскія идеи; но уже и готовыми словами Христіанскаго значенія, задолго до перевода уже утвердившимися въ славянскомъ языкѣ. Эти Христіанскія слова вошли въ переводъ Св. Писанія какъ бы по преданію уже Христіанскому. Таковы: крестъ, алтарь, церковь. Онѣ были уже всемъ понятны, совершенно ославянились, ходили въ устахъ народа, задолго до перевода Св. Писанія, вытѣснивъ собою языческія понятія, имъ соответствующія. Копитаръ въ своемъ сочиненіи: *Glagolita Clozianus* *) эти и другія - имъ подобныя слова объясняетъ вліяніемъ нѣмецкимъ и именно баварскимъ: прѣкы kirche, алтарь altar, хръсть и хръстити (будто бы уже позднѣе: крьсть и крьстити) christ и christen, постъ fas-

*) Стр. IX и XXXII предисловія.

ten, попь rharh, пекль и пекло rēch, употребляя ·
 инеся у Нѣмцевъ въ IX в. вмѣсто ада; среда, вмѣ-
 сто dies Mercurii, mittwoch; цѣсарь caesar, опьтъ асе-
 tum, крамола carmula, слово попадающее въ ба-
 варскомъ правѣ средн. времянъ, и проч. — Шафа-
 рикъ *) объясняетъ исторически возможность вне-
 сенія латинскаго элемента въ языкъ Славянъ: Бол-
 гары, сѣвши на Дунаѣ, нашли тамъ племена, гово-
 рящія болѣе по-латинъ, нежели по-гречески, а въ
 Дакии и Мезии Славяне могли внести къ себѣ влі-
 яніе Готѣовъ, въ началѣ IX в. сосѣдили съ Фран-
 ками, были въ сношеніяхъ съ Нѣмцами, и слѣдо-
 вательно отовсюду могли удержать что либо. Но ни-
 какъ невозможно допустить, чтобы въ славянскій
 языкъ систематически изъ какого-либо одного языка
 входили понятія и слова: это совершенно невозмож-
 ное дѣло въ средніе вѣка. Въ отношеніи лингвисти-
 ческомъ для насъ важно то, что еще до перевода
 Св. Писанія на славянскій языкъ въ IX в., языкъ
 славянскій уже былъ органомъ понятій Христіан-
 скихъ: даже то самое обстоятельство, что эти слова
 были чуждаго происхожденія, было весьма выгодно
 переводчикамъ: ибо тѣмъ менѣе напоминали онѣ
 Славянамъ старину и ихъ прежнія вѣрованія. Стол-
 кновеніе народовъ могло занести новыя реченія
 извнѣ: по мысль, сообщенная словами, была велика,
 мысль Христіанская. Слѣдовательно эти слова, пер-
 венцы между Христіанскими выраженіями славян-

*) Slow. Staroz. 819.

скаго языка, заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія.

1. крѣсть, *staurobs*, въ О. Е. употребляется въ смыслѣ орудія казни, но уже имѣетъ и значеніе символа Христіанства, тогда какъ у Ул. переводится словомъ *galga*, т. е. висѣлица, позорный столбъ; *agc. galga* тоже крѣсть, въ глоссахъ объясняется даже словами: *labagum, vexillum*. Въ др. нѣм. Еванг. VIII в. *) крѣсть, какъ орудіе казни: *cruci* отъ лат. *crux*: слич. Мат. 23, 34 *habet in cruce*, О. Е. распынете; Мат. 26, 2 *in cruce za slabanne*, О. Е. „да пропасти“, также „на распати“. Въ нѣм. поэмѣ о страшномъ судѣ (*Schmeller, Muspilli*): *uuir dit denne furi kitragan „daz frônô chrúci, „dâr der hêligo christ „awa arhangan uuard*. Это выраженіе съ *cruci* въ IX в. еще не укоренилось въ употребленіи, что видно изъ *Tatianâ Hartman. Bvang.*, **) гдѣ вышеприведенныя изъ др. нѣм. Ев. мѣста значатся такъ: *inti habet, et crucifigetis*, Мат. 23, 34; *thaz her uuerde erhangan, ut crucifigatur*. Точно также безъ *cruci* *Io. 19, 6*. Впрочемъ готское представленіе креста въ видѣ висѣлицы находимъ еще и въ др. нѣм. памятникахъ X вѣка: „*ube er gotes sun si, so stige er abe demo galgen*“—*si filius Dei est, descendat de cruce, Notker, Pz. 31, 8*. Эта древнѣйшая готская редакція могла идти по преданію издревле, чему свидѣтельствомъ

*) *Fragmenta theotisca versionis antiquissimae Evang. S. Matthaei*, 2-е изд. Массмана, 1841.

**) Изданіе Шмеллера, 1841.

можетъ служить IX вѣка стихотворное сочиненіе Отфрида, употребляющаго въ немъ galgo въ значеніи креста, IV, 30, 15; V, 2, 3. Въ Фрейз. ркиси распятіе на крестѣ выражено слѣдующими словами: ро lezv vuesachu—по лѣсу въпахъ (ligno suspendebant). Никакого нѣтъ сомнѣнія, что слово крестъ задолго до перевода Библии между Славянами получило смыслъ Христіанскій: ибо уже въ О. Е. для βαπτίζω, βάπτισμα, βαπτιστής есть слова самобытныя, не грецизмы: крѣстити, крѣститиса, крѣщениѣ, крѣститель, самостоятельно происшедшія отъ креста, какъ символа Христіанства: напротивъ того у Ул. эти слова грецизмы переводные: daurjan, daureins, daurjands, отъ прилаг. diups, сроднаго съ нашимъ глубокъ, чрезъ сербск. дубокъ: слѣдовательно собственно: купать, погружать и пр. Даже по синтаксическому сочиненію, daurjan глаголъ новый, не подчинившійся еще организму готскаго языка; ибо употребляется въ дѣйствительномъ залогѣ на мѣстѣ греческихъ страдательнаго и возвратнаго *). Согласно съ гот. diups, daurjan, въ ниж. луж. dupisch крестить, durrene крещеніе, duraġ креститель. Это не очищенное Христіанствомъ понятіе, общее у Лужичанъ съ Готами, у насъ осталось въ языческомъ преданіи о купаль.—Откуда же происходитъ наше крестъ? Лингвистическія свидѣтельства удостовѣряютъ насъ, что это слово нѣкогда было общимъ между племенами европейскими: въ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ употребля-

*) Gabetentz et Loebe Ulfilas, II, 2, 139.

лось въ смыслъ креста: kora, откуда korsa крестить, знаменоватъ крестомъ; kryss, сходное съ польскимъ и въ летописяхъ попадающимъ: крыжь. Даже на рунахъ находимъ krus, оставшееся въ ски. kross, шв. и дат. kora, и проч. Отъ слова крѣсть въ О. Е. есть уже окрѣсть и окрѣстьныи; а въ припискѣ переписчика и „крѣстьянскіи“, или христіанскіи: „на утѣшение многамъ дшамъ крѣстьянскамъ“. Уже въ древнѣйшемъ Христіанскомъ памятникѣ у Славянъ, въ Фрейз. ркпси читаемъ и criskep—крещень, и Хр̄еп—Хр̄щень.

2. алтарь, др. нѣм. altarî, котораго конечный мягкій звукъ î соответствуетъ нашему ѣ; въ г. слово сложное: hunsla-staps, переводъ греческаго θυσια-στῦρον, но съ намекомъ на языческій обрядъ: ибо состоитъ изъ staps мѣсто, и hunsl, первоначально жертва языческая, а потомъ Христіанское Таинство, и именно Причащеніе; агс. húsl, húsel; ски. húsl. Гриммъ не находитъ источника этому слову въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ *). Если мы возьмемъ въ соображеніе слѣдующія славянскія слова, то родство этого готскаго слова съ славянскими окажется вѣроятнымъ. Луниц. gusslowasch колдовать, gusslowar колдунъ; въ польскомъ gusła, сродное съ нашимъ гусли, значитъ колдовство: утрата носоваго звука въ польск. gusła, объясняется древнѣйшимъ употребленіемъ этого слова безъ носоваго звука, чему служатъ доказатель-

*) D. M. 35.

ствомъ агс. и ски. формы. Сначала рассмотримъ *hupsl* въ отношеніи лингвистическомъ, а потомъ обратимся къ свидетельствамъ историческимъ. — Звукъ *l*, *л* служатъ образованіемъ словъ, для значенія орудія, какъ въ готескомъ, такъ и въ славянскомъ: *sitla* отъ *sitan*, агс. *sēil* сѣдло, въ общемъ значеніи; *stola* столъ (*standan*, стоять). Какъ у насъ суффиксъ *sl* есть уже производный, напр. въ гусли отъ гуду, въ ясли отъ яд-, такъ и въ гот. *hupsl* (будто бы отъ *hinfan* ловить, по Габ. и Лёбе.): здѣсь, въ отношеніи суфф. *л*, кстати сближеніе г. *skohsl* бѣсъ съ чешск. *kauzlo* колдовство; въ лужиц. производное *koslaw* колдунъ. Следовательно, въ грамматическомъ отношеніи, нѣтъ препятствія сравнить гусла, гусли съ *hupsl*, *hual*. Въ готеск. носовой звукъ *ua* объясняется нашимъ *я* въ гясли, гяду. — Вотъ историческія доказательства сему сближенію: а) что гудба считалась языческимъ занятіемъ это видно всадѣ, гдѣ только наши благочестивые предки упоминають о музыкѣ: Несторъ говоритъ: „сими дьяволъ лститъ, и другыи нравы, всячьскими лстыи превабля ны отъ Бога, трубами и сноморокы, гуслами и русальи“ — Давр. 73. Въ словѣ Христолюбца говорится: „не подобаетъ крестьяномъ' игорь бесовьскихъ играти иже естъ плясба, гудба, пѣсни бѣсоньскыя и жертва идолская.“ Опис. Рум. Муз. 229. Что музыка, по мнѣнію нашихъ предковъ имѣла силу чародѣйства, видно изъ слѣдующаго мѣста Ипат. сп. 155: „молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поу-

хати зелья, именемъ евшанъ.“ Такое порученіе долженъ былъ исполнить гудецъ. Краледворская рукопись (Забой и Славой) свидѣтельствуесть, что Забой, древнеславянскій поэтъ, былъ вмѣствъ и музыкантъ, и предводитель войска, и защитникъ боговъ: „дѣвца добра милуютъ боги“, говоритъ одно изрече-ніе, въ родѣ пословяны, въ томъ же произведеніи. б) какъ гупа значить: и пѣснь (по-фински), и янсьме и мистерія, и символъ: такъ и hũs! могло отъ значенія гудьбы перейти къ значенію жертвы и таинства. в) родство между другими готеск. и слав. словами, имѣющими смыслъ музыки и пляски, позволяютъ допустить и здѣсь сближеніе: первое слово: пласати, гот. plinsjan: „и въшьдѣши дѣщери ѿ продидѣ и пласавъши“, О. Е. Мн. 6, 22, у Ул. jah atgaggandein inn dauhter herodñadins jah plinsjandein: всѣми признано, что это слово отъ Славянъ перешло къ Готамъ; другое же слово, вѣроятно, наоборотъ отъ Готевъ къ намъ, именно: ликъ, хорѣс, гот. laiks: „смына пѣнія и лики, О. Е. Лук. 15, 25, у Ул. gabausida saggvins jah laikans. Гот. laiks имѣетъ при себѣ глаголь laikap, коему въ О. Е. соотвѣтствуетъ: възигратиса: „възиграса младенець радощами въ чрѣвъ ѿ“, Лук. 1, 41. у Ул. lailaik barn in qirau izos. Гот. laiks переходитъ въ агс. lās жертва, торжество, пляска; а сложное siblās (жертва мира) означаетъ даже Св. Тайны; въ скн. leika играть, около чего бѣгать, плясать, шутить; leikr игра, шутка; и даже leikregin кудесникъ, чародѣй, фокусникъ; въ др. нѣм. смягчается въ leih игра, но также уже пѣсня и даже стихъ. И такъ нѣтъ со-

мнѣнія, что слово *лыкъ* въ переводъ Св. Писанія перешло изъ нѣмецкихъ нарѣчій г) возможность славянскаго происхожденія слова *hunsł, hùsl* можетъ быть объяснена тѣмъ, что Славяне искони были самымъ музыкальнымъ народомъ: византійскіе писатели повѣствуютъ, что въ 590 году передъ Императора Маврикія были приведены три Славянина, отъ далекаго западнаго моря, имѣвшіе вмѣсто оружія гусли. Шафарикъ *) полагаетъ, что можетъ быть черезъ Славянъ греч. *βαρυτον*,—бывшее у Чеховъ народнымъ инструментомъ *warito*, какъ свидѣтельствуеъ Крал. рук. — перешло къ Нѣмцамъ въ формѣ *gotta, gota*, коимъ они переводили, какъ „*nomine barbarico*“ *psalterium*, въ IX в. Слѣдовательно вліяніе славянское могло и гораздо прежде содѣйствовать къ образованію *hunsł* и *hùsl*. Можетъ быть даже чешск. *варито* есть скр. *vāditra instrumentum musicum*, отъ *вад* говорить. Не отъ этого ли согласія въ языкѣ между музыкальнымъ инструментомъ и человѣческою рѣчью, произошло старинное объясненіе гуслей — языкомъ? Иоан. Екз. Бол. стр. 194. — Во всякомъ случаѣ славянскій переводъ Св. Писанія отстранилъ хотя и не чуждое Славянамъ, но языческое понятіе, и удовольствовался уже Христіанскимъ словомъ: алтарь. Лужицкое нарѣчіе намъ показываетъ, что древнѣйшее понятіе объ алтарѣ у Славянъ было сходно съ готескимъ: *to bože blido*

*) *Wybor z liter. česk. str. 1191.*

значить по-лужицки Святое Причастіе, ја ројду к' božem blidu пойду причащаться, пойду къ Св. Тайнамъ; blido значить столъ, слѣдовательно bože blido собственно значить алтарь, какъ и по-лит. dięwostalas, т. е. столъ бога, идти же причащаться prie dięwostalio eiti. — Лужицкое blido ведетъ свою исторію издалека: уже у Ул. biuds употребляется въ смыслъ стола, трапеза, въ О. Е. ему соответствуетъ грецизмъ трапеза; въ законахъ салическихъ Франковъ 46, 2, столъ называется hëudus или въ новѣйшей формѣ beodus: in beudum pultis manducasent. По-скн. biodr кругъ, тарелка, чаша: этимъ распространяется уже значеніе слова biuds; агс. bëod и столъ, и чаша: что эти слова въ періодъ языческой имѣли смыслъ алтаря видно изъ гот. biudan и агс. bëodan приносить жертву, молить, offerre. Отсюда мы видимъ, что у Славянъ, именно въ лужицкомъ нарѣчій, удержалось наидревнѣйшее для жертвоприношенія слово, общее всѣмъ нѣмецкимъ племенамъ: въ переводъ же Св. Писанія оно войти никакимъ образомъ не могло; потому что между Славянами, задолго до Кирилла и Меѳодія исповѣдывавшими Христіанскую вѣру, было въ употребленіи слово алтарь.

3. цръкы, цръкы, ἱερόν, ναός, ἐκκλησία. Этимъ словомъ еще до перевода Библии вытѣснены были языческія названія храма, такъ что требище и капище употребляются въ Библии только въ смыслъ языческомъ, напр. Иерем. 8, 31; Посл. къ Коринѳ.

1, 8, 10, Исходъ 23, 24, Дьян. Апост. 17, 23. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ народѣ могли употребляться древнѣйшія слова для понятій Христіанскихъ: такъ напр. изъ вопросовъ Кирика (Пам. Рос. Сл. XII в. 180, 182) видно, что въ Россіи въ XII в. вмѣсто церкви говорилось еще божница: тогда какъ въ послѣдствіи это слово употреблялось собственно для храма языческаго, или по крайней мѣрѣ для храма неправославнаго, въ противоположность церкви. У Ул. нашей церкви соответствуютъ языческія: 1) alhs, Мат. 27, 5 въ црѣви, in alh, ἐν τῷ ναῷ. 2) gud-hus, Io. 18, 20 въ црѣви, in gud-husa, ἐν τῷ ἱερῷ. Ко второму, Христіанскому періоду принадлежатъ у Ул. aikklesjo и переводъ этого слова: ga-mainps, т. е. gemeente, соборъ. Однообразное же употребленіе церкви въ О. Е. указываетъ на чистоту и определенность Христіанскаго понятія. — Даже храмъ въ О. Е. не имѣетъ языческаго смысла, означая домъ, и потому употребляется болѣе въ формѣ: храмина: и у Ул. имъ соответствуютъ слова не мифологическаго значенія, а именно: 1) gazp, вообще домъ, Мат. 5, 15, въ храминѣ, in ramma gazpa, ἐν τῇ οἰκίᾳ 2) hrot, собственно кровля, Лук. 5, 19 възлѣзъше на храмъ, ana hrot, ἐπὶ τὸ δῶμα; такъ что въ другомъ мѣстѣ О. Е. вмѣсто храмъ стоитъ кровль, именно Мат. 10, 27 повѣдите на кровль, ἐπὶ τῶν δωματίων, у Ул. также ana hrotam. 3) gards, т. е. градъ, огражденное мѣсто, какъ напр. въ Ипат. сп. 162: бѣ бо градъ створенъ на церкви. Мр. 2, 26 въ храмъ бжии, in gard gups, εἰς τὸν οἶκον τοῦ

Фѣѡ. Слѣдовательно храмъ въ О. Е. значить: кровля, покрывша, закрытое, огражденное мѣсто, и можетъ быть сродно съ хранить, какъ кровля съ крыть. — И такъ право выражать Христіанское понятіе храма принадлежитъ исключительно церкви, слову, хотя происхожденія чуждаго, но глубоко вкоренившемуся уже въ употребленіе во время перевода Св. Писанія. Касательно происхожденія церкви два мнѣнія: одно, сближая это слово съ др. нѣм. *kiricha*, производитъ отъ *κρηνη*; другое, сближая съ агс. *cyrice*, откуда агл. *church* (слич. новгород. черкы), производитъ отъ лат. *circus*, коимъ означалась круглая, или поукруглая форма крестильницы и хора. Если даже примемъ первое общепризнанное мнѣніе, то и тогда должны будемъ допустить по-славянски латинскій выговоръ греческой *κ*, какъ *ц*; если же второе, то по-нѣмецки греческій выговоръ латинскаго *circus*, какъ это слово значится напр. у Гесихія: *κίρκος*, смотр. Meurs. Gloss. græcobarb. Таковой выговоръ по-латинѣ остался еще въ двухъ слѣдующихъ словахъ:

4. какъ нѣмецкому *kiricha* соотвѣтствуетъ цѣркви, такъ и готескому *kaisar*—попадающіяся въ О. Е. цесарь, цесарствіи *βασιλεύς* и проч. Славяне прочли по-латинѣ *caesar*, Готѣы по-гречески *καισαρ*. Что касается до слова цесарь, то оно имѣетъ болѣе ограниченное значеніе.

5. точно также по-гречески прочли Готѣы и латинское *acetum*, составивъ изъ него *akeit*, Славяне

же по-латинѣ: оцеть, или оцѣть, конмъ въ О. Е. переводится *ὄξος*. Что слово оцѣть, *acetum*, было употребительно въ устахъ славянскихъ переводчиковъ, видно изъ слѣдующаго мѣста, Мр. 15, 23 оцѣтно вино (которое давали Христу при распятіи), *ἔσμυρμις-μένον οἶνον*, т. е. вино настоенное травами, вино съ смирною, какъ и перевелъ Ул.: *vein tīr smugna*: это вино, которое, обыкновенно давали Римляне умирающимъ въ пытку для утоленія предсмертныхъ страданій, вѣроятно, было кислого вкуса, потому и названо оцѣтно: слѣдовательно наши переводчики перевели сознательно, словомъ, тогда употреблявшимся. Въ испр. же текстъ непонятный грецизмъ: *εσμυρμισμένο* вино.

б. рачица, *ῥαχίς*, отъ лат. *agca*, въ чемъ свидетельствуетъ ульфилово *agca habaida*, въ О. Е. рачица имы. Ио, 12, 6. Что это слово ходило въ устахъ Славянъ видно изъ его уменьшительной формы, хотя въ чешск. отрывкѣ X в. и замѣняется оно своеземнымъ: *meski imaiā*, т. е. мѣшки имая, а въ испр. текстѣ вмѣсто рачица ковчежець. Ул. же ковчегъ *κιβωτός* дѣйствительно переводитъ *agca*, Лук. 17, 27; въ О. Е. ковчегъ, Мат. 24, 38; слѣдовательно, рачица, рака и гот. *agca*, лат. *agca* одно и то же. Въ алфавитѣ XVII в. *арха* объясняется словомъ *киотъ*, и названо чешскимъ словомъ. Рум. Муз. 2. обыкновенная форма, рака, въ О. Е., хотя переводитъ *μνημεῖον*, но имѣетъ смыслъ Христіанскій, означая гробъ праведника: раки правдыны ихъ, *μνημεῖον τῶν δικαίων*, Мат. 23, 29.

7. въ О. Е. попадаетъ уже папѣжъ : окончаніе -жь предполагаетъ звукъ *s*, что дѣйствительно мы и находимъ въ др. нѣм. XI в. *bâbes*, въ Boeth. de consol. Philos. *johannem den bâbes* ; и въ XII в. *pâbis*, въ одной ренованной хроникѣ: эта форма произошла, вѣроятно, отъ византійскаго *πάππας*, *πάππας*. Объ этомъ словѣ есть свидѣтельство первой половины IX в., именно въ Walafrid. Strab. de reb. ecclesiast. 7,667, если только изданіе вѣрно, въ чемъ однако сомнѣваются: *ab ipsis autem Graecis (theotisci acceperunt) kyrch a kyrios et Papst a Papa, quod cujusdam paternitatis nomen est, et clericorum congruit dignitati*. Съ этимъ свидѣтельствомъ согласно наше попѣ. Здѣсь противъ Копитара можно замѣтить, что наше слово понадья, согласное съ образованіемъ греческаго языка, находится въ византійскомъ, подъ формою *παπαδιά*, *sacerdotissa*, въ Meurs. Gloss. Graecobarb. : *ἄγον, ἱερείαν, παπαδίαν*.

Наконецъ самыя названія греческаго и латинскаго языка въ переводѣ Св. Писанія указываютъ ясно на то, откуда и какъ могли онѣ перейти къ Славянамъ: въ О. Е. Io. 19, 20, греческій текстъ : *καὶ ἦν γεγραμμένον ἑβραϊστὶ, ἑλληνιστὶ, ῥωμαῖστὶ*, переведенъ такъ „и бѣ написано еврейскы грѣчскы. латиньскы.“ Отсюда видимъ, что Славянамъ, точно такъ какъ и Готамъ, Елицы извѣстны были подъ латинскимъ названіемъ *graecus*, грѣкъ, готеск. *kreks*. Равномѣрно и „латиньскы“ указываетъ на вліяніе Римлянъ: такъ что оба эти нарѣчія соотвѣтствуютъ латинскимъ: *graecae*,

latine: согласно съ нѣм. текстомъ IX в. Tatiani Harmonia Evangel.: inti uuas giscriban in ebraisgon, in crichisgon, inti in latinisgon: чего слѣдовало и ожидать, ибо отношенія Славянъ и Нѣмцевъ къ Риму и Византіи не могли во многомъ разниться до IX в. Другое мѣсто, именно Лук. 23, 38, въ О. Е. ближе къ греч. тексту: „книгами елиньскими и римскими.“ Здѣсь надобно замѣтить двѣ вещи: во первыхъ „римскіи“ не есть буквальный переводъ гр-го ρωμαϊκός, но самостоятельно произведено отъ Римъ, равно употребляющагося вмѣсто Roma и у западныхъ Славянъ, и у восточныхъ: измѣненіе о въ і указываетъ намъ на произношеніе того славянскаго племени, которое прежде другихъ познакомилось съ Римомъ. — Въ вторыхъ касательно слова „елиньскіи“ слѣдуетъ замѣтить, что собственно оно значить: языческой, и „елини“ ἑλληνες въ О. Е. язычники, что видно напр. Іо. 12, 20, гдѣ этому слову въ чешск. отр. X в. соответствуетъ ropane, равно какъ и въ чешск. Ев. XIV в. ropanowe, а у Ульфилы riudo, т. е. язычники. Слѣдовательно „елины“ не было географическимъ названіемъ въ устахъ нашихъ переводчиковъ. Такимъ образомъ въ самомъ переводѣ Св. Писанія находимъ мы источникъ тому древне-русскому убѣжденію, что все еллинское есть языческое: такъ въ правилѣ Митрополита Кирилла (XIII в.) мы читаемъ: „пакы же увѣдѣхомъ бесовская еще държаще обычая треклятыхъ елинь, въ божественныя праздники позоры нѣкакы бесовскыя творити,“ Рус. Дост. 1, 114.

Примѣч. Точно также Самаряне О-а Е-я замѣняются въ чешск. Евангеліи XIV в. погаными: напр. въ О. Е.: „гдѣ яму жена Самаряныни како ты иудеи сы. отъ мене пити просиши жены самарянына смѣца не прикасажьтѣбоса иудеи самарѣнехъ,“ Іо. 4, 9; въ чеш. Ев. XIV в.: *tehdy wece jemu žena ona pohanka: kak ty když jsi Zid, piiti ote mne potřebuješ, ježž jsem ja žena pohanka? nebo neobciji Židové s pohany.*

4. СЛОВА, СОСТАВЛЯЮЩІЯ ПЕРЕХОДЪ ОТЪ ДРЕВНѢЙШАГО ПЕРІОДА КЪ ХРИСТІАНСКОМУ.

Кромѣ словъ заимствованныхъ, прямо получившихъ у Славянъ значеніе Христіанское, надобно обратить вниманіе на слова туземныя, столь утратившія свое прежнее нехристіанское употребленіе, что уже ихъ можно считать какъ бы принадлежащими вполне къ періоду Христіанскому. Исторія такихъ словъ будетъ заключаться въ изслѣдованіи ихъ древнѣйшаго значенія, до внесенія ихъ въ языкъ Св. Писанія.

1. слова, означающія молитву и поклоненіе. Въ Фрейз. рукописи еще встрѣчаемъ странное сочетаніе обрядовъ нехристіанскихъ съ идеями христіанскими. А именно: о питъ въ честь богамъ мы читаемъ у Гельмольда: *est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviis et comotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationis, sed execrationis verba sub nomine deorum boni scilicet et mali.* По языческимъ нѣм. обычаямъ на празд-

нествахъ пили въ честь и память боговъ, что называлось *minni*; по принятіи Христіанства *minni* была перенесена къ Христіанскимъ понятіямъ, и пили *Krists minni, Michaëls minni*. Согласно съ этими языческими обычаями, въ Фрейз. ркпсх, въ смыслъ христіанскомъ, говорится: *u circuvah ich clanam ze i modlim ze im i zesti ich pigem i obeti nasse im nezem o zcerpasgenige telez nasich i dus nasich* — въ църкѣвахъ ихъ кланяемьса и молимьса имъ и чести ихъ приемъ и обѣти наша имъ несемъ о съпасенне тѣлесъ нашихъ и душъ нашихъ. Къ объясненію этого мѣста нужно прибавить, что у языческихъ Славянъ, какъ свидѣтельствуеъ Краледв. ркпсь, *obiesati obiet, paliti obiet*—были обычными выраженіями для языческаго поклоненія, слѣдовательно „*obeti nasse im nezem*“ имѣетъ смыслъ также не собственно христіанскій.—Уже въ О. Е. употребляющіяся: молитиса *πρὸς εὐχεσθαι*, молитва *δέησις*, въ доисторическую эпоху были распространены не только между славянскими, но и нѣмецкими племенами. Какъ у западной отрасли Славянъ это слово, со вставкою *d* передъ *l*, звучитъ: *модлитисе, молитба*, такъ и въ готѣск. переводѣ Библии Ульфилы *marljan* говорить, равно какъ и агс. *mādlan* или *mādelian*: какъ у насъ молить является вариациею формы *модлить*, такъ готѣское *marljan* переходитъ въ салическихъ законахъ, писанныхъ на варварской латинѣ съ примѣсю словъ племени нѣмецкаго, въ форму: *mallage*—говорить въ собраніи, на площади. Впрочемъ древнѣйшая форма, судя по памяткамъ письменности, даже у юговосточн. Сла-

вянь: молитиса, о чѣмъ свидѣтельствуеть Фрейз. ркпсь: modlimze. У Нѣмцевъ это слово осталось съ понятіемъ юридическимъ, потому гот. *marl* значить собраніе, *forum*, и *faugamapleis* ἀρχων; у Славянъ же оно осталось съ понятіемъ религіознымъ, отзывающимся преданіями міеологическими, что особенно видно изъ чешскаго *модла*, кажется, неправильно относямаго Юнгманомъ къ лат. *modella* *): въ этомъ чеш. словѣ даже соединяются оба значенія — и теперешнее славянское, и древнѣмецкое, и оба онѣ возводятся къ значенію міеологическому: ибо *модла* значить: не только идоль, но и храмъ, божница, и даже, подобно гот-му *marl*, сборище: такъ въ одномъ др. чешск. Еван. Мат. 23, 6 in synagogis переводится: v modlách, въ О. Е. на сборищахъ; въ томъ же чешск. Ев. ἀρχιτυναγῶχος переводится: starosta tey modly, а у Ул. *fauga-marpleis*, т. е. председатель собранія: слѣдовательно *модла* = *marl*. Отсюда заключаемъ, что *молитья*, означая общее понятіе говорить, ведетъ свое начало отъ періода міеологическаго, стоитъ въ связи съ славянскими идолами, и съ древнѣмецкимъ понятіемъ о судѣ и сборищѣ, съ понятіемъ, сохранившимся частію и у Славянъ. Если мы захотимъ это слово возвести къ періоду языка скр., то можемъ взять въ соображеніе мнѣніе Боппа (въ скр. Глос.), который наше

*) Мнѣнія Юнгмана держится Срезневскій, см. Святѣлища и обряды языч. богосл. древн. Слав. стр. 56. Мы развиваемъ намекъ Шафарика, въ Slow. Starož. стр. 262.

молить слышать съ скр. мантр говорить, собственно говорить тайнѣ, отъ сущ. мантра (ман мно, суф. тра) — совѣтъ, гимнъ, священная пѣснь. — Языковѣденіе приводитъ насъ къ догадкѣ даже о первоначальной формѣ молитвы: въ О. Е. Іо. 4, 20—24 кланяться и поклоняться соответствуютъ въ чешск. текстѣ XIV в. слову *modlitisě*, *prosluivti*. Согласно съ этимъ Крам. рук. для языческой молитвы употребляеть не только: *ze bití w sělo*, но и: *se klanieti*; Гельмольдъ скрѣпляетъ намъ свидѣтельство языка, говоря о языческой молитвѣ: *propis vultibus adorare*. Даже у Нестора встрѣчаемъ еще кланяться вмѣсто молиться: „и единою, по обычаю, наставшио вечеру, поча кланяться, поя псалмы, оли и до полунощья“, Лавр. стр. 82.

2. Богъ, Спаситель и другія лица Христіанскаго поклоненія. Богъ имѣеть ближайшую форму въ скр. бага часть, счастье, блаженство, отъ глагола: бадж дѣлать; отъ скр. бага происходитъ багават блаженный, точно такъ, какъ отъ богъ—богаты, у-богъ, лит. *pa bagas* бѣдный, луж. *pa bogi* умершій, почившій. Какъ счастье, участь происходятъ отъ часть, такъ и бага отъ бадж; а богаты къ богу стонтъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ лат. *dives* къ *divus, deus* *). Понятіе о богатствѣ и обиліи, заключающееся въ словѣ богъ, Нѣмцы возстановляли себѣ эпическою

*) Слич. С. П. Шевырева Истор. русск. слов. выпускъ 1. стр. 98.

формою : riki god , riche got. Самое замѣчательное употребленіе слова богъ въ языческомъ смыслѣ находимъ въ сербск. пѣсняхъ, гдѣ онъ называется *старымъ кровникомъ*: од бога од старог крвника , Вук. 2,440. Можетъ быть въ этомъ языческомъ представленіи заключается причина названіямъ многихъ болѣзней отъ *богъ*: богине оспа, божій бичъ, божа мощь падающая болѣзнь, божа рука ударъ, божа рана чума, божіе обморокъ.—Въ О. Е. уже отличается господь *χρῖος* отъ господинъ *οἰκοδεσπότης*; въ Фрейз. ркпси : *nas gozbod zueti cruz нашъ господь свѣтлыи кристусъ*. Суффиксъ инъ въ: *господинъ*, даетъ слову смыслъ нѣкоторой зависимости или отношенія: какъ напр. *людинъ* одинъ изъ людей : въ нѣм. и роман. нарѣчійхъ наоборотъ: только полная форма: *hēriro, hērrō, dominus, dominus*—означаетъ Господа Бога, а сокращенная *her, don*—никогда. — Спасъ для означенія Христа употребляется уже въ О. Е. : „яко есть вѣстинна съпасъ миру Христосъ, *ὅτι οὗτός ἐστιν ἀληθῶς ὁ σωτῆρ τοῦ κόσμου, ὁ Χριστός*, Ио. 4,42. Даже въ Фрейз. ркпси уже *zrasitel*: необходимость окончанія -тель произошла отъ употребленія *съпасъ* въ значеніи *σωτηρία*. По свидѣтельству Краледв. ркпси древніе Славяне своихъ боговъ называли уже спасами : „*i tamo bohóm spasám dát mnostwie obětí*“ (Zab. a Slaw.) — Древнѣйшія названія для Ангела, Апостоловъ и Святыхъ находимъ въ Фрейз. ркпси, которая въ исторіи славянскаго языка особенно важна , предлагая переходъ отъ христіанскихъ понятій , еще неустановившихся въ языкъ, къ определенному и твердому пе-

реданію Слова Божія въ языкъ перевода Св. Писанія. Эти названія суть: *uuizem crilatcem bosiem* — всьсмъ крилатьцемъ божиемъ, т. е. ангеламъ; *uzem zelom boziem* — всьсмъ съломъ божиемъ, т. е. апостоламъ; *useh bosih zil* — всьсхъ божихъ сълъ, т. е. апостоловъ; *uzeh Б токи* — всьсхъ божихъ мощи, т. е. силъ, или угодниковъ божихъ, властей. Итакъ въ этой ркпси находимъ древнѣйшее употребленіе мощей (*reliquiae*), слова, внесеннаго уже и въ календарь О-а Е-я: възвращенія мощи: 263, в; обрѣтеніе мощемъ, 280, г. Согласно съ Фрейз. ркпсыю др. нѣм. памятники апостола и ангела переводятъ: *gotes boton* апостолы, *metpolin* ангелы, *furst-poten* архангелы *).

3. понятія о святости, Христіанскомъ законѣ и Св. Тайнахъ. Понятіе о святости относится къ древнѣйшимъ, доисторическимъ временамъ, равно какъ и происхожденіе самаго слова. Мы находимъ его уже въ знд., подъ формою: спѣнта превосходный: знд. *п* соответствуетъ скр-му и слав-му *в*: напр. знд. *спа-ѣта*, скр. *свѣта бѣлый*, наше *свѣтъ*. Следственно знд. *спѣнта*, по замѣчанію Бюрнуфа **), въ Санскритѣ было бы: *сванта*; но такого слова въ немъ не находимъ: оно является въ нашемъ: *святый*, по древнѣй-

*) R. Raumer, die einwirkung d. Christenth. auf d. althochd. spr. 1845, стр. 293, 365, 366, 379.

**) Commentaire sur le Yaçna, 1835.

шему въ О. Е. начертанію : сватыи , *ἅγιος* , откуда : свѣщаѣса *ἀγιάζω*. Въ др. чеш. исповѣди XIII в. Таинства называются : *swatosty* : *wsedmerzye swatosty czyerkwe swate—in septem sacramentis ecclesiae sanctae*; то же понятіе святости вошло въ названіе Христіанскаго таинства и въ др. нѣм. языкѣ ; такъ въ X вѣкѣ находимъ : *diu heilichtuom mines lichamin unde bluotes*, Notker, ps. 21, 26. — Законъ въ О. Е. употребляется въ смыслѣ *νόμος* : таково древнѣйшее и собственное значеніе этого слова , сколько можемъ судить по памятникамъ письменности : Чехи рѣшали правду „по закону иесозизнихъ бгou“ — по закону вѣкожизныхъ боговъ , какъ свидѣтельствуесть Судъ Любуши. Несторъ говоритъ о Славянахъ : „имяю бо обычанъ свои , и законъ отецъ своихъ и преданья , каждо свой нравъ,“ Лавр. 6. Въ этомъ смыслѣ извѣстенъ былъ законъ Константину Багрянородному , подъ формою *ζάκωνον*, de adm. imp. глав. 8 и 38. Для исторіи языка любопытно производное : законникъ , которое въ древнѣйшихъ памятникахъ употребляется въ двухъ противоположныхъ значеніяхъ : 1) въ значеніи формальнаго исполнителя закона Іудейскаго въ противоположность послѣдователямъ живоначальнаго ученія Христа; такъ употребляется законникъ въ О. Е. „въ время оно законникъ нѣкыи приде къ иїсови“ τῷ καιρῷ ἐκεῖνω νομικός τις προσήλθεν τῷ ἰησοῦ; у Ул. *vitoda-fasteis*, Лук. 10, 25 , отъ *fastan* держать крѣпко , и *vitof* собственно *testamentum* , отъ *vitan* знать и *veitan* видѣть , какъ у насъ сѣвѣдѣтельство и свидѣтельство.

2) въ значеніи христіянина, исполняющаго всѣ предписанія Евангелія и Церкви: въ Фрейз. ркпси: useh B zasonnic wьsьxъ божиньхъ законьникъ : въ основаніи такого значенія лежитъ законъ въ смыслѣ Христіянства, и особенно въ смыслѣ Св. Таинъ Причастія, сохранившемся и досель въ серб.: ајдемо на закон. данас сам узео закон. Др. нѣм. исповѣди IX и X в. также употребляютъ wizzod lex въ значеніи sacramentum: then heilagon wizzod ni erita—santum sacramentum non honoravi. Въ томъ же значеніи употреблялось и право, что видно изъ ниж. луж. horschajasch, horschajany, horschajane, въ значеніи причащенія больныхъ.

4. праздника и время для подвиговъ благочестія христіянскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что время праздное и недѣля, не выражая понятія собственно христіянскаго, ведутъ свое происхожденіе отъ временъ дохристіянскихъ. Въ О. Е. *ἑορτή* переводится не только словомъ : праздникъ, но и описательно: „на всакъ же днь великъ“ *κατὰ δὲ ἑορτήν*, Мат. 27, 15; впрочемъ и въ текстѣ читаемъ : *ἦν γὰρ μεγάλη ἡ ἡμέρα ἐκεῖνου τοῦ σαββάτου*, бѣ бо великъ днь томъ сѣботы, Іо. 19. 31. Однако свободное употребленіе этого описанія въ слав. переводѣ заставляеть предполагать, что оно принадлежитъ намъ : такъ въ др. чеш. Еван. XIV в. : *před šestí dnów veliké noci* — вмѣсто Остромирова: „прѣжде шесті днии пасхы“ Іо. 12, 1. Праздникъ по-серб. год, откуда верх. луж. *hody*, ниж. луж. *gódy* праздникъ Рождества Хри-

стова; Сербы же называютъ его бѣжить, т. е. божичь.—Слово постъ обыкновенно производятъ отъ гот. *fastan* *𐌿𐌱𐌰𐌹𐌳𐌰𐌹𐌶*, въ О. Е. поститиса: но мы не имѣемъ къ тому никакихъ лингвистическихъ данныхъ: можемъ заключить только, что это слово и между Славянами, и между Нѣмцами получило самостоятельную вокализацию, и осталось отдельнымъ, не будучи окружено родственными словами: гот. *fastan*, агс. смущаетъ *a* въ *ae*: *faesiĕn*; Остромирово постъ, др. чеш. удлиняетъ *o* до *uo*: *puost*, откуда нов. чеш. *puřt*; ниж. луж. являетъ замѣчательную перестановку согласныхъ: *srot*; лит. языкъ по собственной своей организаціи измѣняетъ славянское *o* въ *a*: *rasnikāju*—пощусь. Такъ какъ почти всѣ важнѣйшія понятія благочестія и ученія христіанскаго образовались въ слав. языкъ, независимо отъ Готтовъ: то нѣтъ причины дѣлать исключеніе для слова, означающаго столь существенный обрядъ, вмѣняемый въ необходимую обязанность христіанину.

5. адъ. Сами Нѣмцы *) снисходительнѣе Копитара къ нашему пеклу, столь распространившемуся между всеми славянскими нарѣчіями и даже въ Литвѣ и въ древ. прус. языкѣ: въ священномъ языкѣ славянскомъ употребляется не только пекло, но и пѣцль **), серб. *пакао*, чеш. *peklo*, слов. *rekel*, пол.

*) Grimm, D. M. 765.

**) Miklosich, Radic. linguae slov. 119.

piekło, лит. réklà, др. прус. picullis. Гриммъ объясняетъ вліяніемъ славянскаго языка не только мадьяр. rokol адъ, но и новогреч. πίσσα адъ. Пекло означаетъ первоначально смолу, потому у люнеб. Вендовъ адъ называется sinela; а потомъ пекло адъ въ смыслѣ христіанскомъ, исполненный смраду и горячей смолы: слѣдовательно это слово должно причислить къ древнѣйшимъ христіанскимъ; и у Литовцевъ, собственно по христіанскимъ понятіямъ, чортъ ruculas, др. прус. piculls; другое же лит. названіе чорта wélnas—перенесено отъ языческаго божества къ христіанскому понятію. Хотя въ древ. нѣм. памятникахъ bēh (pix) и употребляется въ смыслѣ ада: in dem besche, diu rechwelle; однако это названіе не болѣе, какъ случайное и не столь распространенное, какъ пекло. Собственно же нѣм. слово для ада идетъ еще отъ самаго Улф.: halja, производимое отъ helau скрывать.

5. НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАННОСТИ, ОПРЕДѢЛЯЕМОЕ ВЪ ЯЗЫКѢ ГОТЕСКАГО ПЕРЕВОДА, БИБЛІИ.

Исповѣданіемъ христіанской вѣры предполагается знаніе грамоты; и если между Славянами задолго до Кирилла и Меѳодія распространилось уже Христіанство, то безъ сомнѣнія извѣстна была и грамотность: „кръстившежеса, римскими и гръчьскими писмены наждаахъса“, говоритъ Черноризецъ Храбръ о Славянахъ до изобрѣтенія славянской азбуки. Древнѣйшее названіе для знающаго грамоту было: бу-

карь, употребляемое тѣмъ же черноризцемъ: „аще ли въпросиши словенскыя букары, гл҃а: кто вы писмена створишь есть, или книги прѣложилъ? то вси вѣдѣть.“ Слово букарь употреблено уже у Ул. въ формѣ: bokareis, для перевода гр-го ὑρχιματαύς, коему въ О. Е. соответствуетъ кнѣжьникъ, отъ слова: кнѣи-гы, употребляемаго въ О. Е. только во множе-ственномъ числѣ, и означающаго не только βιβλος, βιβλίον, но и ὑρχῆ, ὑρχιματα: точно такъ и гот. boka имѣеть смыслъ и того и другаго, и только во множ. числѣ — bokos — означаетъ книгу.

Другое слово, совершенно сходное по образованію съ букарь, bokareis, но имѣющее значеніе грамотника судебного, подъячаго, мздоннца, также одинаково и у Славянъ, и у Готевъ. Именно: мытарь, τελώνης, у Ул. motareis; мытъница, τελώνιον, у Ул. mota, которому по формѣ соответствуетъ наше мыто, въ памятникахъ юридическихъ, но оно отсутствуетъ въ О. Е. Мытарь неоднократно въ О. Е. замѣняется словомъ мздонмць, которому у Ул. всегда отвѣтствуетъ только motareis, напр. Лук. 5, 27 „и оузърь мздонмца именовъ леуиѣ съдаща на мытъници,“ у Ул. gasaw motari namin laivvi sitandan ana motastada. Отсюда ясно видимъ, что мѣсто или домъ, гдѣ собиралась пошлина, неизмѣнно назывались именовъ, происходящимъ отъ мыто, самъ же собиратель пош-линъ, кромѣ оффиціального названія: мытарь, имѣлъ и другое, мздонмць, отъ слова мзда, которое въ О. Е., равно какъ и у Ул. mizdo, стоитъ тамъ, гдѣ въ

гр. текстъ *μισθός*, въ смыслѣ *merces*, напр. *Ματ. 20, 8* „призови двѣлатель. и даи имъ мѣзда,“ *καλέσου τοὺς ἐργάτας, καὶ ἀπόδος αὐτοῖς τὸν μισθὸν*, — и въ смыслѣ *praemium*: *Ματ. 5, 46* „аще бо любите любящамъ вы. какъ мѣзда имаате,“ *τίνα μισθὸν ἔχετε, ὡ μισθὸν ἔχετε*, у *Ул. wo mizdono habaif*. Готское *mizdo* вовсе не имѣеть отъ себя производныхъ; следовательно менѣе вкorenилось въ языкъ; въ *О. Е.* кромѣ *мздоимца*, коимъ переведено *τελώνης*, встрѣчается *бѣзмѣдникама*, что по-греч. отъ инаго корня: *τῶν ἀναργύρων*. Собиратели пошлинъ не только въ *Иудей*, но и въ другихъ областяхъ, находившихся подъ влiяніемъ Римской имперіи, были въ пренебреженіи, и имя ихъ перешло въ бранное, какъ теперь у насъ ябедникъ. Потому не удивительно, что *Ματ. 5, 46* *τελώναι*, въ *О. Е.* мытари, *Ул.* переводить презрительнымъ наименованіемъ: *piudo*—язычники. — Мытарь первоначально не было названіемъ унижительнымъ, что видно изъ *Рус. Пр.*: „вывести послухы любо мытника,“ — или: „выведеть свобода мужа два или мытника.“

Наконецъ столь извѣстное въ средніе вѣка славянское титуло жупанъ, записанное Византійцами—*Константиномъ Багрянороднымъ*, *Анною Комниною* и друг. (смѣтр. у *Дюканжа*),—отъ юга къ сѣверу достигшее до *Литвы* и древ. *Прусовъ*, въ формахъ *župroně, žurūni*, для означенія женщины, госпожи,—было извѣстно и *Готамъ* *) въ смыслѣ человека

*) Предисловіе *Гримма* къ *Вуковой* сръб. грам., 1824, стр. II.

знающаго, избраннаго, лучшаго: греч. μαθητής, ученикъ, Ул. переводить именно этимъ словомъ: *šipōneis*, которое совершенно необъяснимо въ нѣм. нарѣчїяхъ, мимо славянскаго жупана.

6. ИСТОРИЯ ПОНЯТІЙ СЕМЕЙНЫХЪ ВЪ ЯЗЫКѢ.

Въ отношеніи семейной жизни слѣдуетъ рѣшить вопросъ особенной важности о томъ, какое вліяніе произвелъ переводъ Св. Писанія на понятія о жизни семейной. Были ли онѣ и до того времени достаточно уже чисты, или же переводчикамъ предстоялъ трудъ, весьма тяжелый, облагородить ихъ, примѣняя къ языку Евангелія, для того, чтобы не нарушить святости Слова Божія нечистыми намеками на древнеславянскіе обряды?

Языкъ нашъ свидѣтельствуетъ, что Славяне преимущественно передъ всѣми индоевропейскими народами въ большей чистотѣ сохранили древнѣйшія названія семейныхъ отношеній и членовъ семейства: такъ что славянскія слова, означающія эти понятія, по прямой линіи ведутъ свою исторію отъ Санскрита, и стоятъ въ самомъ близкомъ къ нему отношеніи. Первобытная жизнь, въ языкѣ выражаемая, столь далека отъ порчи нравовъ, возникающей вмѣстѣ съ развитіемъ общества, что семейныя понятія мало подверглись въ славянскомъ языкѣ перевороту отъ внесенія въ него идей христіанскихъ. Конечно, язычество вошло во многіе обряды семейные: но

Христiянство, какъ скоро проникло къ Славянамъ, еще во времена донсторическiя уже изгнало изъ языка перевода Св. Писанiя все, что въ понятiяхъ семейныхъ оскорбляло Христiянскiя идеи. Нѣмецкiе переводчики Св. Писанiя поступали иначе: Христiянскiя понятiя о семействѣ часто передавали они такими словами, которыя во всей яркости живописали языческой обрядъ. А такъ какъ эти обряды были общими и у Нѣмцевъ, и у Славянъ, то для исторiи славянскаго языка, въ отношенiи къ понятiямъ семейнымъ, нѣмецкiе переводы Св. Писанiя предлагаютъ немаловажный источникъ.

Обратимся къ самымъ фактамъ.

1. женихъ, *uicfros*, стоитъ въ родствѣ съ женою, отъ скр. джан роджать, откуда джана мужъ, джану жена. Нашему жениху собственно соответствуетъ скр. джанака родитель. Что понятiя мужа и родителя могли совпадать, свидѣтельствуетъ гот. *aba*, перешедшее въ скн. *afi*, собственно *avus*, а прежде и отецъ, сродно съ скн. *afi gobur*, *afia posse*, *gignere*, др. с. *abal—vis*. Какъ скр-му джану и нашему женою соответствуетъ гот. *quens*, такъ и скр-му джанака родитель, или рождающiй, — др. нѣм. *cuning*, наше князь: а князь имѣетъ значенiе у насъ не только господина вообще, но даже и новобрачнаго, или жениха: такъ подъ 1548 г. въ Акт. Арх. 1, 210 значитъ: „а промежъ себя въ нашихъ волосткахъ понимаются, и приказщику взяти на князь и на

княгини алтынъ ; а приведуть кто изъ за волости въ наши волости , или въ слободку , и приказщику взяти со князя и со княгини четыре денги московская.“ Въ народномъ языкѣ на Руси и досель женихъ и невѣста называются княземъ и княгиною. Понятіе , переданное переводомъ Ульфины , носить на себѣ слѣды грубаго обычая : женихъ по-гот. *brūpfars*, т. е. господинъ (*fars*) невѣсты.

2. это понятіе готскаго слова оправдывается и другими, стоящими съ нимъ въ связи : Лук. 1, 27 къ двѣмъ браченъ мъжеви, у Ул. *du maḡarai in fragibtim abin*, πρὸς πᾶρθενον μεμνηστειμένην ἀνδρὶ. Что греческое *μνηστειομαι* не имѣетъ смысла христіанскаго обрученія, свидѣтельствуемъ самъ Гомеръ, употребляющій *μνηστειώ*, *μνηστὸς* и др. того же корня слова, въ коихъ нѣтъ и намека на порученіе или обрученіе: значить, это послѣднее слово, столь удачно выражающее мысль, принадлежитъ Славянамъ, и поелику оно не грецизмъ, можемъ думать, что оно уже употреблялось и до перевода Св. Писанія. Еще у Индійцевъ бракъ назывался *pāni-grāḡanam* (въ зак. Ману), отъ *pāni* рука и *grāḡ*—братъ, принимать: слѣдовательно наше обрученіе. Слич. обычай рукобитія при договорахъ. Готы и Нѣмцы удержали въ переводѣ Св. Писанія древній обрядъ: гот. *fragift*, *fragibt*, имѣющее при себѣ глаголь *fragiban* дарить, передавать,—соединено съ понятіемъ полной, рабской зависимости жены отъ мужа, и напоминаетъ продажу невѣсты, обычай, существовавшій и у Славянъ ,

но не вошедшій, вмѣстѣ съ словомъ, въ переводъ Св. Писанія. — Столь же нечистое понятіе встречаемъ и въ др. нѣм. переводъ Евангелія: такъ въ Tati-ani Harmonia Evang. IX в., вышеозначенное мѣсто Лук. 1, 27 передано такъ: thiornun gimahaltero gom-panne. Gimahaltero причастіе отъ mahaljan, gamaha-ljan spondere, desponsare, dotare, а это слово про-исходитъ отъ mahal forum, concio *): отсюда видно, что, по древнимъ обычаямъ, обрученіе было совер-шаемо общественно, міромъ: потому обрученные или новобрачные въ др. нѣм. законахъ называются ga-mahali, т. е. confabulati (слич. нашъ стговоръ). Нѣ-мецкія понятія о сборищѣ и совѣщаніи жениха и невесты совершенно объясняютъ слѣдующее мѣсто Нестора о языческихъ Славянахъ: „схожахуся на иг-рища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто *совѣщашеса*“ Лавр. сп. 6. Сходбища и совѣщанія язычниковъ-Сла-вянъ совершенно выражаются нѣмецкими mahal и gamahali, откуда въ послѣдствіи образовались vermäh-len, gemahI, gemahlin. Сей часъ увидимъ и славян-ское *умыканіе* невесты въ древнѣйшемъ нѣмецкомъ переводъ Евангелія.

3. бракъ, γάμος. Весьма вѣроятно сближеніе этого слова съ глаголомъ братъ, и въ умъ, и на языкъ Сла-вянъ: ибо сродство словъ приводится до нѣкотораго

*) Grimm, D. R. A. 433.

сознанія употребленіемъ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что только отвлеченное понятіе глагола брать ни коимъ образомъ не могло развить существеннаго смысла слова бракъ. Отъ глагола брать, скр. б̄ри поддерживать, питать, образуется скр. барья́ жена, собственно: *поддерживаемая, взятая*: слѣдовательно наше слово бракъ, происходя отъ б̄ри, стоитъ въ связи съ барья́ жена, какъ женитьба, по-лужицки просто жей,—съ жена. Кромѣ того бракъ могъ стоять въ связи и съ скр. бартри мужъ, собственно *поддерживающій, несущій*. Съ этимъ производствомъ согласуется римскій символъ *переносить умыкаемыхъ* невѣсть черезъ порогъ жилища жениха: то, что по-скр. и по-славянски выражено названіемъ, у Римлянъ сохранилось въ обычаяхъ, вѣроятно не чуждомъ славянскому умыканію. Обративъ вниманіе на нѣмецкій переводъ, мы опять увидимъ народный обычай, во всей яркости вошедшій въ Св. Писаніе: въ др. нѣм. Евангеліи VIII в. бракъ переводится bruthlauf, Мат. 22, 2., т. е. быстрое удаленіе, побѣгъ жениха съ невѣстою, т. е. славянское *умыканіе*. Несторъ говоритъ о Древлянахъ: „брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды (вар. вводы) дѣвица,“ Лавр. 6.—Несторъ очевидно противопоставляетъ христіанское слово бракъ языческому обряду. Позднѣйшій лѣтописецъ (XVIII в.) такъ объясняетъ это мѣсто: „брака у нихъ нѣтъ: воровски на коняхъ подъѣзжаютъ къ другимъ жилищамъ и гдѣ увидятъ у воды девиць или женъ молодыхъ: то оныхъ увозятъ къ себѣ и живутъ съ ними.“ Рум. Муз. 357. Водятъ невѣсть

къ водѣ—былъ старинный языческій обычай, не вышедшій еще изъ употребленія при Митрополитѣ Кириллѣ, который такъ говоритъ противъ него: „впредѣлахъ новгородскихъ невѣсты водятъ кводѣ и нынѣ не велимъ тому такъ быти или то проклинати повелѣваемъ.“ Рум. Муз. 321. Обрядъ умыканія могъ сопровождаться нѣкоторыми религіозными обычаями, ибо у воды молились точно также, какъ и подѣ деревьями: церковный законъ осуждаетъ того „кто молится у воды или подѣ рощеніемъ,“ Рум. Муз. 328. Остаткомъ этого поклоненія водѣ при умыканіи невѣсть должно почестъ эстонскій обычай, по которому молодая бросаетъ въ колодезь даръ или жертву, вѣроятно, благодарственную. Преданіе о водѣ при бракосочетаніи идетъ издавна: еще въ Индіи невѣсту кропили водою, и она должна была касаться воды и огня. Римляне *) уводили невѣсть не только съ факелами, но и съ освященной водою, въ знакъ того, что невѣста вступаетъ въ домъ мужа *casta puraque*. Въ южной Галліи „*virgo quum jubetur a patre aquam porrigere ei, quem virum eligeret*“,—Justin. XLIII, 3, 11. *Zuato-cudna uoda*, вмѣстѣ съ *plamen prauozuesten*, употребляющаяся символомъ очищенія въ Судѣ Любуши, происходитъ отъ *cud* чистота, *cúđiti* очищать, откуда *cudađ* судья. Следовательно употребленіе воды на бракъ, кромѣ религіознаго значенія, могло имѣть и юридическое.

*) Klausen, *Aeneas v. d. penat.* стр. 626.

4. понятие о побѣгъ, выраженное въ др. нѣм. *bruthlauff*, сохранилось въ О. Е. въ словѣ поть-бѣга: „женаса потьбѣгож“, въ исправленномъ текстѣ ближе къ гречес.: пущеницею, *λελυμένην*. Различное писанье этого слова въ разныхъ рукописяхъ указываетъ на древнѣйшее его употребленіе: въ *Glag. Cloz.* потьпѣга, въ русскихъ текстахъ подьбѣга: измѣненіе *б* въ *п* послѣ *т*, и измѣненіе *т* въ *д* передъ *б*—произошли отъ ассимиляціи звуковъ и нисколько не могутъ ввести въ сомнѣніе, что потьбѣга не первоначальная форма этого слова. Для объясненія его обратимся къ скр-му пунчалѣ, *meretrix*, которое подобно нашему потьбѣга, состоитъ изъ двухъ словъ: пунс мужъ, самецъ и чала идущій, двигающійся: и такъ первая часть слова потьбѣга — поть должно означать господина, мужа: и дѣйствительно скр. *patti dominus*, *zen. пантис*, *лит. rats* (самъ, мужъ, самецъ), *patti* (сама, жена), *гот. fars*, въ сложныхъ *bruf-fars* господинъ невесты, *zupagoga - fars* начальникъ синагоги. — Касательно же послѣдняго члена въ словѣ потьбѣга именно: бѣга, надобно замѣтить, что объясненіемъ ему служить, кромѣ намека въ др. н. *bruthlauff*, чешское *běhlá* и *běhna meretrix*: но такъ какъ языкъ мало по малу теряетъ доисторическіе слѣды родства своего съ языками древнѣйшими, и болѣе и болѣе образуется по собственному организму, то санскрито-славянское поть весьма естественно могло уступить мѣсто предлогу подь, чему способствовали даже сами звуки посредствомъ ассимиляціи: такимъ образомъ состави-

лось чешск. *podběhnauti violare*, прямо отъ чешск. *podbyeha*, приводимаго въ словарь *Bhmgr.* и *Rozk.* Если это слово претерпѣло столько измѣненій въ своемъ историческомъ развитіи; то нимало не удивительно, что филологи недоумѣвали при его объясненіи, точно также, какъ противорѣчили в рукописи въ его начертаніи. Вотъ что говоритъ Копитаръ: „*ita ut nescias, an sit a потепьса, quasi потепьса russice, i. e. pulsa, vagatrix; an подѣбьга quasi per-fuga a подѣбьгу; an denique a подѣпѣга quasi sub-variegata, quae nempe fortasse per legem quandam Slavis propriam in poenam male servati conjugii vestis partem inferiorem variam debebat gestare? Quid tandem quarta scriptio потѣбьга? quam bis habet Ostromiri cod.*“ *) Именно съ послѣдняго, какъ древнѣйшаго начертанія этого слова и слѣдовало бы начать.

Примѣч. Слова такого значенія могли принадлежать къ древнѣйшему періоду образованія языка. Приведемъ здѣсь одно древнечешское слово: *ženupa concubina*, откуда *ženimčic sprugius, ženimes concubiniarius*. Оно образовалось изъ жена и суф.-има, соответственное коему находимъ скр. указательное мѣстоимѣніе *има*: какъ тезка происходитъ отъ мѣстоимѣнія тез, такъ и лат. *imitor, imago* весьма остроумно производитъ Боппъ отъ скр. мѣстоимѣнія *има*, слѣдовательно эти лат. слова имѣютъ смыслъ: тоже дѣлаю, тоже являющее. Павскій **) справед-

*) *Glagol. Sloz.* предисловіе, стр. VIII.

**) *Филолог. наблюд.* 2, 140—141.

ливо замѣчаетъ, что слогъ *имъ* придаетъ слову значеніе сходства: отчимъ заступающій мѣсто отца, побратимъ подобный брату, немлодимъ не сближающійся съ людьми, сладимый близкій къ сладкому; но онъ отказывается объяснить этотъ слогъ, и даже склоняется къ тому мнѣнію, будто бы и въ словѣ отчимъ м образовалось изъ предыханія в, или х, т. е. отчимъ вмѣсто отчивъ или отчухъ. Но такое объясненіе не подкрѣпляется историческими фактами: въ Рус. Правдѣ встрѣчаются уже не только отцимъ, отчимъ, очимъ, но даже иночимъ, иноотчимъ, съ прилагательнымъ иночимль. Слѣдовательно въ др. чешск. *женима* нѣтъ препятствія видѣть остатокъ скр-го мѣстоименія: потому женима значитъ похожая на жену, замѣняющая жену.

5. невѣста, *vůzfa*, кромѣ собственнаго значенія имѣеть въ Евангеліи смыслъ снохи, невѣстки: „невѣсту на свекровь свою,“ Tatian. Harm. Evang. spur uuidar iŕa zuigar, Mat. 10, 35. а spur, лат. pugus, схоха—объясняется скр-мъ снушá, которое можетъ быть произведено отъ суну—сынъ: суну-шья, какъ бы прилагательная форма отъ род. падежа: слѣдовательно значитъ: сыновняя, т. е. жена *): въ древнемъ языкѣ, подобно невѣстѣ, сноха имѣеть болѣе общій смыслъ: „стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ,“ говорить Несторъ, Лавр. 6. Именно въ этомъ болѣе об-

*) Höfer, Beitr. z. Etymologie, 1839 стр. 393.

щемъ значеніи и заключается настоящій смыслъ невѣсты. Въ чешск. языкѣ невѣста значитъ не только sponsa, но и puerus, а невѣстка meretrix; точно также какъ наша золовка переходитъ въ др. нѣм. въ gella (слич. лат. glos) — concubina, мужеская форма коего gellof (levir) *). Въ чешск. невѣста соответствуетъ зютю: zeť a newesta, по Юнгману: schwiegerkinder: точно такое же соответствіе встрѣчаемъ и у Нестора: „не хожаше зять по невѣсту“, т. е. женихъ за невѣстой; Лавр. 6. Отсюда видно, что подъ невѣстою наши предки разумѣли не только обрученную, но и жену вообще: такъ и Памв. Берындъ объясняетъ слово жена — невѣстою; а Еву называетъ: „першая невѣста створеная.“ По-польски niewiasta zła — djablica, ięndza: еще любопытнѣе у Памв. Берынды же мы находимъ: „невѣстникъ, чрътогъ, ложница.“ — Вотъ какъ ученые объясняютъ невѣсту: Челаковскій производитъ отъ веду, невѣста какъ бы поп ducta (Slow. par. rjśně, II, 221): но измѣненія e въ ъ не допускаетъ организмъ слав. языка; другіе, а за ними и Миклошичъ **), производятъ отъ видѣти, и невѣста, по ихъ мнѣнію, какъ бы поп visa: такъ какъ невѣста имѣла общее значеніе жены, невѣсты, снохи: то это объясненіе противно самому смыслу слова невѣста. Всѣхъ счастливецъ былъ при объясненіи этого слова Катковъ, ***) потому что обратился къ

*) Pott, Etym. Forsch. 1, 131. Grimm, D. Gr. 2, 183.

**) Radic. lingu. Slow. 9.

***) Объ элем. и форм. слав. языка, 54.

языку скр-му: ибо этотъ языкъ остается источникомъ объясненію славянскихъ словъ, по преимуществу имѣющихъ смыслъ родства. Невѣсту Катковъ объясняетъ скр-мъ причастіемъ: нивѣситѣ (введенная, преданная, зарученная) отъ віс входитъ, отъ коего причинная форма: вѣс - аїітум вводитъ. Это объясненіе, не противорѣча законамъ языка, вполне соответствуетъ значенію невѣсты, въ обширномъ смыслѣ принимаемому. Такое производство подкрѣпляется еще болѣе тѣмъ, что въ Магабгаратъ глаголъ нивіс именно значить: *ихогет дусеге*. — Теперь слѣдуетъ разыскать: вопервыхъ остался ли въ славянскомъ языкѣ скр. предлогъ *ни*, перешедшій въ *не* въ словѣ невѣста, и вовторыхъ, нельзя ли помощію славянскаго языка его отдѣлать, чтобы обнажить коренное слово *вѣста* въ словѣ невѣста. Объ остаткѣ скр-го предлога *ни* свидѣтельствуетъ наше древнее слово *нетій*, серб. *нетяк*, *нетяка* племянникъ, -ца, уже у Ул. попадающееся въ формѣ *nirjis*, въ общемъ смыслѣ родственника, *συγγενής*, въ О. Е. *ажика*, *Іо. 18 26*. *Нетій* соответствуетъ скр-му апатъя *proles*, состоящему изъ *апа*—отъ, и мѣстонменія *тъя*, коимъ образуются не только скр. *нгатъя* здѣшній, но и гот. *frataria*, и наше *не-тій*: приставка же *не*, общая съ гот. *nī* въ *nirjis*, имѣетъ смыслъ: подъ, отъ, внизу въ скр. слитномъ предлогѣ *ни*, сродномъ съ нашимъ *ни-зъ*, др. н. *nidar*, *gi-na-de*, откуда *gnade*, собственно униженіе, смиреніе. Въ ски. осталось *nidr* въ значеніи предлога *hegab*, и въ значеніи сына. Къ этому же корню могутъ быть отнесены *ник-нутъ*, *ни-чъ*, *ни-щій*: это по-

слѣднее слово вѣроятно стоитъ въ связи съ скр. *нича* или *нѣча* *humilis, vilis, gravus*—состоящимъ изъ приставки *ни* и *ач* идти, почитать: даже до сихъ поръ въ нашемъ словѣ *нищій* сохраняются слѣды происхожденія отъ прилагательнаго, именно въ склоненіи: свидѣтельство очень важное, ибо состоитъ въ самомъ организмѣ языка. Слѣдовательно *нетій* точно также происходитъ отъ предлога съ мѣстоименіемъ, какъ и *потомокъ*. — Отсюда мы видимъ, что скр. *ни* въ формѣ *не* служило образованіемъ въ славянскомъ языкѣ не одному слову *невѣста*. Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на вторую часть этого слова. Въ славянскомъ языкѣ дѣйствительно осталось слово *вѣсть*, сокращенная форма отъ (не)вѣста, въ формѣ: *свѣсть*, еще въ *Glos. mat. verb.* объясняемой такъ: *suest, fratria vel fratrisa, fratris uxor vel uxoris soror; zwezt glos, gloris*. Слѣдовательно въ словѣ *свѣсть*, славянскимъ предлогамъ *съ* переводится древнѣйшій *не* или *ни*: сближеніе же значеній словъ *невѣста* и *свѣсть* само собою явствуетъ, если мы примемъ въ соображеніе болѣе общій смыслъ перваго слова, и значеніе предлога во второмъ. По-лит. *взрослая дѣвица* называется *westina mergà*.

6. общее понятіе для означенія родства въ О. Е. *ажика*, *συγγενής*, коему у Ул. соответствуетъ грецизмъ *zama-kunp*. Это слово имѣетъ при себѣ и другія однородныя, каковы: *аже* *ἀλυσίς*, *жа* *δεσμός*, при коемъ есть видоизмѣненная форма *мза*, откуда *взять*; *азькъ* *στυβός*. — Для опредѣленія этихъ словъ

надобно замѣтить, что во многихъ корняхъ скр. при-
дыхательныя дж , ч, ш въ славянскомъ языкѣ пе-
реходять въ соответственныя имъ: г , д , к , т , х :

скр.	слав.
суш	суш-ить отъ сухъ.
тушника	тихъ, откуда тиш-ина.
туш (радоваться)	у-тѣха, тѣшить.
вач	вѣт-ить, вѣч-ать вѣщ-ать.
чур (жечь)	курить.
чанд (свѣтить)	кадить, чадъ.
прач	прос-ить.
ичъ, иш, ишта	иск-ать.

По этому закону слав. жж , жз подходитъ къ скр-у юдж связывать, соединять; и предполагаетъ соответ-
ственную себѣ форму жг, которая и является въ сло-
въ жгль ѱωία: слѣдовательно съ понятіемъ угла
соединяется представленіе суживающагося простран-
ства; и дѣйствительно отъ гот. agguus (слич. л. an-
gustus) узкій происходитъ скн. ângr узкій заливъ,
engi узкая луговина. Какъ наше жз переходитъ въ
жг, такъ и скр. юдж въ юга—собственно пара. Но-
совой звукъ, отсутствующій въ скр. словѣ, являет-
ся, подобно нашему, въ лат. jugo, и потомъ исче-
заетъ въ соѵж, jugum, какъ и въ нашемъ иго, ко-
торое опять принимаетъ носовой звукъ въ лит. jun-
gas отъ jungiu. Скр. гласная і въ юга, юдж, пе-
реходитъ въ і въ гот. liugan, ѱαμειν, liuga бракъ.
Такимъ образомъ древнеславянское понятіе о род-
ствѣ, происходя отъ представленія о связи и сбми-

женіи, въ гот. языкѣ перешло въ понятіе о бракѣ, какъ источникъ родственныхъ связей. По Гриму *) гот. *liuga* происходитъ будто бы отъ *liugan* скрывать, какъ лат. *pubere* сближается съ *pubes*, или исп. *velarse* (жениться) и *velado* супругъ — съ *velar* покрывать.

7. особенной важности въ историческомъ отношеніи слово, означающее вмѣстѣ и мужа и жену, именно: *манженъ*. Это слово вопреки чеш-у *manžel* мужъ, супругъ, — Юнгманъ, раздѣляя на *ман* и *жен*, сближаетъ съ нѣм. *mahl* въ *gemahl*. Въ польскомъ языкѣ кромѣ *malżonek* употребляется и *glanżonek*. Распространенное употребленіе и видоизмѣненіе въ выговорѣ, затемнившія прямой слысль слова, указываютъ на его древность. Очевидно, оно сложное. Въ древнѣйшемъ періодѣ славянскій языкъ особенно любилъ слова сложные, что видно изъ названій языческихъ боговъ, какъ древнѣйшихъ остатковъ языка, и изъ старинныхъ собственныхъ именъ, напр. въ Судѣ Любуши: Лютоборъ, Ратиборъ, Ярожиръ и друг. — Замѣчательно, что древнѣйшія сложные слова, по большей части, не пользовались слагающими или соединительными звуками *о* и *е*, которыми теперь обыкновенно соединяются части сложнаго слова: но, подобно Санскриту, гораздо вольнѣе соединялись, о чемъ свидѣлствуютъ, напр., Стри-богъ, Даждь-богъ. Остатокъ такого санскрито-славянскаго сложенія предлагаетъ намъ О. Е. въ

*) D. Gr. 2, 23.

словъ брать-сестръ : «евлампа и евлампи» присныма братьсестрома.» Всего ближе объясняется такое сложеніе скр. сложными, напр. для совокупнаго понятія дѣтей и жены скр. употребляетъ: путрадара, состоящее изъ *путра* сынъ и *дара* жена. Именно къ этому же древнѣйшему періоду должно относиться и *мань-женъ*, или, по другому произношенію, *манженъ*, состоящее изъ *манж*, т. е. *мжжъ* (скр. *мануджа*, т. е. *рожденный=джа*, отъ героя и полубога *Ману*) и *жена*, и означающее вмѣстѣ и мужа и жену. Значеніе и употребленіе этого слова особенно явствуетъ, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста въ вопросахъ Кюрика: „достоитъ ли женѣ мужю своему помочи терпѣти опитемья, и мужю женѣ? *достоитъ*, рече, *велми*, *волею*; *яко* и *другъ* къ *другу* и *братъ* *брату*: *добро* есть тако и *маньженома*.“ Пам. Рос. Сл. XII в. 194. Въ послѣдствіи, когда утратилось сознаніе о происхожденіи этого слова, въ языкѣ образовались изъ него отдѣльныя названія и для мужа *manžel*, *manžonek*, и для жены *manželka*, *manžonka*. Въ этихъ словахъ Славяне осмыслили себѣ древнѣйшую форму точно также, какъ скр. форму *снуща* (*сноха*), т. е. *сѣну-шья* (*сыновья*) перевели соответственно Санскриту прилагательнымъ: *сноха* въ пол., кр. называется: *synowa*, *synpaha*, т. е. *сыновья*.

8. такъ какъ древнѣйшія формы поэзіи тѣсно связаны съ исторіею языка: то весьма любопытно обратить вниманіе, какъ сербская поэзія, по преимуществу сохранившая первобытное эпическое настро-

еніе, возводить до апотеозы семейныя связи, Вук.
1, N 231 :

радуе се звијезда даница,
жени брата сјајнога мјесеца,
испросила муњу од облака;
она купи китіене сватове:
кума куми Бога јединога,
а прикумка светога Јована,
старог свата светога Николу,
а дјевера апостола Петра,
права свата светог Пантелию,
ієндибулу огнієну Марию.

Высокой нравственностью жизни семейной отзываются эти затѣйливыя представленія эпической фантазіи. Народъ въ своихъ вѣрованіяхъ всегда любитъ возводить до обоготворенія все лучшее и существенное въ своей собственной жизни. Славяне столь вѣрно сохранившіе отъ временъ доисторическихъ чистоту наивныхъ связей семейныхъ, какъ бы сознали всю важность ими сбереженнаго, перенеся свои любимыя понятія о родствѣ и братствѣ въ область религіозныхъ повѣрій. Потому высочайшее беззаконіе, проклятое Богомъ, полагаетъ сербская поэзія въ нарушеніи правъ родственныхъ и семейныхъ: такъ Громовникъ Илія описываетъ Марію проклятую землю, Вук. 2, N 2 :

діє не моле Бога, да помогне,
и не слуша пород родителя,
и не слуша млади старијега;
діє кум кума не држи за кума,
дієвер сваси о срамоти ради;
діє брат брата по судовим тiera.

9. благочестивые переводчики Св. Писанія на славянскій языкъ не знали или не хотѣли знать словъ, означающихъ нарушеніе супружескихъ правъ. Кромѣ древнѣйшаго потьбѣга, они не употребляютъ ни одного изъ словъ такого рода въ точномъ, нынѣшнемъ значеніи. Такъ въ О. Е. *ὡσεὶ λῆρος τὰ ῥήματα αὐτῶν*—переводится: яко блѣди (т. е. вздоръ, пустяки) глѣихъ, Лук. 24, 11; въ исправленномъ: яко лжа глѣихъ; — *ζῶν ἀσώτως*, въ О. Е. живы блѣдно, Лук. 15, 13, т. е. расточительно. Какъ бы то ни было, отъ недостатка ли словъ, свидѣтельствующаго о чистотѣ нравовъ, или изъ приличія строго наблюдаемаго переводчиками: только въ славянскомъ переводѣ Евангелія, для выраженія греческихъ: *πόρνη*, *πόρνος*, *μοιχός*, *μοιχεία* и др., встрѣчаемъ уже неологизмы, составленные на образецъ грецизмовъ, какъ напр. злю-дѣи *κακο-ποιός*, *κακοῦργος*, у Ул. тоже грецизмъ: *ubil-tojis*; благо-творити *ἀγαθοποιεῖν*: а именно: для *πόρνη* любо-дѣица, и даже усиленное по славянскому словосочиненію употребленіе: развъ словесе любодѣаньнааго: *παρεχτός λόγου πορνείας*, Мат. 19, 9; а для *μοιχός* переводчики прибавили къ неологизму любо-дѣиць частицу прѣ, указывающую въ священномъ языкѣ также или на грецизмъ, напр. прѣображеніе *μεταμόρφωσις*, или же на неологизмъ: прѣмѣдрѣи, прѣмѣдрость, коими переводчики перелагаютъ гр. *σοφός*, *σοφία*, для отличія отъ *φρόνιμος*, *φρόνησις*, коимъ постоянно соотвѣтствуютъ въ О. Е. мѣдрѣи, мѣдрость. Въ употребленіи прѣлюбодѣи, какъ прилагательнаго, видно также насиліе языку: въ ро-

дѣ семь прѣлюбодѣтимъ и грѣшьнѣемъ, ἐν τῇ γενεᾷ ταύτῃ τῇ μαχαλίδι καὶ ἀμαρτωλῶν, Мр. 8, 38. Для глагола же μοιχευθῆναι следовало раздѣлить сложное слово на два: прѣлюбы творити, Мат. 19, 9. Ульфила и здѣсь остается вѣренъ своему народному началу, употребляя для πόρνη собственно гот. слово, не вошедшее въ послѣдствіи въ нѣм. нарѣчія, именно kalkjo, откуда kalkinassus; а для μοιχόςъ обще всѣмъ нѣм. племенамъ hogs, откуда скн. hog, hoga, arg. horing и пр.; въ гот. и производныя: глаголь horigon и сущ. horiginassus.

Примѣч. Есть причины думать, что наши переводчики руководствовались въ своемъ трудѣ чувствомъ приличія и благочестивою набожностью при выборѣ выраженій. Это особенно явствуетъ въ переводѣ описанія Страстей Господнихъ. Славянскій переводъ, вообще столь ясный и близкій къ подлиннику, въ этомъ случаѣ предлагаетъ замѣчательное отъ него отступленіе: такъ Мр. 14, 65: καὶ οἱ ὑπερέταί βαπίσμασιν αὐτόν ἐβαλον — въ О. Е. смягчено до слѣд. выраженія: и слугы бияще и прѣша; въ испр. согласно съ текстомъ: и слуги по ланитому его бяху; даже Ул., впрочемъ столь вѣрный подлиннику и столь наивный, не могъ удержаться, чтобы не прибавить gabaurjaba, т. е. дерзко, дерзновенно, petulanter: jah andbahtos gabaurjaba lofam slohun ina — и слуги дерзко били его по щекамъ. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ, Мат. 26, 67, ἀλλὰ δὲ ἐββάπτισαν αὐτόν переведено въ О. Е.: ови же за ланиту ударша и. Но κόλαφίζω — pugnis caedo — переводчики не рѣшились передать точь въ точь, за-

мѣнивъ слѣдующими неопредѣленными выраженіями: καὶ ἐκολάρισαν αὐτόν — и пакости ему дѣяш^а, Мат. 26, 67; καὶ κολαφίζειν αὐτόν — и мяčiti и. Если бы догадка Востокова, что въ греческомъ спискѣ у переводчика могло стоять κολάζειν вмѣсто κολαφίζειν, была справедлива, то въ исправленномъ текстѣ находились бы эти мѣста поправленными по общему чтенію съ κολαφίζειν: но видно, что и переводчики и исправители были убѣждены въ употребленіи такихъ выраженій. Въ Tatian. Harin. Ev. сказано прямо: inti mit fustin sluogun inan.

7. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА ВЪ ПЕРІОДЪ РАЗВИТІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ.

Какъ семья служитъ основою общества, такъ и слова, означающія родство, принимаютъ значеніе понятій о членахъ общества. Родоначальникъ, по древнѣйшему представленію, вмѣстѣ и дѣдъ и старѣйшина. У насъ онъ называется пращуромъ. Если большая часть славянскихъ названій семейныхъ объясняется самымъ удовлетворительнымъ образомъ изъ Санскрита, то тѣмъ болѣе должны мы обратиться къ этому языку при объясненіи слова, имѣющаго столь многозначительное въ историческомъ отношеніи значеніе. Уже самая приставка пра- указываетъ на скр. пра-, имѣющее тоже значеніе, напр. прабѣ— dominus, excelsus, augustus, отъ гл. бѣ—быть: труднѣе объяснить вторую часть этого слова, именно щуръ: если сблизимъ съ прилагательнымъ щирый, то вопросъ все таки не объяснится: ибо, въ отно-

шеніи согласной щ останавливаютъ насъ нарѣчія нѣмецкія, въ коихъ она является подъ формою sk, напр. въ скн. skir clagus, perspicuus, sapiens, gnarus, rigus a crimine; въ отношеніи же гласной и, затрудняютъ нарѣчія славянскія, въ коихъ она измѣняется въ е, напр. въ польскомъ szczęgy. — Обратимся къ санскриту. Скр. небная ç, происшедшая отъ к, въ самомъ скр. языкѣ, измѣняется не только въ к и т, но даже и въ ч:

дрç видьніе, видь	дрк (именит. несклоняем.)
	δέρκω
виç человекъ третьяго вить (id)	
класса	лит. wiész-patis
çал двигаться, идти	чал.

Отсюда видно, что въ скр. управляетъ тотъ же законъ соответствія между к, т, ч, какъ и въ слав. языкѣ. Первоначальная форма этихъ звуковъ является въ небной ç. Изъ всѣхъ европейскихъ языковъ славянскій всѣхъ ближе къ скр-у въ отношеніи этого звука. По большей части славянскій языкъ, какъ и санскритъ, удерживаетъ скр-ю ç въ звукъ с:

скр.	слав.
çакуна (родъ коршуна)	соколь
çата	сто
çак'а	сукъ, сучокъ
çила (natura, indoles)	сила
çуш (arescere, siccari)	сушить, сохнуть
çула (hasta)	сулица
çру	слушать
çвита (albus)	свѣтъ.

Какъ въ скр. *с* переходитъ въ *к* и *ч*, такъ и въ слав. языкъ скр. *с*, подобно латинскому, греческому и кельтскому, переходитъ въ *к*, и потомъ, по собственному организму славянскаго языка, въ *ч* и даже въ *ц*. Какъ скр. *дасан*, десять является въ греч. подь формою *δέκα*; такъ и скр. *сѹ* имѣеть при себѣ славянскую форму *ко-ю* (греч. *κῆμα*, лат. *quies*) и *чи-ю*, т. е. (по)коюсь и (по)чию. На этомъ основаніи опредѣляется сродство нашихъ: сердце съ гр. *καρδία*, лат. *cor, cordis*; осмь съ гр. *ὀκτώ*, лат. *octo*; десный съ скр. *дакша*, лат. *dexter*; камень съ скр. *асман*: потому же закону родственны: *клоню* и *слоню*, *влась* и *влак* - но *). Скр. *свита* (*albus*) кромѣ формы *свѣтъ*, имѣеть при себѣ еще: *квѣтъ*, *цвѣтъ*, *твѣтъ*: нашимъ звукамъ *к*, *ц*, *с*, происшедшимъ изъ скр. *с*, соотвѣтствуетъ нѣмецк. *h*: потому скр. *свита* и наши *свѣтъ*, *квѣтъ* въ гот. являются въ формѣ *hweits*, агс и скн. *hvit*: др. нѣм., опускаая предыханіе, образуетъ *wiz*, откуда нѣм. *weiss*: точно такъ и наше *рогъ*, черезъ опущеніе *с* образовалось изъ скр. *срнга*, составившагося изъ *сѹ*ра голова и *га* идущій, т. е. изъ головы идущій, или растущій. Такъ какъ скр-у *ч* часто соотвѣтствуетъ слав. *щ*, напр. скр. *пач* печь, *пещи*: то и скр. *с*, стоящее въ связи съ *ч* и *к*, можетъ замѣняться слав-мъ *щ*, напр. скр. *нактам* и *ниса* по-слав. не только *ночь*, но и *нощъ*. Вотъ что почли мы

*) Статья Шафарика въ *Časop. Česk. Mus.* 1847, N 1. стр. 57 — 58.

нужнымъ сказать предварительно о свойствѣ небаго звука *с*. Теперь обратимся къ слову пращуръ, и собственно ко второй его половинѣ: щуръ.

Скр. *с*ура герой, мужъ, по закону измѣненія буквъ, общему въ славян. съ скр., является у насъ въ трехъ формахъ: 1) въ первобытной санскритской, подъ формою *сурь*, и значить молодець, герой, какъ мы видимъ напр. въ др. р. ст. „удалой молодець былъ Волгскій суръ, 271: такъ названъ Садко богатый гость. 2) въ формѣ, родственной языкамъ греч., лат. и кельт., по измѣненію *с* въ *к*: именно отъ скр. *свасура*, состоящаго изъ *сва* свой и *сура* мужъ (слич. скр. *сваджана* своякъ), образовались: наши *све-корь*, *све-кры*, гр. *ἑ-χῖρος*, *ἑ-χῖρά*, лат. *со-сгус*: здѣсь наше *-корь* точно также относится къ скр. *сура*, какъ гр. *χῖρος*, *χῖριος* и кельт. *сигадһ* воинъ отъ *сиг* сила. И наконецъ 3) подъ формою чисто славянскою, въ коей скр. *с*, измѣнившаяся въ *к*, частію удержала при себѣ слѣды своего происхожденія въ звукъ *щ*: по крайней мѣрѣ исторически весьма вѣроятно предположить, что праотець и герой-полубогъ могли быть совмѣстны въ понятіяхъ нашихъ предковъ. Бели же свой родъ отъ какого-то доисторическаго героя лючій Хрудошъ и Стяглавъ храбрый, спорящіе о дѣдинѣ отней въ Судѣ Любуши: „*oba fratři, oba clenouica, „roda stara tetui popeloua, „ien se pride s pleki s sehouimi „u se se sirne ulasti pres tri reki.*“ И такъ коренное слово щуръ въ нашемъ пращурѣ объясняется скр.-мъ

сура. Какъ ширый имветъ при себѣ не только у Славянъ форму чирый, но и въ Литвѣ: *szugas*; такъ и щурь предполагаетъ форму чурь, согласную съ литовскимъ *szug-pus*, означающимъ тоже, что и *szugas*. Вѣроятно сюда же относится и лит. *szugas*—по Мильке—*ein Tunge bei einem Herrn*.

Народныя преданія о доисторическомъ движеніи племенъ, подъ предводительствомъ героевъ полубоговъ долго держались въ памяти народной и не могли не сохраниться въ языкъ. Все старобогитное облекалось въ форму сверхъестественную, и всякому пріятно было видѣть въ своемъ предкѣ существо высшее, выступающее изъ круга обыкновенныхъ людей. Любовь потомковъ къ своимъ прадедамъ воспламеняла ихъ воображеніе, и выразилась въ преданіяхъ о герояхъ-родоначальникахъ, облеченныхъ божественнымъ величіемъ. По-древански дѣдъ *lgôlga* *), т. е. *ljołja*: отсюда Богъ назывался *pos lgôlga* т. е. нашъ дѣдъ, нашъ прадедъ: слич. выраженія: внуки Дажь-бога, внуки Стри-бога. У лужичанъ *zeđki* дѣды употребляется въ смыслѣ пастуховъ, приходившихъ поклоняться Христу, а потомъ и вообще въ смыслѣ пришлецовъ. Древнѣйшее понятіе о власти начальника основывалось на родствѣ родоначальника съ своимъ родомъ: этимъ объясняются обычныя выраженія въ летописяхъ: „Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ *роды* своими, иже и

*) Добровскаго *Slovanka* 1, 13.

до сее братья бяху Поляне, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владыюще каждо родомъ своимъ.“ — „Се Кій княжаше въ родѣ своемъ.“ — „(Кій) възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше състи съ родомъ своимъ.“ — „И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ.“ — Какъ о Славянахъ, точно также выражается лѣтописецъ и о Варягахъ: „и избращася 3 братья съ роды своими, поляша по собѣ всю Русь, и придоша.“ — „И бяста у него 2 мужа (Аскольдъ и Диръ), не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ.“ — Лавр. стр. 4, 5, 8, 9. Слѣдовательно понятіе рода или родства первоначально связывало лица одного племени и означало народъ: „мы отъ рода рускаго,“ говорили послы въ договоръ Игоря, Лавр. стр. 19. Въ О. Е. словомъ *родъ* собственно переводится *γένος*, однако также и *ἔθνος*, Ю. 18, 35, чему у Ул. соответствуетъ *riuda*. Словомъ же народъ въ старину означалось понятіе не столь благородное: въ О. Е. народъ значить только *ὄχλος*, и у Ул. переводится словами, означающими только толпу, множество: *hiuhna*, *jumjo* и даже *managei*: такъ что Остромирову народъ въ чешск. отрывкѣ Ев. отъ Ю. X в. соответствуетъ весьма естественно: *daui*, давъ, т. е. давка, толпа. Отсюда можно заключить, что народъ есть уже понятіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда утратилась родственная связь между родоначальникомъ и его племенемъ, и когда понятіе о соплеменникѣ перестало возбуждать поня-

тѣ о родствѣ и перешло къ представленію множества, толпы. Первоначально же народъ могъ быть синонимомъ рожденію: такъ у Лужичанъ и досель народъ имѣть это значеніе: *rschéd Kristussowem narodom*, а рожденіи въ О. Е. наоборотъ значить родственникъ, и соответствуетъ въ исправленномъ текстѣ словамъ: ужики, сродници. Древнѣйшее употребленіе слова народъ вмѣсто родъ встрѣчаемъ уже въ Фрейз. ркпси: *narod zlovuezki* — народъ чловѣчски, *genus humanum*.

Родственная связь влaстителя и подвластнаго ясно обозначилась въ языкѣ: отъ гот. *riuda*, родъ, племя, народъ, происходитъ *riudans* царь, влaститель *народный, родоначальникъ*. Чувства, соединявшія влaстителя и подвластнаго, какъ ближайшихъ родственникововъ, были любовь, милость и ласка: потому-то по-скн. влaститель, царь называется *mildingr*, отъ *mildgr* милостивый, ласковый: этимъ объясняется у насъ постоянный эпитетъ Владиміру *ласковый*. Скр. *patû dominus*, откуда лит. *patis*, *wiesz-patis*, наше гос-подинъ, гр. *θεῖς-πότῆς*, даже можетъ быть *ποῦς* въ *ἀνδρο-ποῦς* (по Боппу вмѣсто *ἀνδρο-ποῦς*, т. е. *vigos regens*, какъ мажъ отъ скр. мануджа) — происходитъ отъ *pâ* хранить, беречь, родственнаго съ нашимъ питать, лат. *pâ-vi*, *pa-bulum*, гр. *πάσαι, ἐπαράμην, πέ-πασαι, πατέροιαι*. Здѣсь начало эпическому постоянному эпитету царя, у Гомера: *πομπῆν λαῶν*: такъ эпическая поэзія въ своихъ обычныхъ формахъ сохраняетъ слѣды древнѣйшихъ понятій. Теперь будетъ

намъ понятно, почему кормить значить у насъ и питать, и вмѣстѣ съ тѣмъ управлять: *кормилецъ* есть постоянный эпитетъ не только отца, но и всякаго властителя: а въ Крамев. рукописи Забой, оплакивая смерть славянскаго воеводы и предводителя, называетъ его *otcĭk*, т. е. отецъ.

Какъ эпическій языкъ свои украшающія формы образуетъ согласно съ образованіемъ языка, такъ и эпическія преданія въ своихъ мифахъ выражаютъ понятія и воззрѣнія народа. И въ языкѣ, и въ сознаніи народа глубоко коренится убѣжденіе о родствѣ всѣхъ членовъ племени, образующихъ народъ: родственная любовь и сыновнее почтеніе связываютъ всѣхъ твердыми узами. Какъ Китайскій Императоръ почитается отцемъ народа, и какъ изъ различныхъ частей тѣла Браны вышли различныя касты, роднящіяся между собою единымъ божественнымъ происхожденіемъ *): такъ и по наивнымъ преданіямъ всѣхъ народовъ различіе состояній или классовъ народа произошло по нисходящей линіи отъ одного пращѣдовскаго начала. Исландскій мифъ (*Rígsmál*) **)

*) Развитие классовъ народныхъ изъ частей божества соответствуетъ сотворенію міра изъ божественныхъ членовъ. Вѣроятно въ соответствіи съ мифомъ о происхожденіи кастъ образовались въ языкѣ слова, означающія и части человеческого тѣла, и вмѣстѣ классы народные. Grimm, D. R. A. 469—470.

**) D. R. A. 266. 282.

всѣ классы народныя ведутъ отъ предковъ: благородныя (iarglar) происходятъ отъ fadir и môdir, отъ отца и матери, свободныя (karlar) отъ afi и amma, отъ дѣда и бабки, всѣ рабы (praelar) отъ ai и edda, т. е. прадѣда и прабабушки. Далѣе, Iargl, представитель благороднаго класса, имѣлъ у себя дѣтей, которыя именами своими указываютъ на развитіе общественныхъ понятій изъ семейныхъ, а именно: Adall (благородный), Argi (наслѣдникъ), Barn, Kundr, Konr, Mōgr, Nidr, Sonr, Sveinn.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя изъ этихъ словъ, потому что исторія ихъ имѣетъ много общаго съ нашими.

1. barn и mōgr означаютъ дѣтей: mōgr въ гот. magus, коимъ Ул. переводитъ παῖς, въ О. Е. отрокъ, напр. Лук. 2, 43: ὑπέμεινεν Ἰησοῦς ὁ παῖς ἐν Ἱερουσαλὴμ, оста отрокъ въ иерсѣлмъ, gastor iesus sa magus in iairusalem. Ул. употребляетъ magus и въ смыслѣ раба, напр. Лук. 15, 26: ἓνα τῶν παιδῶν, у Ул. sumana magive: въ О. же Е. строго еще отличается отрокъ отъ раба, и это мѣсто переведено такъ: «идного отъ рабъ: такъ что отсюда можно заключить, что переводчики знали слово отрокъ только въ благородномъ его значеніи сына, а не служителя. Какъ liberī имѣетъ смыслъ вольныхъ, такъ и княжій или боярскій отрокъ получилъ смыслъ вольнаго служителя, уже въ Русск. Правдѣ: „о княжихъ отроцѣхъ“ — смич. въ Салич. Зак. puer regis vel letus, 13, 7; а

съ другой стороны отрокъ , какъ лицо въ полной зависимости находящееся, перешелъ въ значеніе раба, холопа, напр. въ чешск.: *otroky neb chlapy kurowati a prodawati*, смотр, Слов. Юнгм.: даже Остромирову найменьикъ *μωφωτὸς*, въ чешскихъ Евангеліяхъ соответствуетъ отрокъ, Іо, 10, 12, *Evang. ms Vien.* — И наоборотъ Остромирово отроча въ *Tat. Harm. Ev.* замѣняется словомъ *kneht*: *ther kneht vvuohs inti uuard gistrengisot geiste*, отроча же растъаше и крѣпъташеся дѣмь, Лук. 1, 80. Какъ отъ *piuda* происходитъ *piudans*, такъ и гот. *kindins*, коимъ Ул. переводитъ *ἡγεμων*, въ О. Е. игемонъ, *Mat. 27, 2.* — происходитъ отъ *kind*: по свидѣтельству Амм. Марц. у Бургундовъ царь назывался *hendious*, Такимъ образомъ изъ нѣдръ семьи съ одной стороны исходитъ понятіе властителя, а съ другой понятіе раба: какъ лат. *famulus* отъ *familia*, такъ точно и челядинъ, уже въ договоръ Олега, въ смыслѣ раба: „аще украденъ будетъ челядинъ рускый, или въскочить, или понужи проданъ будетъ,“ *Лавр. 15*, также въ Рус. Правдѣ: „аже кто познаеть челядинъ свой украденъ:“ — черезъ форму челядь происходитъ отъ скр. кула родъ, племя, семья. Какъ -инъ т. е., одинъ, служитъ суффиксомъ слову челяд-инъ, такъ древнѣйшее ъкъ, скр. *ѣкас*—одинъ, отъ того же скр. кула, образуетъ: чел-ов ъкъ; *ѣкас* является въ лат. *aequus*, точно также какъ скр. мѣстоименіе *има*, въ нашей приставкѣ отч-имъ, образуетъ отъ себя лат. *imago*. Съ скр. кулаа гнѣздо, отъ кула семья, стоять въ связи наша древняя эпическая форма, упо-

требляющая гнѣздо вмѣсто семьи, напр. въ Сл. о П. И: „Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилцы.“ Этимъ объясняется эпитетъ Всеволода Юрьевича—большое гнѣздо. Понятіе о сочетаніи до сихъ поръ заключается въ словѣ гнѣздо, что видно изъ названія пары бабокъ гнѣздомъ. Слич. обычныя выраженія, или поговорки въ Чехахъ: *dobrého hnizda človék*; *hnizdo píse peromůže obyčegúm zlým*. — Наше слово отрокъ, означающее и сына, и свободного служителя, и раба, своимъ происхожденіемъ вполне объясняетъ такой переходъ. Какъ всякое, въ глубокой древности образовавшееся, слово подвергается многимъ толкованіямъ и объясненіямъ, такъ случилось и съ отрокомъ. Общепринятое производство этого слова отъ реку, какъ бы *infans*, или польское *piemowiatko*, нашло себѣ защитника въ новѣйшемъ изслѣдователѣ слав. языка, Миклошичъ *). Но, какъ основательно было уже замѣчено славянскими лингвистами **), въ словѣ отрокъ никоимъ образомъ нельзя принять за предлогъ слогъ *от*: ибо древнѣйшіе кодексы, равно какъ и Остромировъ, не отдѣляютъ этого слога еромъ: если бы это слово происходило отъ реку, то писалось бы: отърокъ. Но и производство отъ слова *от*, т. е. отецъ ***), черезъ суффиксъ *р*,

*) *Radic. lingu. Slov.* 74.

**) Юнгм. чеш. слов. 2, 1019.

***) *Ibid.*

т. е. *отр.* подобно словамъ братр, кмотр, и потомъ съ окончаніемъ -окъ, — весьма натянуто. Всѣхъ ближе къ дѣлу кажется Линдево *) сближеніе слова отрокъ съ глаголомъ *tróczyć* вязать, и съ сущ. *tróki*, чешск. *trůku*, т. е. наше народное торока: „отца-то вашего въ торокахъ везетъ“ говорила жена Соловья разбойника, *Др. р. ст.* 355. Какъ жжика происходитъ отъ жже, аза, и отъ понятія о родствѣ спускается до понятія объ узникѣ: такъ и отрокъ, происходя отъ троки узы, содержитъ въ себѣ понятіе и связаннаго узами родства, и принужденнаго служить и повиноваться.

2. какъ *arfi*, сынъ Ярма, собственно значить наследникъ, гот. *arbja*: такъ и общеславянское названіе наследника дѣдичь, стоитъ въ родственной связи съ дѣдъ; хотя въ О. Е. попадаетъ только отвлеченное названіе: наследьянкъ, *Мат.* 21, 38; равно какъ и въ Русск. Правдѣ: задница, собственно въ смыслѣ остатка, какъ объясняютъ и самыя глоссы: „о задници, сирѣчь о сстаткѣхъ“. Самый же предметъ наследства есть дѣдина, уже въ Судѣ Любуши употребляющаяся въ смыслѣ наследства, — и значить вмѣстѣ съ тѣмъ и поле, и имѣніе вообще, и домъ, и мѣсто жительства, или родину. Ульфила для *κληρονομος* въ своемъ переводѣ употребляетъ слово, имѣющее, подобно дѣдинѣ, значеніе болѣе реальное, не-

*) Польск. слов. 3, 584.

жели наследникъ: именно *arbja*, въ агс. являющееся въ формѣ *urfe* въ значеніи не только *hereditas*, но и *recus*, отъ *orf* *recus*, *opes*: это послѣднее слово сохранилось и въ др. швед. обычной формулѣ: *arf ok urf*, для означенія недвижимаго и движимаго имѣнія. Но славянскіе переводчики не хотѣли воспользоваться народнымъ понятіемъ о владѣніи, вѣроятно потому, что дѣдина и дѣдичь, заключая въ себѣ память о древнеславянскомъ преданіи, могли нарушить чистоту слова Евангельскаго: нѣтъ сомнѣнія, что права на владѣніе дѣдиной были освящены древнимъ вѣрованіемъ: дѣды чтились, какъ существа высшія, божественныя: и потому названіемъ внука весьма естественно могло выражаться отношеніе современности къ темной, мифологической старинѣ. Этимъ объясняются въ Сл. о П. И.: жизнь Дажь-Божа внука, въ силахъ Дажь-Божа внука, и друг. По-чешски *dědicové*—пенаты. Следственно коренное славянское понятіе о наследствѣ, выраженное словами: дѣдичь, дѣдина, основанное на родственномъ отношеніи, а не на одномъ только понятіи о имуществѣ, какъ нѣм. *arbja*,—не могло войти въ священный языкъ, потому что напоминало періодъ мифологическій: Памва Берында съ намѣреніемъ отличаетъ дядко отъ дѣдко: „сице бо нѣдци обыкоша діавола именовати.“

3. сынъ Ярла *konr*, собственно *nobilis*, *rex*, является въ др. нѣм. *chuninc*, др. сак. *kuning*, агс. *cyning*, скн. *konúngr*, сокращенно *kòngr*; женская

форма слову *konr* : скн. *kona femina nobilis*, *domina*, гот. *quēns*, *quinô* только жена, агс. же *swen regina*, др. нѣм. *quena*, *chena* жена. Черезъ санскритъ мы узнаемъ рядъ этихъ словъ въ нашемъ *жена*. Скр-у дж соответствуетъ нѣм. к или qu, напр.:

скр. джѹв жить	гот. <i>quīvs</i> живой
джнâ знать	<i>kan</i>
джâну	<i>kniu</i> (колѣно)
джâти	<i>kuni</i> (родъ)

Въ этомъ случаѣ въ классическихъ языкахъ является г, а именно: *γῶμαι*, *gnosco*; *γόνυ*, *genū*; *γένος*, *genus*. Въ слав. или измѣняется въ з, какъ въ *знать*, или же остается въ ближайшей къ скр-у формѣ ж : *живой*, скр. *джѹв*; *жена*, скр. *джанѹ*, по закону измѣнившееся въ гот. *quēns*, и друг. Это последнее слово имѣетъ корнемъ скр. глаголь *джан* рождать, удержавшій г въ гр. *γίγνομαι* и въ лат. *gigno*. Рядъ словъ этого корня являетъ намъ переходъ понятій отъ родителя и жены къ племени и царю; и что весьма замѣчательно: въ языкѣ скр-мъ, какъ-бы на первой ступени, въ періодѣ первобытномъ, удерживается понятіе только родителя, родительницы и рода: *джанака* рождающей, *джанѹ* рождающая, *джâти* родъ; въ нѣм. же нарѣчіяхъ родовыя понятія этого порядка словъ восходятъ до понятій о власти государственной: и отъ *kuni*, *chunni*, родъ, происходятъ *chuninc* точно также, какъ *riudans* отъ *riuda*, *truh-tin* отъ *truht*, *fyلكir* отъ *folk* или *fyلكi*; а скр. *джанѹ* и наша жена получаютъ титулъ госпожи и цари-

цы въ скн. *kona* и агс. *sven*. И къ этому-то періоду относится нашъ кн^дзь, слово, столь удалившееся отъ первоначальнаго понятія о родѣ, сохранившася въ словѣ *жена*, и только въ связи съ нѣм. *kuening*, *konūng*, нисходящее до значенія рода въ гот. *kunī* и въ скн. *миѳ* о сынѣ Ярла, *konig*. Какъ въ нѣм. нарѣчїяхъ, такъ и у Славянъ князь значить и господинъ вообще, напр. у Лужичанъ: *knjez* тоже, что скн. *konig*, а *knjenī* или *knipī*, что скн. *kona*. Только сила народнаго преданія могла удержать въ словахъ князь и княгиня пѣмать о древнѣйшемъ ихъ значеніи, придавъ имъ смыслъ жениха и невѣсты, о чемъ было сказано выше. Исторически же позднѣйшее значеніе слова кн^дзь опредѣляется суффиксомъ *азь*, или *аг*, т. е. *енг* или нѣм. *ing*. Этотъ суффиксъ, хотя не чуждый и намъ, и особенно соседнимъ намъ Литовцамъ, у которыхъ *-ingas* суф. прилагательныхъ, напр. *darb-ingas* отъ *darbas* работа,—преимущественно у Нѣмцевъ получилъ свое развитіе и смыслъ: онъ означаетъ *происхождение* и *родство*; сила этого значенія заключена въ звукахъ *ng*, изъ коихъ развиваются *-ing* и *-ung*: первый преимуществуетъ передъ вторымъ для означенія лицъ *). Названія народовъ по преимуществу пользуются сими суффиксами для того, чтобы выразить понятіе о происхожденіи и родѣ, напр. *asd-ingi*, *oth-ingi*, *thur-ingi* у Иорнанда; *theru-ingi* у Аммиан. Марц. Въ

*) Grimm, D. G. 2, стр. 348 — 365.

древн. нѣм. памятникахъ IX в. собственныя имена: *duŕ-inc*, *halb-inc*, *ig-inc*, *mun-inc*, и мног. друг. Въ агс-мъ языкѣ особенно живо сохранилось производство на *-ing* отечественныхъ именъ, такъ что къ каждому собственному имени можно приложить этотъ суффиксъ, для того чтобы составить имя сына или потомка того, кто носитъ собственное имя: такъ въ Библии *filius Elisae* переводится: *êlis-ing*. Для уразумѣнія силы суффикса *-ing* любопытно обратить вниманіе на слѣдующее кратко обозначенное этамъ суффиксомъ агс-е родословіе предковъ: *ida vās ēopp-ing*, *ēoppa ês-ing*, *êsa ing-ing*, *inga angenvit-ing*, *angenvit aloc-ing*, *aloc bēonoc-ing*, *bēonoc brand-ing*, *brand haeldäg-ing*, *haeldäg vōden-ing*, *vōden fridovulf-ing*, *fridovulf finn-ing*, *finn godvulf-ing*, *godvulf geát-ing*, *geát* же, или *geáta* есть родовачальникъ имъ всѣмъ. Слѣдовательно *-ing* соответствуетъ нашему *-ичъ*, означающему не только отношеніе сына къ отцу, но и народа къ его родоначальнику, напр. Радим-ичи. И такъ въ словѣ князь суффиксъ *азъ*, *ат* (*-ing*) выражаетъ родовое и родственное отношеніе; точно также, какъ и коренные звуки *кн*, *кон*, *кун* (въ Остромировѣ къназь, ѣ предполагаетъ звуки *о* и *у*) всауть свое происхожденіе отъ джан рождаѣ, и какъ пати господинъ родственно съ словомъ *pater*, такъ и князь въ скр. имѣеть себѣ соответственныя: *джанака*, *джанитри*, откуда лат. *genitor*. Во время перевода Св. Писанія на славянскій языкъ слово князь имѣло смыслъ болѣе общій, такъ что въ О. Е. къназь означаетъ не только властителя, но и всякаго

сильнаго челоуѣка. Это особенно явствуетъ изъ сличенія нашего перевода съ переводомъ Ульфила: Славяне всякую власть и силу называютъ однимъ общимъ именемъ князя, тогда какъ Ульфила еще колеблется между многими наименованіями, соответствующими Остромирову кѣназь, какъ бы тѣмъ показывая, что понятіе о власти еще не опредѣлилось окончательно, не отдѣлилось отъ частныхъ представлений и не обозначило себя однимъ общимъ словомъ: а именно: 1) кѣназемъ своимъ, τοῖς μεγίσταις, Мр. 6, 21, у Ул. *raim maistam*—надстрочный переводъ съ греческаго; слав. же переводчики подъ бѣльшимъ или набольшимъ разумѣли князя. 2) въ домъ кѣнажь, εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ ἀρχοντος, Мат. 9, 23, у Ул. *in garda ris reikis*. 3) о кѣнази бѣсь, ἐν τῷ ἀρχοντι τῶν δαιμονίων, Мат. 9, 34, у Ул. *in faugarnarlja unholpono*. Здѣсь понятіе о власти и князь Ул. выражаетъ представленіемъ глашатая суда и правды, или председателя собранія: *fauga* предъ и *narl* собраніе *агорѣ*. — Единство, соблюдаемое нашими переводчиками въ употребленіи слова князь ясно указываетъ на болѣе опредѣленное понятіе о власти: тоже самое видимъ и въ нѣм. позднѣйшихъ переводахъ, не смотря на разнообразіе Ульфилова текста: такъ въ *Tatian. Herm. Evang.* IX в. Остромирову кѣназь соответствуетъ постоянно *hērīsto* или *hērōsto*, т. е. превосходная степень отъ *hēr*, *hēri*, откуда *hē-rigo* и *hērgo* — господинъ. Слѣдовательно наше кѣназь, хотя и общаго происхожденія съ нѣм. *kuning*, однако во время перевода Св. Писанія употребля-

лось Славянами совершенно самостоятельно и выражало самое определенное понятие: переводы Св. Писанія и готскій и нѣмецкій IX в. пользуются словами вовсе другаго происхожденія для означенія князя.

Такимъ образомъ сличивъ основанія скандинавскаго мѣста о переходѣ понятій семейныхъ въ общественныя, видимъ, что въ сущности онъ столько же могъ бы принадлежать и Славянамъ: только у Нѣмцевъ онъ принялъ определенную эпическую форму, у насъ же ясно сознавался только въ формахъ языка.

Судя по переводу Св. Писанія можно заключить, что Славяне до позднѣйшаго времени удержали семейныя понятія для определенія общественныхъ отношеній. Это видно въ О. Е. изъ словъ: владыка и старѣйшина, которыя получивъ значеніе въ быту семейномъ распространились для выраженія власти не только гражданской, но и церковной: въ старину власть начальника освящалась властію церковною, и служитель церкви былъ вмѣстѣ и начальникомъ. Гот. и др. нѣм. переводы являютъ большее развитіе общественности: въ слав. же очевидны слѣды патріархальнаго быта. Славянскіе переводчики, хотя и стараются передать грецизмами понятія жизни государственной, напр. игемонъ — владыка, но славянизмы невольно проскользаютъ, и даютъ намъ разумѣть, какъ необходимо было замѣнять ихъ грецизмами. Текстъ слав. Евангелія являетъ намъ періодъ бро-

женіа, когда еще не могли выработаться идеи общественныя, въ отвлеченіи отъ понятій семейныхъ.

1. замѣчательно смѣшеніе словъ владыки и власти въ О. Е.: изъ чего явствуетъ, что переводчики затруднялись въ отличеніи этихъ словъ. А именно: *ὑπὸ ἐξουσίας* Мат. 8, 9 переведено: под владыко^{лк}, въ испр. под властію; а Лук. 7, 8 подъ властели, въ испр.: под владыкою: у Ул. же въ обоихъ случаяхъ соответственно оригиналу: *uf valdufnja*. Изъ сближенія этихъ двухъ мѣстъ О-а Е-я видно, что отвлеченное понятіе *ἐξουσία*, въ другихъ мѣстахъ переводимое впрочемъ словомъ власть, понято было переводчиками болѣе конкретно, какъ лицо властвующее, или владыка. Владыка же *ῥυεμόν* въ О. Е. соответствуетъ гот-мъ *kindins* и *riudans*, что видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: Лук. 2, 2 владышу, у Ул. *visandin kindina*; Лук. 3, 1: владычествія, у Ул.: *riudinassaus*. Славянскіе переводчики прибѣгаютъ къ производнымъ формамъ отъ одного и того же корня, тогда какъ Ул. богатъ разнообразными выраженіями понятій государственныхъ. Такое же разнообразіе видимъ въ др. нѣм. *Naem. Evang. Tat.*, гдѣ первому мѣсту соответствуетъ *grauen* *), а второму *rihtcomes*, а въ Ев. Мат. 2, 6 еще новое слово: *hegiston*, въ О. Е. въ влѣкахъ. — Собственное значеніе владыки открывается въ исторіи древнеславян-

*) Значеніе этого слова смотр. Gr. D. R. A. 753.

скаго семейнаго управленія. Въ Судѣ Любуши читаемъ: „i umre li glaua celedina, „deti use tu sboziem u iedno uladu, „*uladicu* si z roda uiberuce.“ — И такъ владыка управлялъ у Славянъ родомъ и семьею, по свидѣтельству памятника IX в; слѣдовательно весьма вѣроятно вліяніе такого значенія владыки и на текстъ Св. Писанія того же вѣка. Хотя у Готевъ уже IV в. мы видимъ уклоненіе отъ семейнаго начала: однако по нѣкоторымъ выраженіямъ Ульфилова перевода можемъ заключить, что и Готамъ не чуждо было понятіе владыки, въ смыслѣ домовладѣтеля: ибо Ул. *oixodeokoteiv*, *oixodeokotēs* переводитъ *garda valdan*, *garda valdands*, а *valdan* и владѣти совершенно между собою родственны.

2. старѣшина у Славянъ есть синонимъ владыки. Остромирову влѣка въ Реймск. Ев. соответствуетъ: старѣшина, Мат. 2, 6. Какъ у Иллирійцевъ латинскаго исповѣданія, въ Далмаціи, *pater familias* называется *влдыка*, словомъ, въ томъ же значеніи употребляющемся еще въ законахъ Стефана Душана; такъ соответственно тому у Сербовъ греческаго исповѣданія глава семьи называется *старіешина*, который, подобно древнеславянскому владыкѣ, избирается, даже и не старшій, но лучшій изъ челядинцевъ, и управляетъ всѣмъ домомъ *). По значенію слова надобно полагать, что старѣшина имѣло смыслъ

*) Вук, српски рјечник, ст. 792.

родоначальника, праотца, старшаго члена семейства. У сосѣдовъ нашихъ, Литовцевъ, употребляются *senutis* дѣдъ, *senutté* бабка отъ *senas* старшій: это слово, значенія семейнаго, у Бургундовъ получило уже смыслъ жреца и начальника: *sacerdos apud Burgundios omnium maximus vocatur sinistus, et est perpetuus, obnoxius discriminibus nullis, ut reges, Ammian. Marcell. 28, 5.* И дѣйствительно у Ул. мы находимъ *sinista* для *πρεσβύτερος*, въ О. Е. соответственно тому: старецъ, напр. *Мат. 27, 1, 3; Мр. 8, 31.* Презвутерь же встрѣчается только въ мѣсяцесловѣ, а не въ текстѣ. При всемъ согласіи текстовъ славянскаго и готскаго въ этомъ случаѣ, нельзя однако же не замѣтить, что въ славянскомъ текстѣ съ очевидною ясностію дается большее значеніе старшшинству, нежели въ готскомъ: старшшинствомъ у насъ означалась всякая власть и первенство: Константинъ Багрянородный начальниковъ славянскихъ называетъ *ζουπάνους γέροντας*, *de adm. imp. гл. 29.* Тамъ гдѣ Ул. употребляетъ *первый, лучший*, тамъ у насъ *старшій, старшшина*: аще кто хочетъ старши быти да бѣдетъ вѣстѣхъ мѣнии, *Мр. 9, 35*; у Ул. *jabai vas vili frumists visan. sijai allaize astumists: frumists* превосходная степень отъ *frums* первый, и совершенно соответствуетъ въ греч. текстѣ слову *πρῶτος*. Точно также *Мр. 6, 21*: старшшинамъ галилеискамъ, *τοῖς πρῶτοις τῆς Γαλιλαίας*, у Ул. опять *řaim frumistam galeilaias*, у Tatian. *Harm. Ev: furiston Galileae.* Въ О. Е. старши людштии, въ др. нѣм. *Ев. VIII v. furistun dero liuteo, Мат. 26, 3.*

Отсюда мы убеждаемся, что во время перевода Св. Писанія понятія о бытѣ семейномъ были свѣжѣ въ памяти Славянъ, нежели Нѣмцевъ, и даже Готевъ IV в. Владыка семьи и старѣйшина имѣли самостоятельное значеніе и только примѣнялись къ понятіямъ власти общественной и религіозной. Даже самое слово князь, столь роднящее насъ съ Нѣмцами, въ славянскихъ переводахъ, подобно владыкѣ и старѣйшинѣ, имѣетъ значеніе, не только гражданское, но и религіозное: такъ архиереи въ О. Е. Ю. 12, 10, въ чешск. отрывкѣ X в. переводится: *spaezi popsi*, а въ чешск. Ев. XIV в. *kniezátá porová*. Слѣдовательно отъ древнихъ временъ у Поляковъ и Чеховъ князь получаетъ значеніе и священника, и мірскаго владѣтеля. По-лит. *kunig's* не только господинъ вообще, но и духовный сановникъ, а *kunigene* поподья; латышс. *basnizas kungs* или *basnikungs* священникъ. Очевидно, что у Славянъ и Литвы самостоятельно опредѣлилось значеніе князя.

Старѣйшина отличался умомъ и познаніями: потому уже въ глубокой древности нравственная сила человѣка облеклась властію политическою. Уже самое соединеніе власти духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ предполагало въ немъ власть, зависящую отъ силы нравственной. И если еще припомнимъ, что всякое искусство и знаніе приписывались силѣ высшей, божественной: то нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ властителя соединялись и жрецъ, и судья, и поэтъ, и предводитель, и мудрецъ: по древ-

нечешскому преданію у героя и властителя Чеховъ, Крока, были три дочери: одна была княжною, и управляла народомъ послѣ отца, другая знала силы природы и обладала тайнами врачебнаго искусства, а третья была жрица, хранительница религіозныхъ обрядовъ. Такъ выразилось въ эпическомъ преданіи сознание народа о родствѣ власти политической съ властію нравственной. И какъ съ одной стороны, по нисходящей линіи, герои были родоначальниками рода и старѣйшинами семьи, такъ, съ другой стороны, по восходящей линіи, они восходили своимъ происхожденіемъ къ темнымъ временамъ мифологическимъ, были потомками боговъ: такъ что въ преданіи о герояхъ народъ выразилъ сознание о родствѣ человека съ богами. И какъ сынъ есть подобіе отца (слич. др. нѣм. авагâ образъ и аваго дѣтя), такъ и въ героѣ являлось божество воплощеннымъ.

Обратимся къ языку. Древнѣйшее понятіе о героѣ, соединившемъ въ себѣ власть политическую со всякимъ нравственнымъ авторитетомъ, выразилось въ словѣ *vitalis*, *vilis*. Понятіе о старѣйшинѣ и предкѣ является въ арг. *vita* *), не только *sapiens*, но и *procer*, *optimas*: *on gemôte vitena—in conventu seniorum*, въ переводѣ *hist. eccl. Bed.*, 3 5. Какъ скар. *сѹрас* перешло въ русское суръ—молодецъ, си-

*) R. D. A. 266.

лать, и какъ скр. vîra герой имѣеть при себѣ глаголь vîr fortem esse, откуда лат. vir, got. vaîr, лит. vygas, т. е. vir fortis, и какъ гр. ἄρως имѣеть при себѣ Ἄρως и даже Ἄρης такъ и витязь, по преимуществу у западныхъ Славянъ, получилъ смыслъ сильнаго человѣка, побѣдителя *), богатыря. Въ этомъ смыслѣ извѣстны были витязи Адаму Бременскому подъ формою Withingi: „ipsi enim piratae, quos illi Withingos appellant, nostri Ascomannos, regi Danico tributum solvunt, ut liceat eis praedam exercere a barbaris, qui circa hoc mare plurimi abundant.“ Въ этомъ же значеніи встрѣчаемъ мы и у Византійцевъ βιτέγιδες **). Значеніе суффикса -азь, -ing указываетъ намъ, почему withingi есть уже названіе народа. Какъ гр. ἀρετή (еще неизвѣстное Гомеру въ смыслѣ нравственнаго понятія добродѣтели) и лат. virtus соединяютъ въ себѣ значенія силы физической и достоинства нравственнаго: такъ у всѣхъ Славянъ, равно какъ и Нѣмцевъ, звукъ вит-производитъ отъ себя слова, означающія силу духа человѣческаго, проявляющуюся въ высшихъ нравственныхъ подвигахъ, какъ: поэтическое творчество, гаданіе и чародѣйство, знаніе и врачеваніе, судъ и расправа:—а именно:

1. вѣтскъи въ Glag. Cloz. употребляется для гр. μωδσκῶς: „аште лі вѣтскъи се а не вѣрно сльшши“

*) Шаар. Slow. Starož. 349 — 359.

**) Ducange, Glos. med. graec.

ши,“ *si vero fabulose hoc, et non fidei-gratia audis.* Отсюда предполагается, что корень *вѣтъ* будетъ соответствовать гр-у *μῦθος*. Въ XII в. поэтъ у насъ назывался *вѣтїа*: „якоже историци и вѣтїа, рекше летописьци и пѣснотворци“—говоритъ Кирилль Туровск. Пам. XII в. 74. Отсюда объясняется эпитетъ *Вояну* въ *Словѣ о Ц. И.* — именно *вѣщїй*. Такъ всегда въ старину эпитетъ былъ не одной только прикрасою: а находился въ ближайшемъ, внутреннемъ соотношенїи съ самимъ предметомъ.

2. такъ какъ поэтъ былъ и вообще мудрецомъ, то и эпитетъ *вѣщїй* могъ имѣть значенїе обширнѣйшее: отсюда *вѣщїй* *Олегу*, т. е. мудрый, хитрый. Слн. *vitkr* значить *magus, vates*. Согласно съ этимъ *вѣщїе* употреблялось у насъ въ старину въ смыслѣ колдовства, Карамз. И. Г. Р. 1. пр. 506. Въ глоссахъ *Mat. verb.*: *veschi* (*вѣщбы*) *vaticinia, roetragum saginina*. Отъ сербск. *vjenit* *вѣщїй*, т. е. умный, происходятъ: *vjештина* *знанїе, умѣнїе, и вѣщтац, вѣщтинца* *колдушь и колдунья*.

3. врачеванїе было не разлучно съ заговариванїемъ и колдовствомъ: и всѣ народы убѣждены въ силѣ слова человѣческаго, излѣчающаго недуги: потому весьма естественно употребленїе областного (*въ Вологодск. губерніи*) *вещетиннѣ* въ смыслѣ *лѣкарства*. И на оборотъ въ старину врачевать имѣло смыслѣ колдовать: „мы *уврачеваемъ*, яко твое *одолѣнїе* будетъ. той же синклитъ со *единомышленными*

врачеваніемъ нача ложное царю глаголати“ *). Остромирову врачъ, *iatrós*, соответствуетъ у Ул. *leikeis*, т. е. наше лѣкаръ, переходящее въ нѣм. нарѣчіяхъ въ значеніе колдуна: равно какъ и врачъ у Славянъ ходитъ и въ смыслѣ колдуна. Власть и сила врача выражаются древнеславянскимъ словомъ *балій*, встрѣчающимся уже въ Фрейзинг. рукописи: *bali telez passih*, *balouvanige*. Шафарикъ **) слово *балій* производитъ отъ *баять*, какъ врачъ отъ *врать*: послѣдняго производства держится и Шимкевичъ ***). Но отъ позднѣйшаго значенія глагола нѣтъ возможности объяснить древній смыслъ существительнаго *врачь*, уже въ О. Е. употребляющагося. Еще Линде ****) указалъ на сродство звуковъ *б* и *в*, напр. въ словахъ *бой* и *вой-на*; отъ скр. *бала* сила образовались лат. *valor*, *valeo*, и наши *болій*, *велій*; въ самомъ санскритѣ *б* и *в* чередуются, напр. *балг* и *валг*. Слѣдовательно нѣтъ препятствія возвести наше *врачь* къ его первоначальному значенію въ скр. *бру* говорить, откуда въ кельт. нарѣчіяхъ *brí* слово, а *brudiwr* предсказатель, пророкъ: послѣднее значеніе приближается къ нашему *врачь*. Касательно же слова *балій* надобно замѣтить, что если это слово происходитъ отъ ба-

*) Москвитян. 1844, N 1, стр. 247, 249.

**) Статья о гортанныхъ звукахъ въ *Časop. Česk. Mus.* 1847, N 1, стр. 48.

***) Корнесловъ 1, 33.

****) *Slown. jęz. polsk.* 1, Этимол. прав. § 16.

ять, то предполагаетъ древнѣйшую форму ба-ти, какъ дѣ-ло, дѣ-ти, и будетъ относиться къ скр. *bā ar-ragere*, теряющему придыханіе въ нашеть ба, и удерживающему его въ лат. *fagi* и гр. *φαγνι*. Другая только по звуку близкая къ слову балій, скр. форма: бал *sustentare, nutrire*, черезъ бѣла дитя, т. е. питаемое, подлежащее заботѣ, откуда бѣля *infantia, pueritia, insania, stultitia*, — производитъ наше баловать, смыслъ коего и въ дѣйств. значеніи и въ среднемъ согласуется съ этимъ производствомъ.

4. какъ готѣское *marþl* означаетъ и рѣчь и *ἀγορά*, такъ и наше вѣче, совершенно соотвѣтствующее готѣскому *marþl*, означаетъ и то и другое. И какъ гот. *fauga-marþleis* собственно судья, такъ и слав. витязь могло имѣть это значеніе, что видно въ Судѣ Любуши, изъ словъ *vyučeně věščbam vitezovym—edoc-tae scientias judiciales*. Тавтологія этого выраженія еще болѣе убѣждаетъ насъ, что Славяне корню вит, вѣт давали значеніе суда и правды. Точно также и у Нѣмцевъ *wetzig* значить *judex*. Такимъ образомъ находимъ и у насъ такую же связь поэзіи и знанія съ закономъ и судебнымъ изрѣченіемъ; какъ и въ лат. *carmen*, напр. у Ливія 1, 10 *lex horrendi carminis*; 1, 13 *verba carminis*; 3, 32 *rogationis carmen* *).

*) *Zeitschr. f. geschichtl. Rechtswis. herausg. v. Savigny, etc.* 1816, 2, статья Гримма: *von der Poesie im Recht.*

б. какъ у Нѣмцевъ *vita* былъ вообще чловѣкъ разумный и почтенный, имѣвшій доступъ къ особѣ короля *): такъ и у насъ, вѣроятно, съ понятіемъ витскаго или вицкаго соединялись не только нравственные достоинства и даръ слова, но и нѣкоторыя почести: „въ то же лѣто присла король Угорьскый *вицкаго*, река: пойми дочеръ ми за сына своего Два.“ Ипат. 185.

Какъ разумъ и даръ слова атрибуты власти и силы, такъ соответствующій языку органъ, слухъ и оттуда послушаніе — принадлежность того, кто обязанъ повиноваться: отъ корня *слу*, скр. *сру*—слушать, съ суффиксомъ -га (идуцій), образуется наше слуга, т. е. спѣшацій, готовый исполнить, что слышитъ, что ему говорятъ **). Значеніе раба это слово не могло имѣть; но, подобно родственному съ нимъ и по значенію, и по звукамъ лат. слову *cliens* (*cluens*, *cluere*, *ἔκλυον*: скр. *сру*, наше *слу*=*clu*), могло образоваться изъ понятій объ отношеніи челядинцевъ къ домовладыкѣ. Переводчики Св. Писанія употребляютъ слуга, служба служить, безъ различія, для выраженія всякой обязанности, не только религіозной, но и общественной; и такимъ образомъ этими словами сглаживаютъ въ славянскомъ текстѣ слѣды прежней жизни, какъ гражданской, такъ и рели-

*) D. R. A. 267.

**) Юнгманъ это слово почему-то сличаетъ съ нѣм. *Schalk*.

гюзной: между тѣмъ какъ у Ульфины имъ соответствують съ одной стороны слова, намекающія на устройство гражданское, а съ другой имѣющія смыслъ мѣологическій; и, что еще замѣчательнѣе, въ древн. нѣм. переводахъ мѣологическій намекъ Ульфины переводится терминомъ значенія гражданского: равно какъ и у Ульфины иногда смѣшивается и то и другое. Наши переводчики облегчили себѣ трудъ въ этомъ случаѣ, постоянно употребляя одно и тоже слово, получившее отъ того характеръ болѣе отвлеченный. А именно:

1. πάντῳ δίακονος, всѣмъ слуга, Мр. 9, 35, у Ул. allaim andbahts. — ἀποδοῦς τῷ ὑπηρετῇ, въдавъ слузѣ, Лук. 4, 20, у Ул. andbahta. Гот. andbahts извѣстно было и Римлянамъ въ формѣ ambactus за слово гальскаго происхожденія, хотя и производимое Скалигеромъ отъ лат. ambigere. См. Caesar de B. G. 6, 15. Въ салич. законахъ читаемъ: nam si in dominica ambasia (in jussione regia) fuerit occupatus, manere non potest, 1, 4, ambasia вмѣсто ambascia. Не будемъ рѣшать спора, кому это слово принадлежитъ первоначально, Галламъ или Готтамъ *). Для насъ гораздо важнѣе измѣненіе его между нѣмецкими племенами: др. нѣм. amraht, арг. anbiht, скн. ambátt, дат. embedet такъ что послѣдовательный пе-

*) Diez, Gram. d. roman. spr. 1836, 1, 24—25. — Das alte Recht d. Salischen Franken, v. Waitz, 1846, стр. 279.

реходъ не представляет затрудненія въ нашемъ ябедникъ видѣть гот. andbahts, и тѣмъ болѣе въ Рус. Пр. ябетникъ, въ коемъ звукъ *т* еще свидѣтельствуешь о древнѣйшей формѣ: нынѣшній же ябедникъ ведетъ свою исторію уже отъ искаженной формы, ябеда, согласной по звуку *д* съ дат. embede. Какъ ябетникъ отъ слуги дошелъ до сана челоуѣка, облеченнаго властію судебною, такъ и древнерусскій тиунъ или тивунъ у Ул. является въ формѣ *rius* и въ значеніи *δικητης*, въ О. Е. рабъ, Лук. 16, 13. Какъ ябетникъ перешелъ къ намъ не прямо отъ Готтовъ, но черезъ племена съверныхъ, такъ и тиунъ, что доказывается скн-мъ *riou servus*, объясняющимъ и въ нашемъ тиунъ; касательно же формы тивунъ, слѣдуетъ замѣтить, что она хотя объясняется и языкомъ славянскимъ, однако для подкрѣпленія сродства обратимъ вниманіе на род. падежъ гот-го *rius*, *riuis*. Вотъ что Бутковъ *) говоритъ о тивунѣ: „если и теперь въ финскомъ языкѣ *tuomio* означаетъ публичное судилище, *tuomagi* — публичнаго земскаго судью; то же, что у Шведовъ *dom*, *domare*; то изъ самаго русскаго произношенія явствуетъ, что има тиуна, тивуна, тивона, ближе согласуется съ туоменомъ чудскимъ.“ Но слово родственное финскому *tuomio* у насъ существуетъ, и притомъ въ формѣ болѣе чистой, именно дум-ать, дума, которое еще въ гот. языкѣ находитъ себѣ родное *dōmjan dikasōv*,

*) О финск. слов. въ рус. яз. стр. 47.

датель, колдунъ, происходитъ отъ deews богъ. в) λα-
τρείαу, служеніе, Посл. къ Рим. 12, 1, у Ул. blōti-
passu. Для объясненія этого мѣста слѣдуетъ взять
въ соображеніе въ О. Е. Іо. 9, 31 богочтыць, Θεο-
σεβής, у Ул. gudblōstreis, откуда предполагается сущ.
blōstr (cultus, oblatio), соответствующее нашему слу-
женію, въ смыслѣ почитанія; языческое значеніе это-
го слова видно въ Еддѣ: Thór blóta, mik blóta, bló-
tadi Ódin, въ древн. шв. blótkarl языческій жрецъ.

3. какъ Ульфила, такъ и др. нѣм. переводы смѣ-
шиваютъ термины миеологическіе съ понятіями жи-
зни общественной, тамъ, гдѣ въ О. Е. мысль выра-
жена отвлеченнымъ понятіемъ службы: αἱ ἡμέραι
τῆς λειτουργίας αὐτοῦ, дни службы его, Лук. 1,
23. Ул. довольствуется словомъ andbahteis, тогда какъ
выше, о томъ же самомъ предметѣ выражается ми-
еологическимъ терминомъ gudjinoda, gudjinassus, Лук.
1. 8, 9. Точно такую же замѣну находимъ мы въ
Tat. Harin. Ev.: ambaht bringan соответствуетъ миео-
логическому выраженію Ульфилы: hunsla saljan, т. е.
службѣ приносить, какъ въ О. Е. Іо. 16, 2. Такъ
сталкивались разнородныя понятія, утрачивая свою
прежнюю цѣнность, и какъ бы сглаживали съ себя
слѣды впечатлѣній дѣйствительности, равнодушно
замѣняя другъ друга. Такой борьбы понятій слав.
переводъ Св. Писанія не предлагаетъ, возводя раз-
нообразіе жизни къ общему понятію о служеніи.

4. въ слѣдствіе того служеніе и служба легко
могли замѣняться грецизмомъ: ибо сочувствіе съ дѣй-

ствительностию было уже нарушено и безъ того, а отвлеченность легко выражается и чужеземнымъ словомъ: *χατὰ τὸ ἔθος τῆς ἱερταίας*, по обычаю перенескуму, Лук. 1, 9, у Ул. *gudjinassaus*, Tat. Hartm. Ev. *efter giuuoou thes biscofheites*.

8. РАЗШИРЕНИЕ ДОМАШНЯГО КРУГА ВОЗВРЪННІЙ ВЪ ЯЗЫКЪ.

Вторженіе чуждаго племени нарушаетъ тишину и порядокъ семейныхъ и родовыхъ отношеній. Столкновеніе народовъ въ доисторическую эпоху остается памятно народу только въ эпическихъ преданіяхъ и въ языкъ: къ порядку же общественному, выработавшемуся въ слѣдствіе борьбы съ чуждыми племенами, народъ привыкаетъ, какъ къ своей наследственной собственности. Понятіе о жизни государственной и народъ, какъ собраніи лицъ одного рода и племени, не могло образоваться мимо вліянія чуждыхъ племенъ и народовъ. Исторія славянскаго языка положительно указываетъ, что прямо изъ жизни семейной и отношеній, сію опредѣляемыхъ, нельзя вывести всего многосложнаго устройства государственнаго, не предпославъ чуждаго вліянія въ образованіи понятій общежительныхъ и государственныхъ въ языкъ Св. Писанія. Древнѣйшимъ слоемъ языка конечно должно признать слова, выражающія бытъ семейный и родовой: потому онѣ и стоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ санскритомъ. Но за нимъ надобно признать вторымъ, позднѣйшимъ, образовавшимся въ періодъ доисторическаго сближенія племенъ: слой

племенной. Воспоминанія о древнѣйшихъ врагахъ одѣваетъ фантазія народа мюнхскими красками. Все стародавнее будто уходитъ въ какой-то сумракъ, и раздражаетъ воображеніе чудесными очертаніями. И какъ прады кажутся героями полубогами, такъ и стародавніе враги, сохранившіе по себѣ темные слѣды въ памяти народной, по мѣрѣ своего удаленія въ вѣка прошедшіе, все болѣе и болѣе вырастаютъ въ фантазіи народа, и становятся гигантами, хотя и людьми, но необычайными для людей обыкновенныхъ. Темная старина становится содержаніемъ народнаго эпоса, и тѣмъ уже опредѣляетъ въ немъ необходимость чудеснаго; старина въ особенности своими чудесами и живетъ въ памяти народа. Слово еще глубже проникаетъ въ отдаленныя времена, и, служа оболочкою мифа, носитъ на себѣ слѣды эпическаго представленія. Великанъ, существо сверхъестественное, носитъ названіе чуждаго народа, съ которымъ во времена доисторическія входилъ языкъ въ соотношеніе. Наши Венды были уже врагами Одиу, съ которымъ вели долгую войну: память о нихъ сохранилась въ Эддѣ, гдѣ они извѣстны подъ именемъ Вановъ, полубожественныхъ существъ. Славяне Анты были уже извѣстны Англосаксамъ какъ великаны: *ang. ent великанъ: Hercol se ent, Hercules gigas*, Алфр. переводъ Орозія. Такъ и у насъ чужіе народы дали свое названіе великанамъ: 1) Обръ, чеш. *obr*, др. пол. *obrzum*, луж. *hobog*, какъ названіе великана, совершенно согласуется съ эпическимъ преданіемъ у Нестора о сильныхъ и

гордыхъ Обрахъ, творившихъ насиліе Славянамъ: такъ что слова его могутъ служить поясненіемъ тому, какъ и въ языкъ, и въ народныхъ мѣсахъ враги являются въ видъ великановъ: „быша бо Обръвъ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, попрона вси, и не остана ни единъ Обръинъ; есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обръ. ихъ же нѣсть племени, ни наследка.“ Лавр. 5. Народъ погибъ, но притча, т. е. преданіе эпическое, зачатливое въ языкъ словомъ Обръ-великанъ, осталась въ народъ. — Отсутствіе носоваго звука и особенно въ древн. польскомъ, именно въ Псалт. Королевы Маргариты: *obrzim* (а не *zbr-*) препятствуетъ сближать это слово съ кельтскимъ *anbro* (воицъ), какъ это сдѣлалъ Шафарикъ *). Въ одномъ древненѣм. преданіи упоминается *avag-великанъ* **) Скорѣе сближается обръ съ гот. *abrs* сильный, агс. *aba* сила: переходъ нѣм-го *a* въ слав. *o* случается, напр. гот. *aga*, скн. *agi*, др. нѣм. *ag*—орель. 2) Исполнѣ, и безъ приставнаго *и*: *сполинѣ*, какъ въ др. сербск. 1495 года, и въ др. булг. Псалт. 1577 г. върадуѣетъ се яко *сполинѣ* тещи путь, Пс. 18, 6. Въ словъ *сполинѣ* сохранилась память о воинственномъ народѣ, именемъ *Спалеи* или *Спалн*, племени скинскаго или чудскаго, жившемъ между Дономъ и Волгою, и въ концѣ II-го вѣка столкнувшемся съ

*) Slow. Staroż. 316 — 318.

**) D. M. 269.

Готами при Черномъ морѣ *). 3) Щудъ, въ смыслѣ великана и чудовища: Еандр. 5, 8: жены болванья породятъ щуда. Если взять въ соображеніе переходъ ск въ щ и ч, напр. *skig*, ширь, чирь; *scutum* щить: то щудъ окажется измѣненной славянской формою имени народа *Σκύθης*, *Skytha*; и какъ щ сокращается въ ч, такъ и щудъ переходитъ въ чудъ, имя народа Чуди, откуда чудо, чудитиса. Отсутствіе этихъ словъ у Чеховъ, Лужичанъ и Полабцевъ, какъ племень отдаленнѣйшихъ отъ Чуди, служить немаловажнымъ свидѣтельствомъ происхожденію слова Щудъ. Въ О. Е. уже только въ общемъ понятіи *divy* чудитиса, чудо, чудеса. Но какъ щуръ освобождаетъ к изъ щ въ корь: свекорь; такъ и щудъ, чудес-а является въ формѣ древнѣйшей, въ словѣ кудес-никъ, и въ значеніи чисто миеологическомъ **). Для объясненія миеологическаго смысла въ словахъ: щудъ, чудитиса, обратимъ вниманіе на миеологическое существо дивъ, напр. въ Сл. о П. И. „дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемъ,“—и въ сербск. пѣснѣ, Юван и дивски старѣшина, собр. Вук. Стеф. Кар. изд. 2, кн. 2, N 8, гдѣ дивы являются оверхъестественными чудовищами, можетъ быть великанами. Какъ дивъ имѣетъ при себѣ диво и дивиться, такъ и щудъ—чу-

*) Шафар. *Slow. Starož.* 263 — 264.

***) Шафарика статья о горланнѣхъ звукахъ въ *Časop. Česk. mus.* 1847, 1, стр. 54.

до и чудится: съ тѣмъ только различіемъ, что последнее образовалось исторически, въ слѣдствіе сближенія Славянъ съ племенами скинскими; первое же искони принадлежало Славянамъ, какъ отрасли языковъ индоевропейскихъ: какъ скр. див свѣтитъ, черезъ миеологическое давъ, переходитъ къ дивиться: такъ и слав. зарь, свѣтъ, по тому же соответствію ощущенія предмету ощущаемому, имѣеть при себѣ зръть, т. е. видѣть.

Какъ народы, съ коими Славяне познакомились уже впоследствии и короче, не могли казаться существами необыкновенными, и не вошли въ народный міръ въ видѣ героев-великановъ; такъ и языкъ, согласно съ фантазією народа, созналъ ихъ только какъ нечто чуждое, народу непринадлежащее. Въ О. Е. ἀλλότριος переводится не только формою: шужь, шуждии, но и древнѣйшею: тужднн, л. 72. Это слово правильно проходитъ всѣ славянскія нарѣчія, по закону, измѣняя т въ щ, ч, ц, и д въ жд, ж, дз, з; а именно: срб. тудь, (хрв. туји) ц. с. шуждъ, р. чужой, пол. cudzy, луж. cuzzi, др. чеш. cuzi. Этимъ словомъ Славяне сознали свое отношеніе къ Нѣмцамъ, ибо въ первичной своей формѣ, *тудь*, оно прямо происходитъ отъ гот. *riuda* народъ, скв. *riod*, агс. *reod*, др. нѣм. *diot*: откуда г. *riudiskō* ἑθνηῶς, въ памятникахъ IX в. *theodiscus* не только въ смыслѣ нѣмецкаго, но и варварскаго. Литовцы нѣмецкую землю называютъ *tautà*. Вѣроятно въ

нѣм. *riuda* надобно искать происхожденіе слову *tot*, коимъ Венгры называютъ Славянъ *).

Память о другомъ древнѣйшемъ народѣ, именно Волохахъ, сохранилась въ глаголь вльснати (*balbutire* ψαλλίζειν), въ *Clag. Claz.*: и языци вльснати научатся глати миръ, *Isaia* 29; 24; въ испр.: и языци нѣмотствующи научатся глати миръ. А Готы и Англосаксы на оборотъ отъ Славянина образовали глаголы *slavan*, *slavian* для означенія молчанія, σιωπᾶν, и съ приставками: *ana-slavan*, *ga-slavan*. Такъ негостеприимно отразились въ языкъ первыя встрѣчи народовъ и племень другъ съ другомъ **).

По мѣрѣ знакомства съ другими народами, расширяется понятіе о вселенной. Это особенно явствуется въ лит. языкѣ, въ коемъ понятіе о свѣтѣ, т. е. мѣрѣ, соединяется съ понятіемъ чужестраннаго, чужаго, а именно: *swėtas* мѣрѣ, сборище; *swėlīmas* чужестранецъ, *sweczias* гость, *swettur* чужая страна. Такъ трудно отдѣлиться языку отъ своихъ домашнихъ впечатлѣній, что онъ иногда всеобщее охотнѣе приметъ за чуждое своему домашнему, нежели распространить свое домашнее, семейное до необъятнаго круга всечеловѣческаго. Такъ въ О. Б. употребляетъ

*) Третье издан. Грим. *Deutsch. Gram.* I, 12 — 20.

**) С. П. Шевыр. *Ист. Рус. Слов.* выпускъ I, стр. 109.

ся слово *страна*, отъ скр. стрн и нашего стер-ти, и притомъ слово древнѣйшаго образованія, о чемъ свѣдѣтельствуесть форма причастія -на, такъ что звукъ *n* уже въ лат. *stern-po* вошелъ въ самый глаголь, подобно нашему глаголу стану отъ стать, откуда причастная форма станъ. Наша совершенная форма глагола въ образованіи словъ равнозначительна формѣ прошедшаго времени; такъ что нашему с-н-уть, сп-н-уть соотвѣтствуютъ существительныя, какъ бы въ формѣ причастій: скр. *swan-na* сонъ отъ *swan* спать, гр. ὑπ-νος, л. *som-nus*, лит. *sár-pas*, скн. *svēf-n*: и такъ древнѣйшему и по корню, и по суффиксу слову *страна* въ греч. тексѣ соотвѣтствуетъ *χώρα*, у Ул. не только *land*, но и *gavi*, напр. бысть гладь крѣпкъ на странѣ той, Лук. 15, 14. у Ул. *varþ hufnus abrs and gavi jainata*. Гот. *gavi* стольже глубоко коренится въ языкахъ индоевропейской отрасли, какъ и наше страна. Скр. *gò* имѣеть два значенія: земля и быкъ; откуда въ келт. образуются два сродныя слова: *gé* земля и *gath* быкъ; въ гот. только въ смыслѣ земли *gavi* (сл. гр. γαιᾶ), коему соотвѣтствуетъ скр. *гава* быкъ, употребляющееся только въ сложении, напр. *пун-гава* быкъ, отсюда наше старинное *гова-до*, у Литовцевъ уже потерявшее свой первобытный смыслъ: *gowėdà* по-лит, значитъ множество, толпа, и весьма мало уже употребляется, только въ некоторыхъ обычныхъ выраженіяхъ. Шафарикъ *)

*) Сазор. *Česk. Muv.* 1847, I, стр. 42.

говядо производить отъ гонти (zapate) черезъ говѣти, сближая гонти, говѣти, говядо съ жити (ниж. луж. žisch zapagi), живити, живинче (pecus), или наше животы въ смыслѣ скота. Но скр., кельт., гот. формы исторгають это слово изъ предѣловъ домашняго его образованія. — Тогда какъ гот. gavi означаетъ домашнюю собственность, наше страна, уже въ О. Е. употребляющееся и въ смыслѣ посторонняго напр. одеснѣнъ страна *εις τὰ δεξιά μέρη*, л. 209, производить отъ себя прилаг. страннѣν *ξένος*, которое стоитъ къ страна въ такомъ же отношеніи, какъ лит. *swėtinas* къ *swėtas*. Такъ неподатливъ языкъ къ составленію словъ, имѣющихъ смыслъ общечеловѣческаго, что даже названіе области или страны, въ противоположность дому и семьѣ, производить отъ себя значеніе странника, сторонняго.

Если же языкъ образуетъ въ древнѣйшую пору своей исторіи слова для понятія о всемъ мірѣ; то въ этомъ случаѣ руководствуется тѣмъ же ограниченнымъ кругомъ зрѣнія, какой заставляетъ дѣтей ограничивать весь міръ небосклономъ, окружающимъ ихъ родину. Скр. мад'ялмалока, состоящее изъ мад'яма *medius* и лока *tundus*, т. е. земля, едвали потому только такъ называется, что находится, по вѣрованію, между небомъ и адомъ, какъ объясняетъ Боппъ; но, вѣроятно, вмѣстѣ съ гот. *midjun-gards* т. е. *media domus*, *medius hortus*, коему въ О. Е. соответствуетъ вселяная, *οἰκουμένη*, скн. *midgardr*, — это скр. слово вполне выражаетъ наивное впечатлѣніе чловѣка, смотрящаго на весь міръ съ порога сво-

его роднаго дома. Самый языкъ могъ дать въ послѣдствіи поводъ къ миеологическимъ образамъ и толкованію, имъ соответствующему. Слѣдовательно если названіе домашняго порядка или даже самаго дома возвышается до понятія о вселенной: то не надобно думать, чтобы этимъ народъ равнодушно мѣнялъ свой родной кровъ на чужое жилище и становился безпристрастенъ къ родинѣ, находя ее вездѣ: напротивъ того онъ только ограничивалъ для себя весь міръ тѣснымъ кругомъ своихъ домашнихъ отношеній. Это ясно свидѣтельствуетъ намъ скн. *heimr*, собственно означающее родину, домашній кровъ, что видно изъ словъ *heiman* изъ дому, *heim* домой, *heima* взять кого въ домъ, *heimskr* глупый, т. е. домосѣдъ: и потомъ разширяющее свое значеніе до вселенной, и *heimskringla* зн. *orbis terrarum*. Скн. *heimr* одного происхожденія съ *himinn*, *himil*, точно также какъ наше свѣтъ означаетъ вселенную и вмѣствъ прозрачную атмосферу. Любовь къ родинѣ, одно изъ первоначальныхъ благороднѣйшихъ чувствъ возникающаго народа, со всею теплотою и воодушевленіемъ выражается въ языкъ, что особенно видно въ слѣд. скн. формахъ *): *munr* собственно значить радость, а потомъ жилище, домъ; также *upa* первоначально радоваться, а потомъ жить: *munarheimr*, *uparheimr* (*minnenheim*) собственно значать жилище радости и веселья, но употребляются въ смыслѣ дома, родины, домашняго крова.

*) *Lieder d. alt. Edda*, стр. 182—184.

Въ О. Е. миръ имѣеть два значенія: *ѡрѣнѣ* и *хѡ-
мѡс*; первое есть собственное, всеми славянскими пле-
менами признанное значеніе; второе вышло изъ пер-
ваго, какъ распространеніе его, можетъ быть выз-
ванное переводомъ Св. Писанія, и невошедшее во
всеобщее, единоголасное употребленіе между Сла-
вянами: не нужно, и доказывать, что различное на-
чертаніе этого слова для двухъ различныхъ значе-
ній есть случайное дѣло позднѣйшихъ грамотниковъ.
Происхожденіе слову и начальное его употребленіе
слѣдуетъ открыть въ первомъ его значеніи. Какъ
пиръ происходитъ отъ пи-ть, и сознаніе этого про-
исхожденія мы находимъ уже въ древнѣйшемъ язы-
кѣ: напр. въ пск. грам. *) лица на пиру именуется
пльцами, а глава пира, староста пиревой, гоударь
пиревой: такъ и миръ предполагаетъ себѣ корень
ми, который дѣйствительно и находимъ въ скр. *мѣ*
идти, по Боппу, сродный съ *мѣ* не только мѣрять,
но и идти, слѣдовательно ходомъ, движеніемъ из-
мѣрять. Отъ первоначальнаго ми образуется наша
совершенная форма на -ну: ми-ну: слѣдовательно миръ;
мимо санскрита, въ нѣдрахъ своего языка находятъ
сознаніе своему происхожденію. Гот. языкъ сочув-
ствуетъ основному значенію нашего миръ: *у* Ул. ему
соответствуетъ, въ первоначальномъ значеніи, то
есть, какъ *ѡрѣнѣ*, — *gawairpi*, во всей ясности про-
изводная форма отъ глагола *wairpan* идти, бывать,

*) Изд. Мурзакевичемъ, стр. 6.

случаться. Следовательно г. *gawairí*, по своему происхождению, выражает ту же мысль, что и наше *миръ*, и объясняет его производство: одно и то же воззрѣніе вызвало и то и другое слово: понятіе о *сходкѣ*, о *сборищѣ*, весьма естественно вытекаетъ изъ основнаго значенія слова *миръ*, предполагая коренной глаголь *ми-идти*. Какъ *скр. mā* заключаетъ въ себѣ значеніе *мъры*, такъ и у Славянъ *миръ* сближается своею формою съ *мъра*, напр. у Лужичанъ: *mèg рах*, *mèga modus*, соединяющіяся, или смѣшивающіяся въ прилаг. *mèrny*. Какъ лит. *mé-tas годъ* родственно по происхожденію съ нашимъ *миръ*, ибо время измѣряется движеніемъ: такъ въ др. нѣм. памятникахъ въ значеніи *міра* или вселенной употребляется *wëralt*, т. е. *werò alt—virorum aetas*. — Для точнѣйшаго опредѣленія значенія слова *миръ*, слѣдуетъ обратить вниманіе на соответствующій ему порядокъ словъ, хотя сходныхъ по воззрѣнію, но значенія болѣе матеріальнаго, именно: *тварь*, *творъ*, *створеніе*. Какъ *миръ* происходитъ отъ *ми—иду*, такъ и *тварь*, *творити*, первоначально имѣетъ тоже значеніе въ *скр. твар иди*, *поспѣшать*; какъ понятіе о *ходѣ* и *движеніи* опредѣляетъ смыслъ *мъры*, такъ и *тварь* употребляется въ значеніи *фигуры*, *очертанія*, и потомъ *лица*, *животнаго*, и т. д.; и наконецъ луж. *stworéne* значить *міръ*, *вселенная*. Родство воззрѣній санскрита въ образованіи словъ *миръ*, *мъра*, *творъ*, *тварь*, *створеніе*— снова возникаетъ въ эпической формѣ Эдды: *miötudr creator*, собственно же *tensor*, *moderator*, *измѣритель*, *примиритель*. Это воз-

зрѣніе перешло и къ др. нѣм. поэтажъ, употребляющимъ *mezzen* для означенія мѣры и согласія въ твореніи.

Нравственное понятіе мира выступаетъ въ его юридическомъ значеніи *). Единогласіе въ общественныхъ дѣлахъ рода и племени зависитъ отъ мира: потому и судятъ и рядятъ миромъ. Въ XIII в. миръ имѣетъ уже значеніе пошлины, какъ дѣла мирскаго, общественнаго: *tributum quod mir vocatur et alias exactiones que terre incolis inferri consueverunt **).* Понятіе общенія, заключающееся въ словѣ миръ, да-ло возможность переводчикамъ Св. Писанія употребить его въ смыслъ *κόσμος*. Ул. для этого значенія употребляетъ иныя слова, нежели для *ἀρχή*, а именно: *manasērs*, состоящее изъ *mana* *vir* и *vērs* *satus*, сѣмя, слѣдовательно собственно *virorum satus*, что можно перевести нашимъ племя; и другое слово: *faighvus*, сохранившееся въ агс. *fēogh* жизнь и въ др. н. *fērah*, *fērh* душа. Любопытно обратить вниманіе на то, какъ Ул. тремя различными понятіями выразилъ значеніе нашего слова миръ, восходя отъ понятія о бытіи и движеніи до нравственнаго понятія о человѣкѣ. Переводчикамъ Св. Писанія предстояло возвести домашнее и общежительное понятіе мира или міра до общечеловѣческаго *κόσμος*; и это послѣднее зна-

*) С. П. Шевырева Истор. Рус. слов. выпускъ I, стр. 62—63.

**) Hanky *zbirca neydeŭp. slown.* стр. 328.

ченіе; какъ литературное, не могло распространиться по всемъ славянскимъ племенамъ. Изъ перевода Св. Писанія слѣдуетъ заключить, что κόσμος не прямо былъ переведенъ міромъ, но описательнымъ выраженіемъ: весь міръ, т. е. все сборище, весь соборъ людей: что явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ О-а Е-я τοῦ κόσμου, всего, мира, а въ испр. уже просто: міра, Іо. 6, 51. καὶ ἔγωγε ἀπέστειλα αὐτοὺς εἰς τὸν κόσμον; и азъ послахъ ѿ въ весь миръ; въ испр. тоже просто: въ міръ, Іо. 17, 18. ζωὴν διδοὺς τῷ κόσμῳ, даи животь в'сему миру, къ испр. опять: животь міру, Іо. 6, 33. ἐν τῷ κόσμῳ, въ всемиръ (sic), въ испр.: въ міръ, Іо. 17, 13. ταῦτα λέγω εἰς τοὺς κόσμους, си глаголю въ всеми миръ, въ испр.: въ міръ. Слѣдовательно эта древнѣйшая, описательная форма служитъ какъ бы переходомъ отъ собственнаго значенія слова миръ, міръ, къ значенію литературному κόσμος. Смысль прилагательнаго мирской, уже въ XI в. напр.: какъ нарвчїе, употребляющагося въ примѣскѣ къ О. Е. „въ крїстїани Юсифѣ. а мирскы Остромиръ“—ясно указываетъ, что у насъ слово миръ въ своемъ прилагательномъ удержало только понятіе общества, въ противоположность церкви.

Враждебныя отношенія племенъ не могли не набросить нѣкоторой тѣни на древнѣйшія понятія о человечествѣ. Негостепрїимная встрѣча съ чужимъ укрѣпляла любовь къ домашнему крову и семьѣ. Защита своего и нападеніе на чужое вызывали войну, которая первоначально могла быть единствен-

нымъ понятиемъ для развитія идеи о народахъ и человечествѣ. Потому и въ латинскія понятія о толпѣ, множествѣ, сформировавшихся; соединяются съ понятіемъ о войнѣ. А именно :

1. отъ другъ (отъ скар дру иду, слыдую, точно также какъ суфф. тара въ словѣ в-тор-ой среденъ съ три переходить,—съ суфф. га идущій; смлч. чешь драга въ смыслѣ свиты) происходятъ дружина, употребляющаяся въ О. Е., согласно съ своимъ происхожденіемъ, какъ *itineris socii*, *comitia* : Лук. 9, 44 въ дружинѣ сажь, *in tu' comitia' huius*, (*in comitatu*); тоже понятіе, согласно съ начальнымъ смысломъ нашей дружины, и у Ул. *in gaudijra*, отъ *gauran* идти, страствовать ; наконецъ подтвержденіе тому же находимъ и въ *Tat. Nap. Ev. in theso zamantforti*.—Наша дружина между народами саросейскими испокон имѣла смыслъ воинственный; что свидѣтельствуютъ не только нарѣчія кельтскія, но и средневыжовая латинь и языкъ византийскій. А именно : дружина на средневыжовой латинѣ *drungus*, напр.: *scire dix debet contra quos drungos, hoc est, globos hostium, quos equites oportet poni*; *Veget. 3, 16 aut a vagantibus globis, quos vocant drungos, ibid. cap. 19*. Греческое *δρούγγος*, на мѣстѣ Докланиа, заимствовано уже изъ латинки : однако болышое развитіе этого слова въ производствѣ у Византийцевъ свидѣтельствуетъ, что имъ оно было, можетъ быть, еще болѣе извѣстно, напр. отъ *δρούγγος* встраивается нарѣчіе : *δρούγγιστή*, т. е. дружинно, дружески; тогда

какъ въ латини соответственнаго ему не находимъ. Къ греческимъ и латинскимъ писателямъ сред. вѣковъ это слово могло войти постольку же отъ Славянъ, какъ и отъ Нѣмцевъ, хотя издатели Ульфилова текста, Габеденць и Лёбе *), и приурочиваютъ его происхожденіе только Нѣмцамъ. Касательно носоваго звука въ греческомъ и среднелатинскомъ начертаніи этого слова тоже затрудненіе является гот. *drauhts*, какъ и наше *другъ*: и въ томъ и въ другомъ случаѣ предполагается носовое произношеніе Византійцевъ, будетъ ли это слово нашего, будетъ ли нѣмецкаго происхожденія. Болгарское *дронгарь* относится въ исторіи языка уже къ позднѣйшему періоду, будучи византійскаго происхожденія. Теперь обратимся къ исторіи нашего слова *другъ* у нѣмецкихъ племенъ. Замѣчательно, что у нихъ въ древнѣйшей формѣ это слово ближе къ славянскому *другъ*, именно у Готтовъ: *dringun*—исправлять воинскую службу, быть въ дружинѣ, откуда *gadrauhts* солдатъ, *drauhtinassus* дружина, др. нѣм. *ga-drusei cohors*. Въ арс. еще не столь искажены формы: *driht comitatus*, дружина, откуда *driht-guma* дружинникъ и *drihter* начальникъ дружины или *drungarius*, *δρουγάρως*, какъ называютъ его лат. и греч. писатели. Какъ Готты, ближайшіе къ Славянамъ, сохраняютъ и форму *dringun*, ближайшую къ славянской; такъ Норманны, на отдаленномъ сѣверѣ, болѣе другихъ

*) Ulfilas, II, I, стр. 49.

Нѣмцевъ удалились формою этого слова отъ Славянъ: ски. drótt толпа, слуги, дружина, dróttna власть, царствовать; dróttinn господинъ. Какъ у насъ начальное значеніе дружины заключаетъ въ себѣ понятіе о дружбѣ и согласіи, такъ и гот. drauhts значить собственно *лириал дружина, народъ*, хотя и происходитъ отъ глагола driugan воевать: это противорѣчіе гот. языка разрѣшается просто, если мы примемъ за основу наше славянское дружина, и тѣмъ охотнѣе, что уже въ древнѣйшую пору это слово вошло у насъ въ кругъ семейныхъ понятій: въ припискѣ къ О. Е. читаемъ: „и подружью его. Теофанъ;“ такъ названа жена Остромира. Другое, еще важнѣйшее противорѣчіе въ значеніи этого слова въ нѣм. нарѣчіяхъ тѣмъ болѣе убѣждаетъ насъ въ славянскомъ его происхожденіи. А именно: въ Салич. зак. читаемъ: *si quis puellam sponsatam, quae druchte ducitur ad maritum—moechatus fuerit*; вариантъ: *si quis puellam sponsatam, druchte ducente ad maritum*, и проч. Для объясненія druchte въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно важна слѣд. древняя глосса, приводимая Муратори: *truchte, id est, per nuptiatores*. Слѣдовательно drucht, drauhts означало въ старину нашего *дружку*: и потому только первоначальнымъ значеніемъ, въ славянскихъ нарѣчіяхъ сохранившимся, можетъ быть объяснено, какимъ образомъ одно и то же drauhts, drucht могло означать и война, дружину, и дружку. Согласно съ формою Салич. зак.: drucht, находимъ др. нѣм. truht-gumo и агс. dryht-

ginta, оба въ значеніи дружки *). Слѣдовательно въ нѣм. нарѣчіяхъ рядъ словъ, соответствующихъ нашимъ другъ, дружина, подружіе, дружка, — являетъ переходъ отъ значенія дружки и друга къ значенію толпы, воинства, народа.

2. подобное же явленіе представляетъ намъ и исторія слова полкъ, плькъ, чеш. pluk, пол. pulk, кр. ruk. Добровскій **) такъ обозначаетъ его исторію: castra veteribus, recentioribus agmen, legio. Въ переводѣ Св. Писанія дѣйствительно встрѣчаемъ его въ смыслѣ: *παρεμβολή*: повелѣ отвести его въ полкъ, Дьян. Ап. 21, 34. Но у Чеховъ, уже въ IX в. находимъ и во второмъ значеніи: „roda stara tetvi popeloua, „ien se p̄de s pleki s sehovimi „и се се sirne ulasti p̄tri reki — рода стара тетвы попелова, ен-же приде съ плькы съ чеховыми въ се-же жирне (власти прѣсь три рьки. — Слѣдовательно оба значенія имѣютъ одинаковое право на древность, судя по памятникамъ письменности. Въ отношеніи же смысла второе далѣе восходитъ въ старину. Въ Судѣ Любуши полкъ употребляется явно въ смыслѣ дружины, соединяющемъ въ себѣ значеніе не только Остромирова *synodía*, но и нѣмецкихъ *draúhts*, *gadraúhts*, *gadruscí* и др. Понятіе о дружинѣ, слѣдующей за княземъ въ походъ, до XII в. удержалось въ словѣ полкъ.

*) Ducange, Gloss. med. et inf. lat. Grimm, D. G. 2, 452.

**) Inst. l. sl. 118—119.

что видно, напр., изъ заглавья: Слово о ильку Иго-
ревь. Какъ дружина переходитъ у Готтовъ и Нер-
манновъ въ значеніе народа, такъ и полкъ, въ р.
рунск, получаетъ значеніе plebs, въ бс. rusjaniti граж-
данинъ, мѣщанинъ; rusjanski vulgaris. Въ этомъ толь-
ко последнемъ значеніи, въ значеніи народа полкъ
проходитъ всѣ нѣмецкія нарѣчія: др. н. volh, volc,
ск. fôlk и друг. за исключеніемъ готскаго, въ ко-
торомъ этого слова вовсе нѣтъ, и аго-го, въ коемъ
foik имѣетъ не только полный смыслъ славянскаго
полкъ и нѣмецкаго volc, но и лат-го pulkas (сбори-
ще, толпа, стадо); такъ что древнечешскаго героя,
Тетву Попелова, приведеннаго полки Чеховые, можно
назвать аго-мъ именемъ foikstoga, т. е. воевода, пре-
дводитель полковъ. — Такъ въ движеніи племенъ
полки проходили, и устанавлились, получая зна-
ченіе народовъ, и наоборотъ мирная дружина дѣ-
лалась враждебнымъ воинствомъ, и, черезъ гор-
нило войны, выработывалась въ цѣлый народъ *).
Не родство уже было основою такого единенія, но
сообщество, полюбовная сходна, а иногда и необходи-
мость. Если славянскую форму плукъ, пулкъ мы
примемъ за древнѣйшую и основную, ибо у замѣ-
няется въ послѣдствіи краткимъ ѵ, и потомъ уже
звукомъ серединнымъ о, который единогласно зву-
читъ въ нѣм. volc и др.; а нѣм. f; ѵ соответствуетъ
скр-у и нашему л, напр. г. fulls, др. нѣм. vol, скр.

*) С. П. Шевырева Ист. рус. слов. вып. 1, стр. 65—66.

нурна, полный: то наше нуль будет происходить по прямой линии отъ скр. мул *soveogwage*, *magnum esse*, стоящаго въ родственномъ созвучиѣ съ *pru* *harfega*. Следовательно и по произношенію, такъ какъ и по употребленію, полкъ имѣеть значеніе сборища, толпы, множества.

3. готескій переводъ Св. Писанія намъ свидѣтельствуетъ, что въ IV в. снѣживали понятіе о множествѣ или толпѣ съ понятіемъ о дружинѣ воинской: такъ у Ул. *hansa* соответствуетъ въ О. Е. двумъ словамъ: множество (*πλήθος*) и спира, т. е. стѣна, *caetera militum*; а именно: множество многого ludzi, у Ул. *hansa milika manageins*, Лук. 6. 17.— и призываютъ всѣ спира, у Ул. *jah gahaihaitun alla hansa*, Мр. 15, 16. id. Іо. 18, 3. — Следовательно толпа, множество, сборище, народъ—въ древнѣйшую эпоху были синонимами дружины, полка, воинскаго отряда. Гот. *hansa* едвали происхожденія нѣмецкаго, ибо кромѣ др. нѣм. въ другихъ старинныхъ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ мы его не находимъ. Именно это обстоятельство благоприятствуетъ остроумному, хотя и слишкомъ смѣлому сближенію Коллара *) нѣмецкой ганзы съ слав. *гза*, т. е. *анза*, съ придыханіемъ г: ганза или гза, какъ полюб. *wunsal*, слич. окно, гокно и вождо. Исторически извѣстное, древнѣйшее придыханіе при словѣ *гза*, ажъ, было *в*,

(* Castopis, 1843 г. стр. 108.

о чемъ свидѣтельствуеть Фрейз. ркпсы: i u. zelezneh vvosich, и въ жельзынхъ вжжхъ, и Рейиск. Еван., въ коемъ Остромирову: „раздръшити ремене сапогъ его“ соотвѣтствуетъ: „възваза сапогу.“ Если hansa есть наше вѣза, то надобно предполагать уже въ древнѣйшее время двойное произношеніе придыханія у Славянъ. — По крайней мѣрѣ исторія славянскихъ другъ и дружина у Нѣмцевъ — объясняетъ возможность перехода древнеславянскаго понятія о родствѣ, заключающагося въ словѣ вѣза, вѣза (жжика) къ нѣмецкому употребленію этого слова въ смыслѣ сбора, толпы и даже воинства. Такимъ образомъ, чрезъ враждебныя отношенія, племена и языки восходили отъ осязательныхъ представлений семейнаго быта до отвлеченныхъ понятій о народѣ и челоуѣчествѣ.

9. ГРЕЦИЗМЪ.

Вѣрный своимъ началамъ, славянскій переводъ Св. Писанія предлагаетъ гораздо болѣе грецизмовъ въ сравненіи съ переводами нѣмецкими. Ульфила, придерживаясь народности, уже въ IV в. умѣлъ отстраниться отъ вліянія греческаго, такъ что сличеніе его текста съ славянскимъ выказываетъ совершенно отличную отъ нашего перевода редакцію. Обиліе грецизмовъ и отстраненіе отъ выражений, непосредственно изъ жизни народной почерпнутыхъ, свидѣтельствуютъ о греческомъ литературномъ происхожденіи нашего перевода Св. Писанія. Самая правиль-

ность и чистота грамматических форм Остромирова текста предполагают неприкосновенную сохранность языка славянского перевода Св. Писанія отъ произвола и случайностей, которымъ текстъ непременно подвергся бы и въ древнѣйшую уже эпоху, если бы только на одной народной почвѣ получилъ свое начало, какъ онъ подвергался въ послѣдствіи.

Между словами иноязычными въ славянскомъ текстѣ Св. Писанія должно отличать грецизмы отъ латинизмовъ, вошедшихъ въ греческій текстъ. Очевидно, что сіи послѣдніе, какъ менѣе вразумительные переводчикамъ, или же, какъ термины техническіе, условные, остаются въ большей неприкосновенности: собственно же грецизмы иногда и переводятся въ нашѣмъ текстѣ. Такъ *κεντούριων*, какъ слово латинскаго происхожденія, постоянно передается въ О. Е. словомъ кентурионъ, и только въ одномъ мѣстѣ, именно Мр. 15, 44, 45, переводится сотникомъ: но и здѣсь видимъ не твердое употребленіе слова сотникъ, ибо это Евангеліе, повторяясь въ О. Е. дважды, лист. 17, в, и лист. 194 в., въ одномъ мѣстѣ удерживаетъ слово сотникъ, а въ другомъ кентурионъ; у Ул. *hunda-fars*, т. е. господинъ, начальникъ сотни. Что же касается до *ἐκατόνταρχος*, то оно постоянно переводится сотникомъ. Тоже должно замѣтить и о *χιλίαρχος*, коему, какъ слову греческому, понятному переводчикамъ, соответствуетъ тысячникъ. Тѣмъ болѣе объясняется въ Евангеліи явленіе кентуриона, какъ латинизма, что дѣленіе

властей славянскихъ на десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ и тысяцкихъ было искони у Славянъ, равно какъ и у Готевъ, у конхъ, по древнѣйшимъ законамъ, были *millenarii, quingentenarii, septenarii, decani* *). Въ житии Св. Симона, пизномъ Дометіаномъ, 1264, значится: и призва все власти царства своего, великим и малым, десетники и петидесетники и сътники и тысячники. — Латинскаго же происхожденія *custodia* передано въ О. Е. кустодія, у Ул. свое, народное *vardjans*, т. е. стража, отъ *vardja* стражъ. Напротивъ того греческое слово *φυλαχή* переводится стража: въ какъ стража тать придетъ, *πότε φυλαχῆ*, Мат. 24, 43; и темница: въ тьмьници *ἐν φυλαχῆ*, Мат. 25, 39. Слово кустодія, какъ латинизмъ, до позднѣйшаго времени оставалось не понятнымъ: такъ въ Церковномъ Уставѣ, писан. въ 1608 г., осуждается ложное толкованіе этого слова: „что нарекутъ кустодию Пилатову довиду ключницу то есть ересь все то не было кустодія есть воиновъ полкъ рекше рать.“ Вост. опис. Рум. Муз. 717.—Отъ лат. *legio, λεγιών*, въ О. Е. легионъ, у Ул. не только *laigaion*, но и своеземное *hargis*, т. е. войско, толпа. — *senatus, κῆνος*, въ О. Е. княсь, у Ул. *kaisara-gild*.—*sudarium, σουδάριον*, въ О. Е. сударь, у Ул. не только *aurali*, но и *fana*, можетъ быть родственное лат.-у *rannus*, но не чуж-

*) Шафар. Slov. Staroz. стр. 52. Палацк. сравн. закон. царя Стеф. Душана съ древн. земск. постановл. Чеховъ, въ Чтен. общ. ист. и др. 1846, N 2.

дое и прочимъ нѣм. нарицаніемъ, и даже переходящее въ значеніе знамени, vexillum, изъ нѣм. fahne.

Грецизмы въ О. Е. по преимуществу ограничиваются только названіемъ предметовъ, касающихся удобствъ жизни, ремеслъ, произведеній природы, для коихъ слова или вовсе не существовали въ языкѣ славянскомъ, или же были неизвѣстны переводчикамъ. Сими послѣдними даже выгодно было употреблять иностранныя реченія въ этомъ случаѣ для того, чтобы придать слогу величіе, не униживъ его нѣмнновеніемъ предметовъ жизни ежедневной. Иное дѣло съ понятіями нравственными: онѣ уже сами по себѣ возбуждали приличную высокому предмету мысль, и следовательно не нуждались въ непонятномъ выраженіи посредствомъ грецизма, который въ этомъ случаѣ могъ бы вредить переводу. Нравственное же понятіе, передаваемое грецизмами, получало въ слав. текстѣ какъ бы значеніе собственного имени, какъ бы олицетворялось: таково напр. слово: мамона, вошедшее въ языкъ слав. перевода, вѣроятно, изъ устнаго употребленія этого слова, см. Мат. 6, 24, Лук. 16, 11 и 13. У Ул. не только мамонин, Мат. 6, 24, но и faihū-praihus, т. е. divitiis, Лук. 16, 11 и 13: faihū-praihus сложено изъ preihan drängen, и faihū собственно скоть, а потомъ и богатство; въ Tat. harm. Ev: uweroltuucium, тоже сложное изъ werolt или weralt—mundus, seculum, и wolo, wola или wela divitiæ, felicitas.

Изъ сличенія грецизмовъ нашего перевода съ текстами готт. и др. нѣм., увидимъ большее стремленіе къ національности въ выраженіи послѣднихъ.

ехидна: въ О. Е. иштандя ехидьнова, *γηνῶματα ἐχιδῶν*, Лук. 3, 7; у Ул. *kini padre*; др. нѣм. Ев. VIII в. *potrono chaosles*, Мат. 12, 34. Въ О. Е. змия, иштандя ехидьнова, Мат. 23, 33, въ др. нѣм. Ев. VIII в. *potrona, potrona chaosles*; Tat. *harm. Ev. IX в. berd potrono.*

сикеръ, *σικερα*, т. е. вино изъ соку пальмовыхъ плодовъ: Лук. 1, 15 вина и сикера, у Ул. *vein jah leifra*, въ Tat. *harm. Ev. uina poh lid*. Слово *leifra, lid, lit* было столь народно, что сохранилось въ названіи др. нѣм. юридическаго обычая, состоявшаго въ питьѣ вина при покупкѣ: *litkouf*. Этотъ юридическій символъ остался и у насъ въ обычай *спрыскивать виномъ* покупку и все новое.

кришъ, *κρίνον*, собственно *λίαια*: Ул. замѣнилъ грецизмъ народнымъ названіемъ, хотя и выражающимъ общее понятіе цвѣтка: *blota*. Названія растений и благовоной южнаго климата, равно чуждыхъ и Славянамъ, и Нѣмцамъ, переводились и у тѣхъ и у другихъ словами чужестранными, чему доказательствомъ служить слѣдующее мѣсто Іо. 12, 3: *принимши литра мѹра нарда пистикимъ*, у Ул. *pan pund balsanis pardaus pistikeinis*: въ подлинникѣ почти тѣже звуки, какъ и въ слав. текстѣ: *λίτραν μύρου νάρδου*

πιστικῆς: особенно силенъ грецизмъ *πισтикии*, *pistikeins*, коимъ переводится πιστικός, собственно—чистый, несмѣшанный. Такой же грецизмъ находимъ Мр. 14, 3: алавастръ мѣра, нардоπισтикии, ἀλάβαστρον μέρου, μέρου πιστικῆς; въ испр. по крайней мѣрѣ возстановлена синтаксическая связь греческаго текста: алавастръ мѣра нарднаго пистикія. Даже и здѣсь текстъ Tat. harm. Ev. стремится къ болѣеи самостоятельности: salbfaz: salbun fon narthu gitana diura, согласно съ лат. текстомъ: *alabastrum unguenti narcis spicati praetiosi*.

сукаминъ и сукоморія, *συχάμινος* и *συχομοραία*, у Ул. *baina-bagms* и *smakka-bagms*; последнее соответствуетъ также гр-у *συχῆ*, въ О. Е. смолы.

карвана: въ О. Е. въ карванъ, ἐς τὸν χορβανῶν, у Ул. *in kaurbanaun*, Мат. 27, 6; но въ др. нѣм. Ев. VIII в. уже переводъ: *in geldfaze*; а въ Tat. harm. Ev. сложное съ *treso*, т. е. *thesaurus: tresofaz*.

пира, *πῆρα*, т. е. дорожная сума для хлѣба; у Ул. слово туземное: *mati-balgs*, сложное изъ *mats* пища и *balgs* мѣхъ, сума.

сандалии, *σανδάλιον*, у Ул. *sulja*, откуда нѣм. *sohle*.

Многие изъ грецизмовъ славянскаго перевода Св. Писанія остались неприкосновеннымъ достояниемъ языка церковнаго, тогда какъ у Ул. имъ соответствуютъ выраженія народныя, напр. трапеза, *τράπεζα*, у Ул. *biuds*; скипя, *σκήνος*, *σκηνή*: Лук. 9, 33:

свѣтныя три, у Ул. народныя; hceipra, hčija; впрочемъ и въ О. Е. въ другомъ мѣстѣ, именно Mat. 17, 4: три кровы.

Др. чешскіе тексты Св. Писанія, подобно др. нѣмецкимъ, дѣлають бѣльшее отстраненіе отъ греческихъ. Такъ акридъ, ἀκρίς, род. -ιδος; у Ул. туземное gramstei, по Габеленцу и Дѣбе, отъ primipian zalige; въ Реймск. Ев. въ одномъ мѣстѣ, Mat. 3, 4, это слово вовсе пропущено, въ другомъ же, именно Mr. 1, 6 замѣнено понятнымъ, славянскимъ: ѣды прагы, въ О. Е. яды акридъ. Памва Берында объясняетъ: „прузи, вружіе: кѣнички, кобылки, саранча. верхки дерева, зѣля. або трава, синоименна саранчи, бо на тую цвѣтъ си подобен, але смаку вдячного и травлого корень си.“—лентии, λέντιον, лат. linteum; въ Рейм. Ев. впрочемъ еще ближе, по грамматической формѣ, къ греческому тексту: лѣнтионъ, твор. лѣнтиономъ, тогда какъ въ О. Е.: лентимъ, Io. 13, 5; но въ чеш. отрывкѣ Ев. X в. уже славянское *пашница*: uze razmisi, Io. 13, 4. Отступленія отъ греческаго текста въ этомъ последнемъ мѣстѣ объясняются тѣмъ, что глоссаторъ имѣлъ намереніе каждое слово латинскаго текста пояснить: потому то онъ и osanna переводитъ: зраза, и даже amen—цегу; и позднѣйшіе чешскіе тексты Св. Писанія стремились сблизить переводъ съ славянскими понятіями: потому въ чеш. Ев. XIV в. мы находимъ вместо осанна—chwála zrazu (въ рук. zrazsy), а вместо amen—wěgně; точно также, какъ и въ др. нѣм. Ев. VIII в.:

uuar iu zagem, въ О. Е. амин глѣж вамъ, Мат. 24,
 34. — Фуникъ: Іо. 12, 13, въ О. Е. вѣин отъ фу-
 никъ, βατα τῶν φονίχων; въ чеш. отр. X в. letorozli
 palmiini, соответственно латинскому gamos palmarum;
 въ чеш. Ев. XIV замѣнено palmiini словомъ тузем-
 нымъ: jehnědowé, т. е. тополевыя, отъ gahněda или
 gehněda populus alba; у Ул. также народное выра-
 жение: astans reikabagme: reik же не сокращенная фор-
 ма изъ reinika, но скорѣе соответствует лат.-у pi-
 sea и гр.-у πύκη, и сродно съ др. фр. rik, агс. pic,
 др. нѣм. rih, и др.: слѣд. reika-bagms fichtenbaum.—
 възлежати ἀνακειῶμαι, въ смыслѣ: быть вмѣстѣ, бе-
 сѣдовать, ѣсть: въ О. Е.: Лазарь же идинъ бѣ отъ
 възлежашнихъ съ нимъ, Іо. 12, 2; у Ул. тоже чуж-
 дое понятие: anakumbjandane mīr imma; въ чеш. же
 Ев. XIV в. уже просто: Lazař jeden bieše z jedúcich
 z ním; точно также и въ др. нѣм. Ев. VIII в. вмѣ-
 сто възлежашнихъ встрѣчаемъ или kastuoli, отъ stuo-
 sedes, triclinium, или же sizzentun, т. е. сидящихъ,
 Мат. 22, 10 и 11.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа.
2. Въ періодъ своего образованія языкъ носитъ на себѣ слѣды мифологіи народной.
3. Древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія самого языка.
4. Родство языковъ индоевропейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ.
5. Мифологическія преданія Славянъ должны быть изучаемы въ связи съ преданіями другихъ средне-вѣковыхъ народовъ, и преимущественно съ преданіями нѣмецкихъ племенъ.

6. Готскій переводъ Библіи предлагаетъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ IV вѣкѣ.

7. Славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію Христіанскихъ идей.

8. Славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія Христіанскихъ понятій, происшедшею въ слѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ.

9. Готскій переводъ Библіи, напротивъ того, являетъ рѣзкій переходъ отъ выраженной мифологическихъ къ Христіанскимъ, и составляетъ любопытный фактъ въ исторіи языка, сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія Христіанскихъ идей.

10. По родству преданій славянскихъ съ нѣмецкими, не только готскій переводъ Библіи, но и другіи. переводы Евангелія, VIII и IX в., предлагаютъ намъ многіе общіе у Славянъ съ Нѣмцами древнѣйшіе обычаи и вѣрованія, ясно сохранившіеся въ нѣмецкихъ переводахъ Св. Писанія, но невошедшіе въ славянскій.

11. Переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда

въ языкъ господствовали еще во всей силѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ.

12. Напротивъ того, въ языкъ не только др. нѣм. переводовъ Св. Писанія, но даже и готескаго, замѣчается бѣльшее развитіе государственныхъ понятій.

13. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго.

14. Столкновения съ чуждыми народами и переводъ Св. Писанія извлекли Славянъ изъ ограниченныхъ, домашнихъ отношеній, отразившись въ языкъ сознаниемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго.

15. Отвлеченность славянскаго языка въ переводъ Св. Писанія, какъ слѣдствіе яснаго разумнія Христіанскихъ идей, очищеннаго отъ преданій дохристіанскихъ, усилилась грецизмами, которыхъ, сравнительно съ славянскимъ текстомъ, находимъ гораздо менѣе въ готескомъ.

16. По языку перевода Св. Писанія можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о характерѣ переводчиковъ и того народа, въ которомъ произошелъ переводъ Св. Писанія.

Безъименное море (Безименное) = Сто. №. 47

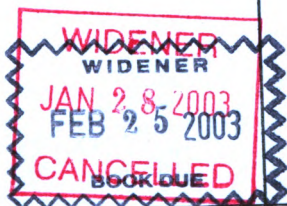

3 2044 009 704 560

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

*Non-receipt of overdue notices does **not** exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve
library collections at Harvard.

